

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2016. № 2(86)

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей:

23.00.00. Политология;

07.00.00. Исторические науки и археология;

08.00.00. Экономические науки

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека)

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory"

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций ERIH PLUS

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,

В.О., 8-я линия, д. 61

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10

Факс: (812) 335-42-16

E-mail: antonova-ev@szipa.ru, uk@szags.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2016
- © Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2016
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2016
- © Все права защищены

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Шамахов В. А.** — директор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург) — председатель совета, главный редактор;
- Елисеева И. И.** — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);
- Еремеев С. Г.** — доктор экономических наук, профессор, декан факультета политологии СПбГУ, сопредседатель Российского общества политологов (Санкт-Петербург);
- Сморгунов Л. В.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Субетто А. И.** — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург);
- Комаровский В. С.** — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);
- Макаров В. Л.** — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Квинт В. Л.** — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, председатель совета (Москва);
- Крастиньш А. В.** — почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);
- Лезеан Э.** — PhD, доктор философии по политическим наукам (Франция);
- Хань Лихуа** — профессор, директор Института Конфуция при Российском гуманитарном университете (Москва), профессор Института международной экономики Университета международного бизнеса и экономики (Пекин, Китай);
- Вольман Х.** — PhD, доктор права, профессор (Германия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Косов Ю. В.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург), заместитель главного редактора;
1. *По политическим наукам:*
- Акопов С. В.** — кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербург);
- Волков В. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Вульфович Р. М.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Казанцев А. А.** — доктор политических наук (Москва);
- Колесников В. Н.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Малькевич А. А.** — кандидат политических наук, доцент (Омск);
- Полякова Т. М.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Теребнёв Л. В.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
2. *По истории*
- Аграшенков А. В.** — кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург);
- Вершель В. П.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Ежова Г. В.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Исаев А. П.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Лушин А. И.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Морозов В. И.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Новикова И. Н.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Сергеев В. М.** — доктор исторических наук, профессор (Москва);
- Шумилов М. М.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
3. *По экономике*
- Балашов А. И.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Запорожан А. Я.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Каранатова Л. Г.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Куклина Е. А.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Халин В. Г.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Ходачек В. М.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Цыгалов Ю. М.** — доктор экономических наук, профессор (Москва);
- Яновский В. В.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург).

EDITORIAL COUNCIL

- Shamakhov V. A.** — Director of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg) — Chairman of the board, Chief Editor;
- Eliseeva I. I.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);
- Eremeev S. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Dean of the Faculty of Political Science of the Saint-Petersburg State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (Saint-Petersburg);
- Smorgunov L. V.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor (St. Petersburg);
- Subetto A. I.** — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg);
- Komarovsky V. S.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPa and regional academies of public administration (Moscow);
- Makarov V. L.** — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic-Mathematical Institute (Moscow)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

- Kvint V. L.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chairman of the Board (Moscow);
- Krastins A. V.** — Honored Doctor of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);
- Lezean E.** — PhD in Political Sciences (France);
- Han Lihua** — Professor, Director of Institute of Confucius at the Russian Humanities University (Moscow), Professor of Institute of the International Economy of University of the International Business and Economy (Beijing, China);
- Wolman H.** — PhD, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany)

EDITORIAL BOARD

- Kosov Yu. V.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor (St. Petersburg), Deputy Chief Editor;

1. *Political Sciences*

- Akopov S. V.** — PhD in Political Sciences, Associate Professor (St. Petersburg);
- Volkov V. A.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Vulfovich R. M.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Kazantsev A. A.** — Doctor of Science (History), Moscow Это в политические науки;
- Kolesnikov V. N.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Malkevich A. A.** — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Omsk);
- Polyakova T. M.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Terebnev L. V.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

2. *History*

- Agrashenkov A. V.** — PhD in History, Associate Professor (St. Petersburg);
- Vershel V. P.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Ezhova G. V.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Isaev A. P.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Lushin A. I.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Morozov V. I.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Novikova I. N.** — Doctor of Science (History), Professor (Saint-Petersburg)
- Sergeev V. M.** — Doctor of Science (History), Professor (Moscow)
- Shumilov M. M.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg).

3. *Economics*

- Balashov A. I.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg)
- Zaporojan A. Ya.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Karanatova L. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Kuklina E. A.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Halin V. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Khodachek V. M.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Tsygalov Yu. M.** — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
- Yanovskiy V. V.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg).

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 8 КАЗАНЦЕВ А. А.**
Эволюция цивилизаций и роль норм в системе международных отношений
- 20 ПЫЛИН В. В.**
Правовое регулирование изменения границ и преобразования муниципальных образований, пути устранения недостатков
- 25 АКИМОВ Ю. Г.**
Парадипломатия как средство выражения региональной идентичности субъектов федераций
- 34 КИРИЛЕНКО В. П., АЛЕКСЕЕВ Г. В.**
Демократия и «четвертая власть»
- 43 ЗАБРОДКИНА Е. Д., ПАСЫНКОВА В. В.**
«Трудно быть богом»: эволюция политических образов Владимира Путина

ЕВРАЗИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- 51 МЕЖЕВИЧ Н. М.**
Евразийский вызов для проекта «интеграции интеграций»
- 59 ЯГЬЯ В. С., ЛИ МИНФУ**
Центральная Азия в условиях сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 71 ШАМАХОВ В. А., АНДРЕЕВ С. Ю., РАЗУВАЕВ Н. В.**
Антикризисная система управления как механизм объединения интересов бизнеса, власти и населения (на примере строительства многоярусных паркингов в Санкт-Петербурге на участках, занятых плоскостными гаражами)
- 81 ЦАЦУЛИН А. Н., ЦАЦУЛИН Б. А.**
Инновационность биолого-фармацевтического кластера или импортозамещение: приоритеты развития отраслевой экономики

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 97 ЧИМАРОВ С. Ю.**
К вопросу о сетевом формате гибридной войны XXI века
- 103**
- 107 ГУСЕЙНОВА А. Б.**
Культурное наследие азербайджанского народа как основа развития этнотуризма в республике
- 113 ДЕМИДОВ А. А.**
Развитие неформального, информального и медиаобразования для целей развития критического мышления и формирования информационной безопасности личности
- 120 КОВАЛЕВ Н. В.**
Анализ социальной эффективности инвестиций в коммерческие проекты

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- 124 ЛУШИН А. И., АВДАНИН В. В.**
К вопросу об историографии электрификации СССР 1920–1930-х годов
- 133 АЛЕКСАНДРОВ В. Б.**
С. М. Соловьев как лектор: угол зрения В. О. Ключевского

A LINEA

- 139 ПРИВАЛОВА А. Ю.**
Роль индийской диаспоры в американо-индийских отношениях
- 145 ДОРОГОЙ К. Б.**
Реформа государственного управления в России в критериях системности
- 153 ТАРАНОВ И. Е.**
Административно-правовое регулирование рынка ценных бумаг
- 161 ПЕРЕВЕРЗЕВ Н. А.**
Проблемы участия малого и среднего бизнеса в государственных закупках
- 169 КУЛЕШОВ Вяч. С.**
Периодизация монетного обращения середины VIII — начала XI в. в Восточной Европе и динамика экономических связей древнейших русских дружин

POLICY AND LAWFUL STATE

- 8 KAZANTSEV A. A.**
The Evolution of Local Human Civilizations and the Problem of the Proliferation of Standards in International Relations
- 20 PYLIN V. V.**
Legal Regulation of Change of Borders and Transformation Municipalities, Ways of Elimination of Shortcomings
- 25 AKIMOV YU. G.**
Paradiplomacy as a Way of Promotion of Regional Identity of the Subjects of Federations
- 34 KIRILENKO V. P., ALEKSEEV G. V.**
Democracy and the «Fourth Estate»
- 43 ZABRODKINA E. D., PASYNKOVA V. V.**
«Hard to Be a God»: the Evolution of Political Images of Vladimir Putin

EURASIAN STUDIES

- 51 MEZHEVICH N. M.**
Eurasian Call for the Project «Integration of Integrations»
- 59 YAGYA V. S., LI MINGFU**
Central Asia in the Conditions of Conjugation of the Economic Belt of the Silk Way and the Eurasian Economic Union

POWER AND ECONOMY

- 71 SHAMAKHOV V. A., ANDREEV S. YU., RAZUVAEV N. V.**
Anti-recessionary Control System as the Mechanism of Association of Interests of Business, Power and the Population (on the Example of Construction of Multilevel Parkings in St. Petersburg on the Sites Occupied with Plane Garages)
- 81 TSATSULIN A. N., TSATSULIN B. A.**
The Innovativeness of Bio-Pharmaceutical Cluster or Import Substitution: the Development Priorities of the Economy Sector

SOCIETY AND REFORMS

- 97 CHIMAROV S.YU.**
To the Issue of Network-Centric Format of Hybrid of War of the XXI Century
- 103**
- 107 HUSEYNOVA A. B.**
Cultural Heritage of the Azerbaijani People as a Basis of Development of Ethnotourism in the Republic
- 113 DEMIDOV A. A.**
Development of non-formal, informal and media education for development of critical thinking and formation of information security of the personality
- 120 KOVALEV N. V.**
Analysis of the Social Efficiency of Commercial Projects Investments

HISTORY AND CULTURE

- 124 LUSHIN A. I., AVDANIN V. V.**
On a Question of a Historiography of Electrification of the USSR 1920–1930 Years
- 133 ALEXANDROV V. B.**
S. M. Solovyev as Lecturer: Angle of View of V. O. Klyuchevsky

A LINEA

- 139 PRIVALOVA A.YU.**
The Role of the Indian Diaspora in the US-India Bilateral Relations
- 145 DOROGOY K. B.**
Reform of the Russian System of Public Administration According to the System Theory
- 153 TARANOV I. E.**
Administrative-Legal Regulation of Securities Market
- 161 PEREVERZEV N. A.**
Problems of Participation of Small and Medium Enterprises in Public Procurement
- 169 KULESHOV Viach. S.**
A Periodization of Monetary Circulation of Mid-8th — Early 11th centuries in Eastern Europe and the Dynamics of Economic Relationships of the Oldest Russian Squads

Эволюция цивилизаций и роль норм в системе международных отношений*

Казанцев Андрей Анатольевич

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
 Директор аналитического центра ИМИ
 Доктор политических наук
 andrka@mail.ru

РЕФЕРАТ

В работе прогнозируются общие характеристики развития локальных цивилизаций в регионах мира, сопредельных России (Европа, исламский мир, АТР). Данная проблема анализируется в контексте вопроса о распространении норм в рамках системы международных отношений — процесса, играющего ключевую роль с точки зрения обеспечения устойчивости данной системы. В работе делается вывод, что скорость распространения норм в системе международных отношений в XXI веке будет ослабляться целым рядом факторов. Во-первых, анализ динамики развития Европы и США показывает очевидное снижение унифицирующего потенциала, возникающего за счет влияния западного мира на другие локальные человеческие цивилизации. Во-вторых, изучение развития исламской локальной человеческой цивилизации показывает наличествующий в ее рамках серьезный потенциал неприятия унификации норм в рамках системы международных отношений. В-третьих, анализ группы локальных цивилизаций, существующих в регионе АТР, показывает, что экономический подъем данного региона приводит к формированию представлений о наличии культурно-цивилизационных норм, альтернативных европоцентристскому миру.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

локальная человеческая цивилизация, устойчивость системы международных отношений, распространение и унификация норм, Западный мир, исламский мир, АТР

Kazantsev A. A.

The Evolution of Local Human Civilizations and the Problem of the Proliferation of Standards in International Relations

Kazantsev Andrey Anatolyevich

Moscow State Institute of International Relations of MFA of Russia (Moscow, Russian Federation)
 Director of Analytical Center of Institute of International Studies
 Doctor of Political Sciences
 andrka@mail.ru

ABSTRACT

The article contains prognosis of development of local civilizations in the regions of world neighboring to Russia (Europe, Islamic world, Asia-Pacific region). This issue is analyzed from the point of view of proliferation of norms within the system of international relations, which is the process playing a key role from the point of view of guaranteeing robustness of this system. The main conclusion of the paper is that the speed of norm proliferation within the system of international relations in the XXI century will be checked by a set of factors. First, the dynamic of development of Europe and USA indicates a clear tendency towards decrease of unifying potential that has appeared originally as a result of influence of the Western world towards other local human civilizations. Second, the study of development of Islamic civilization indicates that there is a significant potential of rejection of unification of norms within the system of international relations. Third, analysis of the group of local human civilizations existing in the Asia-Pacific region demonstrates that eco-

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ 15-37-14016 «Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии».

conomic development of this region is accompanied by formation of ideas about cultural norms alternative to Europe-centric world.

KEYWORDS

local human civilization, robustness of the system of international relations, proliferation and unification of norms, Western world, Islamic world, Asia-Pacific region

Распространение норм¹ в рамках системы международных отношений — процесс, играющий ключевую роль с точки зрения обеспечения управляемости и устойчивости (robustness) данной системы. Это — один из ключевых вызовов с точки зрения глобального управления (global governance). Устойчивость, в свою очередь, является важнейшей практической проблемой с точки зрения обеспечения безопасности государств современного мира, прежде всего, России [8]. Цивилизационное своеобразие, — в частности, наличие локальных цивилизаций, — является одной из важнейших компонент, которая обеспечивает определенное «торможение» процессу унификации норм в рамках системы международных отношений. При этом проблема унификации и проблема устойчивости имеют между собой сложную диалектическую связь. Слишком большая унификация может снизить устойчивость системы к шоку, который может поразить одновременно все ее элементы. Слишком малая степень унификации снижает степень экономической взаимозависимости, повышает сложности во взаимопонимании и резко увеличивает вероятность конфликтов в рамках системы. Анализ цивилизационной проблематики отвечает целому ряду актуальных тенденций развития политической науки [6], изучения современных международных отношений [5] и комплексного изучения проблемы распространения норм и инноваций [4].

В рамках данной статьи будет дан анализ развития трех ключевых цивилизационных зон, расположенных по периферии российских границ: страны Запада, страны исламского мира и страны региона АТР. Данный обзор позволит нам сделать предварительный прогноз степени унификации² системы международных отношений на периферии российских границ и поможет оценить перспективы распространения норм в системе международных отношений на длительную перспективу.

Западный мир в XXI веке: перспективы цивилизационного развития

В целом сейчас за тем, что называется Западный мир, стоит одна, достаточно определенная модель развития. Она предполагает идеологию и систему ценностей, сочетающую принципы: а) *приоритета прав атомарного индивида над групповыми общностями («права человека»); б) конкурентной политической системы со свобод-*

¹ Поскольку статья носит общетеоретический характер, то понятие нормы используется в рамках социологической, а не юридической науки, т. е. в понятие норм включены как формально-юридические нормы (более узкий юридический подход), так и неформальные нормы (более широкий социологический подход), включающие, наряду с формальными, поведенческие культурно-цивилизационные особенности.

² Понятие «унификации норм» используется в данной статье в контексте дискуссий между введенной Ф. Фукуямой моделью анализа международных отношений (мир стремится к гомогенности норм, к однородным нормам, основанным на опыте развития западного мира) и моделью С. Хантингтона (мир характеризуется различием цивилизационных норм). При этом автор данной статьи далек от того, чтобы обосновывать одну из этих моделей, он лишь рассматривает некоторые практически значимые с точки зрения российской внешней политики тенденции цивилизационного развития стран, расположенных по соседству с РФ.

ными выборами как единственной легитимной формы политического правления («демократия»); в) распределения ресурсов на свободном рынке как единственной эффективной формы хозяйствования («рыночная экономика»); г) приоритета указанных выше принципов по отношению к национальным законодательствам государств («ограничение национального суверенитета»). Предполагалось даже, что «национальное государство исчезнет под воздействием глобальных коммуникаций» [16]. На практике Западный мир также связан с военно-политическим лидерством США.

Существенно то, что эти принципы и многие попытки их реализовать в мировом масштабе не лишены потенциальных внутренних противоречий. Например, демократия, понятая как неограниченное господство большинства над меньшинством, может противоречить идее прав человека. В не меньшей степени предполагаемое демократией и правами человека равенство противоречит неравенству, на котором основана рыночная экономика. Возможность международного вмешательства же в реальности может часто реализовываться через практику «двойных стандартов» в соответствии с настроениями, доминирующими в элитных и массовых кругах в США.

В дополнение к описанным выше, специфические социально-политические противоречия многих азиатских и африканских стран трудно адаптируются под эти принципы. Например, индивидуализм противоречит высокой роли кланово-групповой лояльности. Рыночная экономика плохо уживается с политическими системами, основанными на личном патронаже, и т. п.

Существует и еще одно противоречие западного варианта создания структуры глобального порядка. Параллельно с глобализацией во всем мире повышается ценность локальных культур, все более распространенной становится практика поощрения разнообразия культурно-цивилизационных форм, борьба с попытками любого навязывания внешних норм. В частности, это проявляется в распространенном на Западе *постмодернизме*.

В незападных странах глобализация вызывает к жизни противостоящие ей феномены традиционализации [12]. «Чем больше растет экономическая взаимозависимость, тем сильнее будем мы подчеркивать свои различия, в особенности языковые. Глобализация экономики будет сопровождаться ренессансом в языковом и культурном самоутверждении» [10]. Протесты против западноцентричной глобализации в разных формах проявляются в различных культурных средах. На Западе речь идет о разгроме «Макдоналдсов» антиглобалистами [14]. В исламском мире традиционализация принимает форму джихада против глобальной экспансии западных ценностей [5].

Западный мир — это прежде всего коалиция очень эффективно действующих государств Европы и ее переселенческих колоний (США, Канада, Австралия). Эта группа стран имеет единый цивилизационный фундамент (западное христианство), общую историю и культуру, связанную с Европой, сходный набор общих неформальных институтов (ценности демократии, рынка, прав человека, индивидуализма и т. д.). Эти страны тесно интегрированы целым рядом чрезвычайно эффективных региональных организаций: НАТО, ЕС, АНЗЮС и т. д. Деятельность многих ключевых международных организаций («Группа восьми индустриально развитых государств», МВФ) тесно связана с интересами этой коалиции. Вступление в эту коалицию приносит много разнообразных преимуществ. Поэтому к ней тесно примыкают и многие другие развитые (Япония) и развивающиеся страны, имевшие исходно другой культурно-цивилизационный базис.

Тем не менее многие достаточно сильные государства (особенно, Россия, Китай, Иран) не входят в эту коалицию, лишь эпизодически с ней сотрудничая или конкурируя. При этом они официально поддерживают идею «многополярного мира», что тоже является одной из форм борьбы с политической глобализацией.

Ключевым фактором, который будет определять эволюцию западного мира в долгосрочной перспективе, является его демографический и экономический упадок. Первый будет проявляться относительно, прежде всего, быстро растущего населения стран Африки и ряда стран Азии. Второй будет связан с относительным уменьшением доли экономики ЕС и США в мире относительно, прежде всего Китая, Индии и ряда стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Впрочем, все это отнюдь не означает *абсолютного* упадка западного мира. Пока нет объективных данных, которые бы позволили его прогнозировать. Уровень жизни на Западе будет оставаться высоким, но США и ключевые государства ЕС, уступая многим азиатским и африканским странам по населению, а также уступая новым экономическим гигантам (прежде всего, Китаю) по размеру ВВП, не смогут объективно решать все основные мировые вопросы.

Дополнительно к этому Запад все больше будет сталкиваться с вызовом, связанным с инкорпорацией мигрантов в принимающее общество. По мере роста демографического разрыва между Западом, с одной стороны, азиатскими и африканскими странами, с другой, миграция будет только усиливаться. При этом кризис модели «мультикультурализма» на Западе делает все более сложным интеграцию этих мигрантов. Эта культурно-цивилизационная проблема уже имеет важное военно-политическое измерение: например, в виде готовности большого количества мусульман-мигрантов отправляться на войну с Западом в Сирию, Ирак или Афганистан, а также в виде проблемы роста террористической деятельности в самих западных странах. В дальнейшем эта культурно-цивилизационная проблема будет только усиливаться. Путей ее решения пока не найдено, и трудно прогнозировать, что они будут обнаружены.

В целом проведенный выше предварительный анализ развития западной локальной человеческой цивилизации показывает очевидное снижение ее унифицирующего потенциала, т.е. происходит снижение ее влияния на другие цивилизации. Следовательно, уже это указывает на один из факторов, обеспечивающих достаточно ограниченный тип унификации норм в процессе глобализации в XXI веке.

Исламский мир в XXI веке: перспективы цивилизационного развития

Ислам — чрезвычайно многоликая религия, включающая в себя огромное количество разнообразных измерений и обогатившая человечество многими великими духовными свершениями. Исламская цивилизация чрезвычайно многолика. Однако можно вычленить некие общие социально-политические и психологически-политические последствия, которые вызывает принадлежность того или иного общества к миру ислама, наличие у него исламской идентичности. Столкновение с проявлениями этой идентичности может, зачастую, вызвать у немусульманских государств-партнеров исламских стран специфические однотипные проблемы с точки зрения выработки внешней политики [15].

Известный востоковед-компаративист Л. С. Васильев отмечал следующее: «...мусульманские государства были, как правило, весьма могущественными. Несложная их внутренняя административная структура обычно отличалась простотой и стройностью. Эффективность центральной власти, опиравшейся на принцип власти-собственности, господство государственного аппарата власти и взимание в казну ренты-налога с последующей ее редистрибуцией, подкреплялась, как не раз уже упоминалось, сакральностью власти и покорностью подданных» [2]. В результате для всех современных исламских государств характерны элементы этатизма, патернализма, непомерно раздутого государственного сектора, нераздельности политико-администра-

тивной власти и контроля над собственностью, низкой степени экономической свободы. Эти «антирыночные» тенденции еще более усилены специфическим для исламского мира эгалитаризмом, представлением об исходном равенстве возможностей всех людей и антиэлитизмом. В результате массовые движения в исламских государствах, как правило, антилиберальны.

В не меньшей степени для исламских обществ характерны «чувство совершенства образа жизни в сочетании с всеобщностью и всесторонностью ислама, опутывавшего общество наподобие густой паутины, что всегда было залогом крайнего консерватизма и конформизма мусульман, чуть ли не ежечасно (вспомним об обязательной ежедневной пятикратной молитве!) призванных подтверждать свое религиозное рвение» [2]. Это часто приводит к очень высокой степени консерватизма, к неприятию инноваций, подозрению ко всякой самостоятельной творческой деятельности. Эта традиционная структура задает очень сложную ситуацию в плане современных инноваций [11]. Очень большую роль в росте консервативных настроений сыграло закрытие «врат итджихада» (т. е. запрет самостоятельной рациональной интерпретации принципов и норм ислама) в X в. Запрет сохраняется и до настоящего времени.

В сочетании с могуществом патерналистского государства и эгалитаризмом консерватизм исламского мира приводит к очень серьезным сложностям с развитием не только постиндустриальной, но даже индустриальной экономики. Достаточно сложно опровергнуть тот факт, что экономики всех мусульманских обществ носят преимущественно аграрный или сырьевой характер. Из более современных сфер экономики в исламском мире хорошо развиваются только торговля и сфера услуг. Единственным исключением из этого правила являются Малайзия и, до определенной степени, Турция. Однако Малайзия цивилизационно относится к Азиатско-Тихоокеанскому региону, а ключевую роль в ее экономическом развитии играет китайское меньшинство. Турция же, со времен Ататюрка, проводила последовательную деисламизацию всех сфер жизни.

Исторический опыт подтверждает, что страны исламского мира встречаются с большими трудностями в адаптации к модели либеральной демократии. Более или менее стабильные демократические режимы были характерны только для двух стран: Турции и Ливана. Тем не менее, для Турции характерны периодические военные перевороты, а ее армия в соответствии с заветами Ататюрка считала себя гарантом светского пути развития государства. Демократия в Ливане была связана с преобладающей ролью христиан-маронитов и дестабилизировалась по мере исламизации страны (хотя, разумеется, нельзя «списывать со счетов» и фактор негативного влияния арабо-израильского конфликта на ситуацию в Ливане).

Важной характеристикой традиционного ислама является его воинственность и склонность к конфликтам с внешним миром. Разумеется, этот мобилизационный потенциал религии реализуется в реальности не столь уж и часто.

Нельзя в соответствии с широко распространенными на Западе заблуждениями в духе «столкновения цивилизаций» считать большинство мусульман мира экстремистами и джихадистами. Традиционные для мира ислама представления о глобальном единстве общины верующих — уммы — достаточно редко принимают характер борьбы за «всемирный халифат». Куда более широкое распространение среди теологов и исламистской интеллигенции получил исламский национализм. Его сторонники выступают за приоритет идей ислама, но в рамках национальных государств. Еще большее количество сторонников в мире ислама имеет модернистская трактовка, которая позволяет тем или иным образом согласовывать нормы ислама с требованиями современности. И даже среди сторонников «всемирного халифата» достаточно много приверженцев мирных, просветительских путей

борьбы. В этом случае речь идет, скорее, об интеграционном движении внутри исламского общества.

Однако практически среди всех направлений современного ислама идет поиск альтернативных Западу форм внутривнутриполитической жизни и внешнеполитической ориентации. Это характерно даже для большей части исламских модернистов, которым часто свойственна идеология «третьего пути», популизм, социальный консерватизм, этатизм, неприятие либеральной демократии и свободного рынка.

«...Исламское движение — умеренно-либеральное или радикальное — ориентировано на поиск „исламского решения“ современных, в том числе политических проблем. Однако предствление о том, что такое „исламское решение“, у представителей различных поллитических и социальных сил, идеологов и лидеров разное, каждый по-своему толкует исламские истины. Но общим остается стремление использовать в политике концепцию планетарного единства мусульманской общины, основанную на тезисе, что ислам есть интегрированная социально-политическая, социально-экономическая и социально-культурная система, выступающая против экспансии индустриально развитого евро-американского мира. Сегодня это имеет форму движения исламской солидарности» [9].

«Альтернативность» ислама в существенной степени реализуется в международно-политической жизни. «Во всем этом просматривается относительная альтернативность всей системы международных организаций исламского мира и норм, которыми они руководствуются, — по отношению к так называемой западной, т. е. предполагаемо неорганичной для исламских государств системе международного права и международных отношений» [3]. Более того, исламские организации имеют четкую тенденцию дублировать «западные» глобальные международные организации. ОИК — аналог ООН; Исламская комиссия Международного Красного Полумесяца — аналог Международного Красного Креста; Исламский банк развития — аналог Международного банка реконструкции и развития; Исламская организация по образованию, науке и культуре — аналог ЮНЕСКО; Исламская федерация спортивной солидарности — аналог Всемирного олимпийского комитета. Ключевые международные документы также имеют альтернативные исламские аналоги: Всеобщая декларация прав человека — Исламская декларация прав человека; комплекс международных документов по борьбе с терроризмом — исламский договор о борьбе против международного терроризма ОИК и т. д. [3].

В целом, исламский мир, несмотря на разделяющие его противоречия, так же, как и Запад, представляет собой целую коалицию государств на цивилизационной основе. Ее интегрирует общий цивилизационный фундамент, наличие большого количества международных государственных и неправительственных организаций, распространенное среди масс мусульман ощущение общности и исламской солидарности. Материальным показателем жизнеспособности такой международной коалиции выступает большая финансово-экономическая помощь, которую богатые (прежде всего, нефтедобывающие) исламские страны оказывают более бедным. Специфический характер этой помощи заключается в том, что она тесно идеологически увязывается с различного рода «исламскими» целями: исламским просвещением, исламской солидарностью и т. д. Наконец, показателем реального существования «исламской коалиции» в мире является то, что она поддерживает «свой» вариант формирования структуры глобального порядка, основанный на исламе (при всей реальной вариативности понимания ислама).

В XXI веке все указанные выше характеристики мира ислама сохранятся. Он по-прежнему будет искать «исламскую альтернативу» «западноцентрической» глобализации. Продолжающийся демографический рост приведет даже к усилению относительной роли мира ислама в глобальном масштабе. Впрочем, увеличение населения без серьезного экономического роста — это еще и вызов развития

и даже стабильности. Одновременно с демографическим ростом будет действовать тенденция к экономической деградации, так как ни одно из государств исламского мира (за частичными исключениями расположенных в АТР Малайзии, в меньшей степени, Индонезии, и частично расположенной в Европе Турции) не сумело «вписаться» в постиндустриальный мир и даже создать индустриальную экономику. Возможное уменьшение роли углеводородной экономики в XXI веке может привести к резкому падению значения таких ключевых исламских стран, как Саудовская Аравия и Иран.

Еще вторая важная тенденция для мира ислама в XXI веке — продолжение роста религиозного отставания исламских государств и увеличения в них перенаселенности. Религиозный экстремизм будет задавать динамику разного рода серьезных конфликтов, куда будут вовлечены не только исламские страны, но и государства других цивилизационных районов Земли [7].

Третья тенденция — сохранение высокой угрозы образования «несостоявшихся государств» в мире ислама. К этому ведут негативные социально-экономические факторы, перенаселенность, а также рост исламского экстремизма.

Четвертая тенденция — внутренняя раздробленность мира ислама и тяжелые внутренние конфликты между различными направлениями внутри исламской религии, проявляющиеся как в противостоянии государств (например, в настоящее время — Ирана и Саудовской Аравии), так и в экстремистско-террористической деятельности.

В целом проведенный выше предварительный анализ развития исламской локальной человеческой цивилизации показывает наличествующий в ее рамках серьезный потенциал неприятия унификации норм в рамках системы международных отношений. Более того, острота внутренних конфликтов внутри мира ислама четко демонстрирует, что распространение норм даже внутри группы стран соответствующей цивилизационной традиции сталкивается с серьезными проблемами.

Регион АТР и эволюция «азиатизма» в XXI веке: перспективы развития сложносоставной цивилизации АТР

Азиатизм (или паназиатизм) — достаточно сложный комплекс идеологий, распространенных в современном Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), вплоть до Китая и Индии [9]. Единство этих народов возникло благодаря становлению гигантской торговой и культурно-цивилизационной зоны, связывавшей все страны региона (испытывавшие влияние китайской конфуцианской культуры, индийских буддизма и индуизма, наконец, ислама, пришедшего через Индию) еще до прихода европейцев [1]. В рамках этой зоны происходил также и культурный синтез. Причем движение навстречу друг другу шло с обоих концов Азии. Еще в минскую эпоху (1368–1644 гг.), до европейских Великих географических открытий, китайские военно-торговые флоты огибали всю Азию, доходя до Африки. С другого конца Азии тот же морской путь проложили исламские торговцы из Индии и Юго-Восточной Азии, где уже осуществлялся синтез исламской и индуистско-буддистской культур.

Европейские колонизаторы, ставшие доминировать над этими морскими путями с XV–XVI вв., только присвоили себе уже существовавшую систему торговых и, в меньшей степени, культурных связей. При этом Китай сохранял роль наиболее экономически развитой части мира почти до опиумных войн (XIX в.), после которых эта роль окончательно перешла к Англии. Однако уже к концу XIX в. все страны этого гигантского региона, кроме Японии (частично также Китая и Таиланда), представляли собой колонии, полуколонии или зависимые страны.

Начало роста идеологии азиатского единства можно усмотреть в реакции на победу Японии над Россией в войне 1905–1907 гг. До этого среди народов этого обширного международного региона, под влиянием стереотипов европейцев, было распространено мнение о собственной отсталости и даже расовой неполноценности, необходимости полностью отказаться от традиционных ценностей. Тем не менее успешная военно-экономическая модернизация Японии, сумевшей даже победить великую мировую военную державу, показала, что азиатские народы (связанные с монголоидной расой) способны эффективно ответить на вызовы современности. Более того, оказалось, что при этом могут быть сохранены многие традиционные институты и ценности (как это имело место в Японии). Напротив, именно они могут оказаться базисом эффективности в соревновании с европейцами.

В период борьбы с колониализмом в межвоенный период и в период Второй мировой войны азиатизм, в том числе, и под влиянием японской пропаганды принял вид лозунга «Азия для азиатов». При этом вполне в духе многих научно-идеологических представлений, распространенных и в Европе того же времени, предполагалось, что за расовым «азиатским» единством прослеживается и единство «азиатских» ценностей и культур. Часто просматривалось и определенное сходство интересов как всех антиколониальных движений в АТР, так и японского экспансионизма, заинтересованного в вытеснении европейцев из Восточной Азии (собственно, японский конструкт, призванный подчеркнуть лидерство Японии в регионе). Так возникли элементы коалиционных взаимодействий между различными азиатскими народами, которые сохранились и воспроизвелись и в послевоенный период.

Япония, много сделавшая для рождения азиатизма, в период войны с Китаем и Второй мировой войны, совершила много преступлений, настроивших против нее другие азиатские народы. Тем не менее, именно чудесный экономический подъем Японии после Второй мировой войны привел к изменению характера азиатизма. Наряду с различного рода антиколониальными и антипостколониальными настроениями в него включились представления о социально-экономической модернизации с опорой на традиционные ценности и структуры в торгово-инвестиционном взаимодействии с Западом.

Вслед за Японией возникли новые азиатские «тигры» (Сингапур, Гонконг, Тайвань, Южная Корея). К ним начали приближаться Малайзия и, в меньшей степени, Индонезия. Наконец, процесс бурного экономического роста охватил после реформ Дэн Сяопина и Китай, который вновь в 1990-е годы вернул себе статус «мастерской мира». В настоящее время уже произошел перенос центра «тяжести» мировой экономики с Североатлантического в Азиатско-Тихоокеанский регион, происходящий благодаря одновременному экономическому подъему АТР (прежде всего Китая) и Тихоокеанского побережья США. Более того, появились даже рассуждения о том, что США и Китай сейчас являются «одной экономикой с двумя разными политическими системами». Действительно, при всей глубине политических разногласий между США и КНР степень их экономической взаимозависимости очень высока (КНР является основным кредитором США, США — основной инвестор и источник технологий для КНР, оба государства являются также друг для друга ключевыми торговыми партнерами). Все эти тенденции в XXI веке будут смягчать военно-политическое противостояние КНР и США.

В области политической культуры народы АТР объединяет ярко выраженный прагматизм и стремление максимально использовать потенциал традиционных ценностей для социально-экономической модернизации. С точки зрения политических систем, эти страны представляют достаточно пеструю картину. Авторитарные, полуавторитарные или посткоммунистические режимы, в целом, преоб-

ладают. В регионе очень мало демократий. При этом одни из них очень молодые (Южная Корея, Тайвань), другие отличаются специфическими «азиатскими» особенностями (доминирование одной партии в Японии). Таким образом, возникла чрезвычайно привлекательная для многих неевропейских обществ модель развития, сочетающая необычайно успешное развитие рыночной экономики с сохранением существующих социально-политических институтов, часто авторитарного или полуавторитарного типа. В этом плане модель, сложившаяся в АТР, представляет собой в XXI веке одну из реальных альтернатив западной модели развития, основанной на сочетании вестернизации, демократизации и экономической либерализации.

Международное сотрудничество в регионе также стало все больше строиться на основании принципа «азиатские дела должны вершить азиаты». Таким образом, страны региона взяли на себя ответственность за формирование собственной структуры регионального порядка, ревниво относясь к попыткам западных стран вмешаться в этот процесс. Эта тенденция продолжится и в XXI веке, хотя в президентство Обамы она столкнулась с контртенденцией — стремлением США сформировать систему военно-политических союзов по периферии КНР. Однако эта политика сталкивается и с сопротивлением Китая, и с неприятием многих представителей азиатских политических элит.

Это видно, например, по работе различных интеграционных структур в АТР. Базисом интеграции в регионе стали «азиатские ценности», противопоставляемые политическому давлению Запада. Зачастую это официально провозглашаемая государственная политика. Так, в Малайзии с начала 1980-х годов официально объявлена «ориентация на Азию». Сингапур, поддерживающий иммиграцию на свою территорию высококвалифицированных специалистов из других стран, специально поощрял въезд азиатов, а не европейцев, и т. д. При этом его руководство постоянно подчеркивало роль «азиатских ценностей» в функционировании политической системы государства.

На неформальном уровне азиатские страны также легче взаимодействуют, преимущественно, между собой. В целом между ними, несмотря на определенные разногласия (например, территориальные споры или претензии к Японии за зверства периода оккупации), складывается очень эффективная международная коалиция, в ряды которой стараются не пускать носителей «чужих» ценностей. Так, например, АСЕАН отвергла предложение об установлении зоны свободной торговли совместно с соседними Австралией и Новой Зеландией. «Вопрос о слиянии был снят с повестки дня после того, как в октябре 2000 года три ведущих члена АСЕАН — Малайзия, Индонезия и Филиппины — отказались начать соответствующие переговоры. В первую очередь, из-за недовольства регулярными попытками австралийского правительства навязывать этим странам свое видение мира» [13].

По мере роста экономического влияния стран АТР, прежде всего Китая, их представления о наиболее оптимальной структуре регионального порядка, основанной на «азиатской» культуре, начинают переноситься и на глобальный уровень. Наиболее активно в этом плане действуют такие государства, как Малайзия и Китай. *Весьма вероятно, что эта тенденция продолжится на протяжении, по крайней мере, первой половины XXI века. В связи с этим анализ группы локальных цивилизаций, существующих в регионе АТР (а это цивилизации китайско-конфуцианской, индийской, исламской и ряда других традиций), показывает, что подъем данного региона приводит к формированию представлений о наличии культурно-цивилизационных норм, альтернативных европоцентристскому миру. Этот фактор в долгосрочной перспективе будет также снижать степень унификации норм внутри системы международных отношений, а также будет определенным образом сдерживать тенденцию к унификации внутри нее.*

Заключение

В целом проведенный выше предварительный анализ развития ряда локальных цивилизаций, расположенных по периферии границ России, показывает, что скорость распространения норм в системе международных отношений в XXI веке будет ослабляться целым рядом факторов.

К их числу можно отнести следующие:

- 1) анализ динамики развития Европы и США показывает очевидное снижение унифицирующего потенциала, возникающего за счет влияния западного мира на другие локальные человеческие цивилизации;
- 2) анализ развития исламской локальной человеческой цивилизации показывает наличествующий в ее рамках серьезный потенциал неприятия унификации норм в рамках системы международных отношений. Более того, острота внутренних конфликтов внутри мира ислама четко демонстрирует, что распространение норм даже внутри группы стран соответствующей цивилизационной традиции сталкивается с серьезными проблемами;
- 3) анализ группы локальных цивилизаций, существующих в регионе АТР (а это цивилизации китайско-конфуцианской, индийской, исламской и ряда других традиций), показывает, что подъем данного региона приводит к формированию представлений о наличии культурно-цивилизационных норм, альтернативных европоцентристскому миру.

Описанные факторы в долгосрочной перспективе будут снижать степень унификации норм внутри системы международных отношений. Это, в свою очередь, будет сказываться на управляемости. В частности, отсутствие необходимой степени унификации норм может вести к повышенной конфликтности и к снижению устойчивости системы международных отношений в соответствии с теорией, впервые выдвинутой С. Хантингтоном [12]. Однако если цивилизационные конфликты удастся удержать под определенным контролем, то это, напротив, приведет к большей устойчивости и управляемости глобальной системы. Причина заключается в том, что необходимое для устойчивости разнообразие может способствовать более эффективному глобальному управлению. Таким образом, наблюдаемые цивилизационные тенденции в плане распространения норм говорят о том, что очень многое зависит от качества работы институтов глобального управления. Одна и та же ситуация, в зависимости от качества их работы, может привести либо к большому числу цивилизационно обусловленных конфликтов, либо к эффективному взаимодействию на основе достаточного и взаимодополняющего разнообразия цивилизационных норм.

Для российской (и не только российской) внешней политики проблема отсутствия унифицированных норм и фактор наличия цивилизационно обусловленного многообразия норм означает: а) необходимость усиления аналитического сопровождения принятия внешнеполитических решений; б) необходимость развития востоковедческих и иных культурно-политических исследований; в) необходимость активного использования инструментов межкультурного и межцивилизационного диалога в рамках общественной дипломатии.

Литература

1. *Бродель Ф.* Время мира : в 3 т. М. : Прогресс, 1992. Т. 3: Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв
2. *Васильев Л. С.* История Востока : учеб. для вузов: в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. М. : Высш. шк., 2001. Т. 2. С. 184.
3. *Игнатенко А. А.* Самоопределение исламского мира // Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближ. и Сред. Востока, на Кавказе и в Центр. Азии): сб. ст. / отв. ред.: В. Я. Белокреницкий, А. З. Егорин. М., 2001. С. 8–4.

4. Казанцев А. А. Интеллигенция и структурные инновации в политическом пространстве (опыт сравнительного анализа) // Полис. Политические исследования. 2007. № 1. С. 71–93.
5. Казанцев А. А. О когнитивно-неоинституциональном подходе к изучению международных отношений // Полис. Политические исследования. 2003. № 1. С. 74–81.
6. Казанцев А. А. Политическая наука: проблема методологической рефлексии. Обзор круглого стола // Полис. Политические исследования. 2001. № 6. С. 51–63.
7. Казанцев А. А. «Ваххабизм»: Опыт когнитивного анализа институтов в ситуации социокультурного кризиса // Полис. Политические исследования. 2002. № 5. С. 96–109.
8. Кузнецов И. И. Проблематика конфликтов «нового поколения»: оценки и прогнозы // Аналитические записки НКСМИ МГИМО (У) МИД РФ. 2008. Вып. 5(34), май. С. 1–28.
9. Левин З. И. Общественная мысль на Востоке: постколониальный период. М. : Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1999.
10. Нейсбит Д. Мегатренды. М. : АСТ: Ермак, 2003.
11. Сергеев В. М. Модернизация и революция (Турция, Иран и арабские страны) / В. М. Сергеев, С. Н. Саруханян ; ИМИ МГИМО (У) МИД России, Центр глобальных проблем. М. : МГИМО-Университет, 2012. (Аналитические доклады. Вып. 5(35), октябрь 2012).
12. Хантингтон С. П. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2006.
13. Цыганов Ю. Австралия и Восточная Азия // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 2. С. 71-
14. Barber B. R. Jihad vs. McWorld: how globalism and tribalism are reshaping the world. New York : Ballantine Books, 1996. P. 432.
15. Kazantsev A. Russian Policy in Central Asia and the Caspian Sea Region // Europe-Asia Studies. 2008. T. 60. № 6. P. 1073–1088.
16. Negroponte N. Being digital. New York : Knopf, 1995. P. 243.

References

1. Braudel F. *World time* [Vremya mira]: in 3 volumes. M. : Progress, 1992. T. 3: Material civilization, economics and capitalism of XV–XVIII centuries [Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm XV–XVIII vv.]. P. 679. (rus)
2. Vasiliev L. S. *History of the East* [Istoriya Vostoka]: textbook for high schools in 2 v. 2nd ed., rev. and add. M. : H. S. E., 2001. V. 2. P. 184. (rus)
3. Ignatenko A. A. *Self-determination of the Islamic world* [Samoopredelenie islamskogo mira] // Islam and Politics: (interaction of Islam and politics in the Middle East, the Caucasus and the Central Asia) [Islam i politika: (vzaimodeistvie islama i politiki v stranakh Blizh. i Sred. Vostoka, na Kavkaze i v Tsentr. Azii)]: a collection of articles / Executive Editor: V. J. Belokrenitsky, A. Z. Egorin. M., 2001. P. 8–9. (rus)
4. Kazantsev A. A. *Intellectuals and Structural Innovations in Political Expanse (experience of comparative analysis)* [Intelligentsiya i strukturnye innovatsii v politicheskom prostranstve (opyt sravnitel'nogo analiza)] // Polis. Political studies [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2007. № 1. P. 71–93. (rus)
5. Kazantsev A. A. *On Cognitive neo-institutional approach to the study of international relations* [O kognitivno-neoinstitutsional'nom podkhode k izucheniyu mezhdunarodnykh otnoshenii] // Polis. Political studies [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2003. № 1. P. 74–81. (rus)
6. Kazantsev A. A. *Political science: the problem of methodological reflection. Overview of the Round Table* [Politicheskaya nauka: problema metodologicheskoi refleksii. Obzor kruglogo stola] // Polis. Political studies [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2001. № 6. P. 51–63. (rus)
7. Kazantsev A. A. *«Wahhabism» Experience of the cognitive analysis of institutions in a situation of social and cultural crisis* [«Vakhkhabizm»: Opyt kognitivnogo analiza institutov v situatsii sotsiokul'turnogo krizisa] // Polis. Political studies [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2002. № 5. P. 96–109. (rus)
8. Kuznetsov I. I. *The problems of conflicts of «new generation»: estimates and predictions* [Problematika konfliktov «novogo pokoleniya»: otsenki i prognozy] / I. I. Kuznetsov, V. M. Sergeev // Policy Briefs of RCCIR of MGIMO (University) of the MFA of Russia [Analiticheskie zapiski NKSMI MGIMO (U) MID RF]. 2008. Is. 5(34), May. P. 1–28. (rus)
9. Levin Z. I. *Social thought in the East: the post-colonial period* [Obshchestvennaya mysl' na Vostoke: postkolonial'nyi period]. M. : Publishing Firm «Eastern. lit.» RAS [Izd. firma «Vost. lit.» RAN], 1999. P. 196. (rus)

10. Naisbitt D. *Megatrends* [Megatrendy]. M. : AST: Ermak, 2003. P. 380. (rus)
11. Sergeev V.M. *Modernization and Revolution (Turkey, Iran and the Arab countries)* [Modernizatsiya i revolyutsiya (Turtsiya, Iran i arabskie strany)] / V.M. Sergeev, S.N. Sarukhanian; IIS of MGIMO (University) of the MFA of Russia, Center for global problems. M. : MGIMO-University, 2012. (Analytical Reports. Vol. 5(35), October 2012). (rus)
12. Huntington S.P. *The Clash of Civilizations* [Stolknovenie tsivilizatsii]. M. : AST, 2006. (rus)
13. Tsyganov Yu. *Australia and East Asia* [Avstraliya i Vostochnaya Aziya] // Problems of the Far East [Problemy Dal'nego Vostoka]. 2006. № 2. P. 71–81. (rus)
14. Barber B.R. *Jihad vs McWorld: how globalism and tribalism are reshaping the world*. New York : Ballantine Books, 1996. P. 432.
15. Kazantsev A. *Russian Policy in Central Asia and the Caspian Sea Region* // Europe-Asia Studies. 2008. V. 60. № 6. P. 1073–1088.
16. Negroponte N. *Being digital*. New York : Knopf, 1995. P. 243.

Правовое регулирование изменения границ и преобразования муниципальных образований, пути устранения недостатков

Пылин Владимир Васильевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры конституционного и административного права
Доктор юридических наук, профессор
vpylin@mail.ru; gospravo@szags.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования изменения границ и преобразования муниципальных образований, порождающие коллизии и нарушающие самостоятельность решения населением вопросов местного значения, и пути их решения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

муниципальное образование, изменение границ, местный референдум, население, органы местного самоуправления, демократия

Pylin V. V.

Legal Regulation of Change of Borders and Transformation Municipalities, Ways of Elimination of Shortcomings

Pylin Vladimir Vasilyevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of department of the constitutional and administrative law
Doctor of jurisprudence, professor
vpylin@mail.ru; gospravo@szags.ru

ABSTRACT

In article the problems of legal regulation of change of borders and transformation of municipalities generating collisions and breaking independence of the decision the population of questions of local value, and a way of their decision are considered.

KEYWORDS

municipality, change of borders, local referendum, population, local governments, democracy

Юристы, их студенты и магистры нередко изучают проблемы в различных нормативных правовых актах, раскрывают их суть в монографиях, выпускных и курсовых работах, в которые вносят предложения по разрешению проблем. Во многих юридических вузах имеются учебные дисциплины по изучению актуальных проблем в различных отраслях права, выпускаются сборники статей и научно-практические юридические журналы по проблемам российского права, практике их применения и законодательному процессу.

Значение слова «проблема» по логическому словарю — это вопрос или целостный комплекс вопросов, возникший в ходе познания. Не каждая проблема сразу же приобретает вид явного вопроса, так же как не всякое исследование начинается с выдвижения проблемы и кончается ее решением. Иногда проблема формулируется одновременно с ее решением, случается даже, что она осознается только через некоторое время после ее решения. Зачастую поиск проблемы сам вырастает в особую проблему. В широком смысле проблемная ситуация — это всякая ситуация, теоретическая или практическая, в которой нет

соответствующего обстоятельствам решения, и которая заставляет поэтому остановиться и задуматься¹.

От проблемы принято отличать псевдопроблемы — вопросы, обладающие лишь кажущейся значимостью и не допускающие сколь-нибудь обоснованного ответа. Между проблемами и псевдопроблемами нет, однако, четкой границы.

Практика осознания проблем существует в различных формах — от повседневного жизненного опыта до сложных научных экспериментов. Она является источником и основой познания, его движущей силой, важным объективным критерием истины. Если предмет при его использовании проявляет себя так, как предполагалось, то это означает, что наши представления о нем правильные. Практика исторически развивается. Поэтому практика выступает и как абсолютный, и как относительный критерий истины. Истина всегда была и остается одной из самых высоких гуманистических ценностей человека².

Конечно, проблемы в правовом регулировании надо выявлять и устранять, но главное в системе законодательства — его надо глубоко познавать и эффективно применять в жизнедеятельности граждан России.

В данной работе обращено внимание на ряд существенных проблем в сфере правовых норм, закрепленных в статьях 12 и 13 Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — ФЗ 06.10.2003 № 131)³, которыми регулируется порядок изменения границ муниципального образования и преобразования муниципальных образований. Сложившуюся систему правового института необходимо избавить от части проблем и недостатков, сделать ее современной на основе нового знания и подлинной демократии.

Конституция Российской Федерации закрепила основополагающие принципы территориальной организации местного самоуправления, установив в ст. 131, что «местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях с учетом исторических и иных местных традиций. Изменение границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление, допускается с учетом мнения населения соответствующих территорий». Представляется, что эти конституционные установления в наибольшей степени соответствуют публичным интересам граждан страны, принципам демократии, и они должны неукоснительно исполняться.

Преобразованием муниципальных образований является объединение муниципальных образований; разделение муниципальных образований; изменение статуса городского поселения в связи с наделением его статусом сельского поселения; изменение статуса сельского поселения в связи с наделением его статусом городского поселения; изменение статуса городского поселения в связи с наделением его статусом городского округа либо лишением его статуса городского округа; изменение статуса городского округа в связи с наделением его статусом городского округа с внутригородским делением либо лишением его статуса городского округа с внутригородским делением; присоединение поселения к городскому округу с внутригородским делением и выделение внутригородского района из городского округа с внутригородским делением.

Преобразование муниципальных образований непосредственно связано с процессом установления и изменения их границ.

¹ Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник : изд. 2-е. М. : Наука, 1975.

² Практика как источник познания // Энтелехия — сборник научно-лекционных статей [Электронный ресурс]. URL: http://entelehia.ru/Philosophy%20of%20Science/Praktika_kak_istochnik_poznaniya.html (дата обращения: 10.01.2016).

³ Собрание Законодательства Российской Федерации (далее — СЗ РФ), 2003. № 40. С. 3822.

Изменение границ и преобразование муниципальных образований осуществляются по инициативе населения, органов местного самоуправления, органов государственной власти субъекта Российской Федерации, федеральных органов государственной власти на базе закона субъекта Российской Федерации, основанным на Федеральном законе от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 06.04.2015) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — ФЗ от 12.06.2002 № 67)¹, и ФЗ от 06.10.2003 № 131.

Инициатива населения об изменении границ и преобразования муниципальных образований реализуется в порядке, установленном ФЗ от 12.06.2002 № 67 и принимаемым в соответствии с ним законом субъекта Российской Федерации для выдвижения инициативы проведения местного референдума.

Инициатива органов местного самоуправления, федеральных и региональных органов государственной власти об изменении границ и преобразовании муниципальных образований должна оформляться решениями этих органов с мотивированными предложениями в целях направления их представительным органам муниципальных образований для принятия решений в соответствии с ФЗ от 06.10.2003 № 131 о назначении местного референдума либо для определения степени согласия или мнения населения, выраженного представительными органами соответствующих муниципальных образований.

Порядок изменения границ муниципального образования и преобразования муниципальных образований установлен в 17 частях в ст. 12 и 13 ФЗ от 06.10.2003 № 131. Из них только в 4 частях (ч. 2 и 3 ст. 12, ч. 5 и 7 ст. 13) закреплено, что в целях получения согласия населения проводится голосование в порядке местного референдума с учетом особенностей, установленных ФЗ от 06.10.2003 № 131.

В остальных 13 частях ст. 12 и 13 ФЗ от 06.10.2003 № 131 вопреки ч. 2 ст. 131 Конституции Российской Федерации вместо местного референдума установлено, что изменения границ и преобразования муниципальных образований должны осуществляться с согласия населения либо с учетом мнения населения, выраженного представительными органами соответствующих муниципальных образований.

Там где изменения границ и преобразования муниципальных образований проводится голосованием на основе местного референдума, то в этой части проблем нет. Референдум назначается представительным органом муниципального образования и проводится с учетом особенностей и положений, установленных в ст. 24 ФЗ от 06.10.2003 № 131. При этом положения федерального закона, закона субъекта Российской Федерации, запрещающие проведение агитации государственными органами, органами местного самоуправления, лицами, замещающими государственные или муниципальные должности, а также положения, определяющие юридическую силу решения, принятого на референдуме, не применяются.

Голосование по вопросам изменения границ и преобразования муниципальных образований считается состоявшимся, если в нем приняло участие более половины жителей муниципального образования, обладающих избирательным правом.

Согласие населения на изменение границ и преобразование муниципального образования считается полученным, если за указанные изменения, преобразование проголосовало более половины принявших участие в голосовании жителей муниципального образования. На основании полученных положительных результатов в части изменения границ муниципального образования, преобразования муниципальных образований комиссия местного референдума муниципального образования должна направить протокол об этом в субъект Федерации для внесения в закон изменений.

¹ СЗ РФ, 2002. № 24. Ст. 2253.

Итоги голосования по вопросам изменения границ и преобразования муниципального образования, а также принятые решения подлежат официальному опубликованию (обнародованию).

В частях, в соответствии с которыми изменения границ и преобразования муниципальных образований осуществляются не местным референдумом, а с согласия населения либо с учетом мнения населения, выраженного представительными органами соответствующих муниципальных образований, проблем много.

Так как в этих случаях не определено, каким образом население муниципального образования и его органы местного самоуправления должны оформлять свою инициативу. Естественно, все население вместе это выполнить не может, нужно чтобы с инициативой выступила часть граждан. Если это будет дозволено, то необходимо будет установить, кем и в каком порядке будет определено ее количество, персональный состав и функции. Это в ст. 12 и 13 Федерального закона от 06.10.2003 года № 131 не установлено. Исключением из этого является ряд случаев: только когда изменение границ и преобразование муниципальных образований осуществляется местным референдумом, то инициировать его проведение в соответствии с ФЗ от 12.06.2002 № 67 вправе от имени населения инициативная группа граждан в количестве не менее 10 человек, имеющих право на участие в местном референдуме, а также избирательное объединение, иное общественное объединение, устав которого предусматривает участие в выборах и (или) референдумах.

То же самое касается органов местного самоуправления, поскольку не любой из них вправе оформить решение об указанной инициативе. Конечно, это должен делать только представительный орган муниципального образования, который как ведущий орган в соответствии с ФЗ от 06.10.2003 № 131 принимает решения от имени жителей муниципального образования, устанавливающие правила, обязательные для исполнения на территории муниципального образования, и в том числе уполномочен назначать местный референдум, муниципальные выборы, голосование по отзыву выборных лиц избирателями, голосование по изменению границ и преобразованию муниципальных образований.

Наиболее существенными проблемами являются, как и кем должны определяться согласие либо мнение населения, и на основе каких сведений и кем полученными должны они выражаться представительными органами. Нормами материального и процессуального права это не урегулировано. В совокупности это порождает правовой хаос, затрудняющий деятельность руководителей и обычных граждан. В этих случаях граждане и их организаторы вынуждены действовать по самоустановленным принципам, в соответствии со своим убеждением. А ведь все эти вопросы должны быть также тщательно и детально урегулированы в законах, как это сделано для референдумов и выборов, чтобы не было фальсификаций.

Ведь сам по себе учет мнения населения не может осуществляться. Это большая сложная работа, требующая подготовленных работников и комиссий референдума. Ведь проведение опроса граждан или собрания часто становится сферой вольных интерпретаций и фальсификаций, серьезным нарушением законодательства, поскольку эти самовольные формы не обеспечат точное определение числа голосов, поданных за изменение границ или преобразование муниципальных образований, либо против изменения границ, против преобразования муниципальных образований.

Кто будет контролировать точность и правдивость этих данных? Законом это не предусмотрено. При проведении референдумов организация голосования осуществляется тщательно. Ее кроме членов комиссии референдума контролируют наблюдатели, особенно при проведении досрочного голосования или вне помещения для голосования, чтобы исключить возможность искажения волеизъявления участников референдума. В этих целях, например, для проведения голосования вне помещения

избирательного участка выезжают 2 члена комиссии, член комиссии с правом совещательного голоса и наблюдатель. А ведь изменения любых границ и преобразования муниципальных образований являются формами прямой непосредственной демократии, вследствие этого должны быть также тщательно и детально урегулированы, как это сделано для референдумов и выборов, чтобы не было поспешных, ложных, политически конъюнктурных, квазиправовых принципов и фальсификаций.

На самом деле Конституция Российской Федерации не подразделяет любые изменения границ и преобразования муниципальных образований на различные формы и варианты независимо от их видов и объемов. Из Конституции вытекает, что все это является формой непосредственного осуществления самим населением местного самоуправления. Вследствие этого все это должно устанавливаться и определяться только местным референдумом, как это установлено Федеральным конституционным законом от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ (ред. от 31.10.2005) «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации»¹. В нем в ч. 1 ст. 11 закреплено, что «вопрос об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта подлежит вынесению на референдумы заинтересованных субъектов Российской Федерации».

В большинстве конституций (уставов) субъектов Федерации также прямо предусмотрено, что изменение статуса субъекта Федерации и изменение границ его территории производится на основании результатов референдума.

Также из ч. 5 ст. 17 ФЗ от 06.10.2003 № 131 следует, что в целях решения вопросов местного значения органы местного самоуправления обладают полномочиями по обеспечению организационной и материально-технической подготовки и проведения голосования по вопросам изменения границ и преобразования муниципального образования. В ч. 1. ст. 39 указанного Федерального закона закреплено, что избирательная комиссия муниципального образования организует подготовку и проведение голосования по вопросам изменения границ и преобразования муниципального образования.

При этом уставом муниципального образования могут быть определены вопросы, подлежащие обязательному вынесению на местный референдум. К ним относятся и вопросы изменения границ и преобразования муниципальных образований. И никакие представительные органы муниципальных образований не должны в итоге выражать от себя мнение населения, тем более часто необъективное. Ведь, например, 7–15 депутатов представительного органа не вправе и не в силах подменять народовластие, и от имени 30 тыс. жителей выражать их мнение. Полученные при проведении референдума результаты изменения границ и преобразования муниципальных образований определяют и публикуют только комиссии референдума муниципальных образований. А представительные органы не вправе в соответствии с Конституцией Российской Федерации (ст. 12, 130, 133) ограничивать и подменять права населения местного самоуправления, вмешиваться в формы непосредственной демократии граждан, в том числе и в голосование указанных вопросов.

При этом нельзя забывать предложения Президента В. В. Путина о необходимости поддержки гражданской активности на местах, в муниципалитетах, чтобы у людей была реальная возможность принимать участие в управлении своим поселком или городом, в решении повседневных вопросов, которые на самом деле определяют качество жизни.

¹ Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/184002/ixzz3ouvvEWkw> (дата обращения: 10.01.2016).

Парадипломатия как средство выражения региональной идентичности субъектов федераций

Акимов Юрий Германович

Санкт-Петербургский государственный университет
Профессор кафедры американских исследований
Доктор исторических наук, профессор
y.akimov@spbu.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена международной деятельности субъектов федераций, ее теоретическому осмыслению и практическим аспектам. Основное внимание уделяется внешним связям субъектов, обладающих выраженной этно-лингвистической спецификой. Выясняется, каким образом их международная деятельность связана с выражением и продвижением их региональной идентичности. Данное явление определяется как идентификационная парадипломатия. Вскрывается ее конституционно-правовой статус, взаимосвязь с общими принципами федерализма, спецификой его отдельных форм. В качестве примеров рассматривается международная деятельность франкоязычной канадской провинции Квебек, которая уже на протяжении ряда десятилетий, с 1960-х гг. до настоящего времени, является одним из наиболее заметных несuverенных территориальных акторов мировой политики, а также международная деятельность Республики Татарстан и некоторых других республик, входящих в состав Российской Федерации. Показываются позитивные и негативные стороны идентификационной дипломатии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

международная деятельность субъектов федераций, региональная идентичность, идентификационная парадипломатия, федерализм, Квебек, Канада, Татарстан, Российская Федерация

Akimov Yu. G.

Paradiplomacy as a Way of Promotion of Regional Identity of the Subjects of Federations

Akimov Yury Germanovich

Saint-Petersburg State University (Russian Federation)
Professor of the Chair of American researches
Doctor of Science (History), Professor
y.akimov@spbu.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the international activity of the subjects of federations, to the theoretical approaches to this phenomenon as well as its practical aspects. Special attention is given to the international relations of the subjects with some ethnic and/or linguistic specificity. It analyses the interaction between international activities of such subjects and the promotion of their special regional identity. This phenomenon is described as identifying paradiplomacy. The article deals with its constitutional and legal status, its interconnection with general principles of federalism, specificity of different types of federalism. The examples include the international activity of Quebec, a French-speaking Canadian province, which is one of the most active and visible non-sovereign territorial actors on the world stage for several decades since 1960s till present. It also deals with international activity of the republic of Tatarstan and some other republics of the Russian Federation. The article shows the positive and the negative sides of the identifying paradiplomacy.

KEYWORDS

international activities of the subjects of federations, regional identity, identifying paradiplomacy, Federalism, Quebec, Canada, Tatarstan, Russian Federation

Выход на мировую арену большого числа разнообразных несuverенных / негосударственных акторов является отличительной чертой современных международных отношений. Отдельные города, транснациональные корпорации, регионы устанавливают и развивают контакты с зарубежными партнерами в самых разных областях. Это явление, получившее собирательное название *парадипломатия*, открыло немало новых возможностей, но, в то же время, породило и ряд серьезных проблем. Особое место среди вышеперечисленных акторов занимают субъекты федераций. Они обладают территорией, населением и конституционно-закрепленными правами (последние могут трактоваться как элементы суверенитета); все это «приближает» их к суверенным государствам. Также во многих федерациях имеются субъекты, население которых отличается от большинства населения страны и/или от населения других субъектов по языку, этническому происхождению, вероисповеданию и т. п. Такие субъекты часто стремятся использовать внешние связи в том числе и для выражения и продвижения своей идентичности.

Внешние связи субъектов федераций — сравнительно новое явление для нашей страны. В то же время в мире уже накоплен достаточно большой опыт субъектно-территориальной дипломатии (парадипломатии регионов), выявлены плюсы и минусы данного явления, предприняты попытки его теоретического осмысления. Рассмотрению различных подходов к данному явлению, анализу наиболее ярких примеров парадипломатической активности и выявлению особенностей внешних связей российских регионов, прежде всего тех, которые обладают выраженной национальной спецификой, посвящена данная статья.

***

Парадипломатию в целом часто определяют как «участие субнациональных единиц в международных отношениях через установление формальных и неформальных, постоянных и временных связей с иностранными акторами с целью достижения определенного набора задач через различные стратегии действия на международной арене» [3, с. 76]. Как видим, акцент делается на *субнациональном* характере парадипломатических акторов, которые находятся внутри наций-государств и по отношению к ним являются единицами более низкого, а главное подчиненного порядка. Однако может подчеркиваться и другой аспект. Так, С. Уолф полагает, что парадипломатия — это «внешнеполитические возможности субгосударственных субъектов, их участие, независимое от государства, в которое они входят, в деятельности на международной арене по достижению их собственных особых международных интересов» [9, р. 141–142]. Здесь, на наш взгляд, ключевое определение — *независимое*; оно подчеркивает обособленность внешних связей субгосударственных акторов от политики того государства (в том числе и внешней), к которому они принадлежат.

Говоря о внешних связях субъектов федераций, обладающих этнолингвистической и/или этноконфессиональной спецификой, следует обратить внимание на термин *идентификационная парадипломатия*, используемый преимущественно во франкоязычной научной литературе. Согласно канадскому политологу С. Пакену идентификационная парадипломатия представляет собой «внешнюю политику субгосударственного уровня, одной из признанных целей которой является усиление миноритарной нации в рамках федеративного государства или децентрализованной структуры» [8, р. 73]. В данном случае упор переносится на наличие «миноритарной нации», не обладающей суверенитетом, но доминирующей в каком-либо субъекте федерации.

Пионером идентификационной парадипломатии (и современной субъектно-территориальной дипломатии вообще) является канадская провинция Квебек (неофици-

циально ее часто называют Прекрасной провинцией). Ее первые самостоятельные шаги на международной арене были сделаны еще в 1960-е гг. в период подъема франко-канадского национального движения, получившего название Тихая революция. За прошедшие с той поры пятьдесят лет Квебек стал весьма активным и заметным игроком на международной арене. В настоящее время он располагает разветвленной сетью зарубежных представительств (генеральных делегаций, бюро, антенн и т. п.), охватывающих почти два десятка стран Европы, Азии и Западного полушария. С середины 1960-х гг. Квебек поддерживает «особые» двусторонние отношения с Францией; он также активно сотрудничает с Соединенными Штатами (как с федеральными структурами, так и с отдельными штатами), имеет статус «участвующего правительства» в Международной организации Франкофонии, а с недавнего времени обрел собственный голос в ЮНЕСКО.

Квебекский случай наглядно демонстрирует, какие факторы способствуют развитию идентификационно-парадипломатической активности субъекта федерации. Эти факторы можно разделить на две большие группы: внутренние и внешние.

К внутренним относятся следующие.

Во-первых, наличие этнолингвистического сообщества (миноритарной нации), доминирующего на территории отдельно взятого субъекта/субъектов федерации, и в то же время, представляющего собой меньшинство в масштабе страны. В провинции Квебек франко-канадцы / франко-квебекцы всегда составляли подавляющее большинство населения (около 80%), в то время как во всех остальных провинциях их доля весьма незначительна (на уровне нескольких процентов); единственным исключением является провинция Нью-Брансуик, где примерно треть жителей составляют франкоязычные акадийцы (особая подгруппа франко-канадцев). При этом в Канаде в целом франко-канадцы составляют не более четверти населения (и в масштабе страны их доля имеет тенденцию к снижению).

Во-вторых, контроль со стороны данного сообщества/нации над властными институтами субъекта федерации, которые в свою очередь рассматриваются как инструменты защиты и продвижения его специфических интересов. Провинция Квебек еще с 1960-х гг. рассматривается как выразитель интересов всего франко-канадского сообщества, как «политическое выражение Французской Канады» [7, р. 68–69]. А в 2006 г. ее жители (québécois) были официально признаны «нацией в составе единой Канады»¹.

В-третьих, наличие конституционных возможностей для самостоятельных действий на международной арене. В Канаде конституция не относит внешнюю политику к сфере исключительной компетенции федерального центра. При этом имеется ряд прецедентных решений высших судебных инстанций о том, что заключение международных договоров, затрагивающих сферу исключительной компетенции провинций, не дает федеральному центру права на вмешательство в данную сферу и что такие договоры должны исполняться только на основе федерально-провинциальных договоренностей [6, с. 40–46]. На основании этого в 1965 г. в Квебеке была сформулирована так называемая доктрина Жерен-Лажуа, согласно которой исключительная компетенция провинций должна распространяться и на область внешней политики — то есть провинции должны иметь право самостоятельно заключать международные договоры по вопросам, относящимся к сфере их юрисдикции (культура, наука, образование, природные ресурсы и т. п.) [1].

В-четвертых, это в целом гибкая позиция федеральных властей, которые не

¹PM declares that the Québécois form a nation within a united Canada [Премьер-министр объявил, что квебекцы образуют нацию в составе единой Канады]. Официальный сайт премьер-министра Канады [электронный ресурс] // <http://www.pm.gc.ca/eng/news/2006/11/22/pm-declares-quebecois-form-nation-within-united-canada> (дата обращения: 10.01.2016).

препятствуют международной деятельности субъекта. Следует отметить, что на протяжении довольно длительного времени (до середины 1980-х гг.) официальная Оттава ревниво относилась к международной деятельности Квебека, особенно к его контактам с Францией и структурами Франкофонии. Однако даже тогда Квебек имел возможность развивать свои внешние связи. В дальнейшем позиция канадского правительства стала более гибкой. Оно пошло на компромисс в ряде знаковых вопросов (в частности, согласилось на участие квебекского премьера в саммитах Франкофонии) и более того, в ряде случаев стало оказывать содействие провинциальной парадипломатии [1].

В-пятых, это отсутствие на федеральном уровне эффективных инструментов и механизмов выражения интересов субъекта (в том числе и внешнеполитических). Во многих федеративных государствах таким инструментом является верхняя палата парламента, где представлены субъекты федераций (сенат США, Бундесрат Австрии, федеральный сенат Бразилии и др.) или же для этого существует специальный орган (как, например, Бундесрат в ФРГ). В Канаде этого нет. Верхняя палата канадского парламента — сенат — не является выборным органом и напоминает скорее британскую палату лордов. Впрочем, в Канаде имеются другие инструменты согласования интересов центра с интересами провинций и территории: федерально-провинциальные конференции и учрежденный в 2003 г. Совет Федерации.

В-шестых, это игнорирование федеральным центром интересов национальных меньшинств при проведении внешнеполитического курса. Для Канады это было характерно только до второй половины 1960-х гг. После этого в политике Оттавы произошли серьезные изменения; «французскому» и франкофонному направлению там стало придаваться достаточно большое (подчас демонстративное) значение.

Из внешних факторов необходимо, прежде всего, отметить наличие за рубежом потенциальных партнеров, заинтересованных в развитии сотрудничества с тем или иным субъектом федерации (причем иногда «в пику» отношениям с центральным правительством этой федерации). Этими партнерами могут быть субнациональные единицы (субъекты других федераций, регионы, автономии), суверенные государства, международные организации, диаспоры и т. п. У Квебека таким партнером с середины 1960-х гг. стала Франция, страна родственная ему исторически, лингвистически и культурно. На рубеже 1960–70-х гг. Квебек также стал независимо от федерального правительства участвовать в работе международных франкофонных структур. Следует отметить, что тогда Квебек смог удачно воспользоваться благоприятной для него международной конъюнктурой. В 1960-е гг. Франция под руководством Шарля де Голля всячески стремилась подчеркнуть независимость своего внешнеполитического курса (настолько, насколько это позволяли условия «холодной войны») и Квебек был удобным объектом для этого. Сам де Голль проявлял большой интерес к «заокеанской ветви французского народа»; он с воодушевлением воспринял подъем национального движения франко-канадцев, надеясь, что оно в обозримом приведет к созданию независимого государства, которое, в свою очередь, станет ближайшим союзником Парижа [2].

Свою роль сыграли и процессы деколонизации, приведшей к появлению на карте мира большого числа суверенных франкоязычных государств, которые были заинтересованы в таком развитом партнере, как Квебек. Далее, следует отметить процессы институционализации международного франкофонного сотрудничества (с конца 1960-х гг.) и, наконец, уже в 1980–1990-е гг. интеграционные процессы в рамках Североамериканского континента.

Квебекский пример наглядно показывает, как внешнеполитический фактор может использоваться для решения внутренних задач. В то время как де Голль рассчитывал на возникновение «Французской республики Канады» и прозрачно намекал

квебекскому руководству, что он готов активно поддерживать Прекрасную провинцию на пути к независимости, тогдашний премьер-министр Квебека Даниэль Джонсон рассчитывал использовать «голлистскую карту» прежде всего для того, чтобы добиться от федерального центра реформы федерации в нужном ему ключе [2].

Что касается имеющих в Квебеке сильных сепаратистских настроений (в 1980 и 1995 гг. в провинции проводились референдумы о суверенитете), то их связь с парадипломатической активностью представляется неоднозначной. Приходы к власти в Квебеке сепаратистской Квебекской партии (PQ, отсюда «пекисты») оказывали на международную деятельность провинции не только позитивное (стимулирующее), но и отрицательное воздействие. С одной стороны, усиливалась политизация внешних связей, что не всегда шло им на пользу. С другой — резко возросло противодействие со стороны федерального центра, опасавшегося перехода провинциальной парадипломатии в иное качество — протодипломатии непризнанного государства. Также не всегда позитивной была реакция зарубежных партнеров. Например, США (являющиеся важнейшим торгово-экономическим партнером Прекрасной провинции) всегда недвусмысленно давали понять квебекским сепаратистам, что они не поддерживают их проекты.

Аналогичные факторы определяют международную деятельность других «особых» субъектов федераций и некоторых близких к ним по статусу национальных автономий. Помимо Квебека на мировой арене активно действуют Фландрия и Валлония (после федерализации Бельгии на рубеже XX–XXI вв.), Бавария, а также автономные регионы Испании — Каталония и Страна Басков. Последние в своей международной деятельности эффективно используют диаспоры (соответственно каталанскую и баскскую), существующие в разных странах.

Бурному развитию парадипломатии (во всех ее видах) в последние десятилетия, безусловно, способствовали общие изменения, произошедшие в мировой политике и мировой экономике в конце XX в. — начале XXI в. Это и окончание «холодной войны» с ее межблоковым противостоянием, объективно ограничивавшим рамки международной деятельности несuverенных акторов; и развитие процессов глобализации и глокализации, размывающих национальные границы и в то же время способствующих качественному расширению международного сотрудничества и т. п. [4].

В Российской Федерации субъекты стали выходить на международную арену только в постсоветский период. С начала 1990-х гг., находясь в сложном экономическом положении и в то же время чувствуя ослабление контроля со стороны федерального центра, большинство российских регионов стало развивать внешние связи, преследуя, прежде всего, сугубо прагматические, материальные цели — привлечение инвесторов, поиск рынков сбыта, организация совместных предприятий, развитие трансграничного сотрудничества и т. п. Однако уже тогда ряд субъектов, прежде всего из числа республик, стали стремиться использовать международную деятельность для продвижения своей идентичности, отличной от общероссийской.

Среди них наибольшую активность проявлял Татарстан, добившийся весьма заметных успехов на международной арене. Подъем его идентификационной парадипломатии был обусловлен почти тем же самым набором факторов, что и в вышеописанном случае с Квебеком. Прежде всего налицо была этнокультурная и этноконфессиональная специфика региона, где этнические татары стабильно составляли около половины населения и доминировали в республиканских органах управления. В годы перестройки Татарстан, как и многие другие «национальные» субъекты федерации, переживал подъем националистических настроений. Руководство и национальная элита республики достаточно длительное время отстаивали идею о том, что она является суверенным государством, ассоциированным с Россией. Здесь напрашивается определенная параллель с концепцией «суверенитет-ассоциация», которую выдвигали квебекские сепаратисты в 1970–80-е гг.

(политический суверенитет Квебека при сохранении экономической ассоциации с «Остальной Канадой»).

Также следует учитывать, что федеральный центр в 1990-е гг. в силу известных обстоятельств не мог эффективно противостоять многим центробежным тенденциям, и был вынужден до определенного времени мириться с подобными притязаниями регионов. Наконец необходимо отметить благоприятную для Казани ситуацию на мировой арене, где имелся ряд игроков (прежде всего это США, Турция, Иран), стремившихся использовать отношения с Татарстаном одновременно для усиления собственных позиций на постсоветском пространстве и для ослабления России.

С начала 1990-х гг. под международную деятельность Татарстана стала подвигаться соответствующая юридическая база. Так, ст. 62 Конституции Татарстана 1992 г. гласила: «Республика Татарстан вступает в отношения с другими государствами, заключает международные договоры, обменивается дипломатическими, консульскими, торговыми и иными представительствами, участвует в деятельности международных организаций, руководствуясь принципами международного права»¹. 15 февраля 1994 г. между Москвой и Казанью были подписаны двусторонний договор «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» и соглашение «О разграничении полномочий в области внешнеэкономических связей».

В договоре (ст. 2, п. 11) подтверждалось, что «Органы государственной власти Республики Татарстан осуществляют полномочия государственной власти, в том числе <...> участвуют в международных соглашениях, устанавливают отношения с иностранными государствами и заключают с ними соглашения, не противоречащие Конституции и международным обязательствам Российской Федерации, Конституции Республики Татарстан и настоящему договору, участвуют в деятельности соответствующих международных организаций». К сфере совместной юрисдикции была отнесена координирующая функция (ст. 3, п. 5), а вопросы войны и мира (и международных отношений Российской Федерации в целом) оставлены в ведении федерального центра (ст. 4, п. 9)².

В соглашении к исключительному ведению Республики Татарстан было отнесено «заключение внешнеэкономических соглашений с субъектами иностранных федераций, административно-территориальными образованиями других стран государств; заключение торгово-экономических соглашений Республики Татарстан с иностранными государствами»³.

Политическое руководство Татарстана исходило из того, что республика является государственным образованием, обладающим суверенитетом, хотя и не полным. В качестве примера можно привести следующие слова первого президента Татарстана Минтимера Шаймиева из его доклада на сессии Государственного

¹ Конституция республики Татарстан (редакция 1992 г.) Государственный совет Республики Татарстан. Официальный сайт [электронный ресурс] http://www.gossov.tatarstan.ru/fs/site_documents_struc/history/konst1992rus.zip (дата обращения: 10.01.2016).

² Договор между Российской Федерацией и Республикой Татарстан от 15.02.94 «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» // Закон прост! Правовая консультационная служба [электронный ресурс] // <http://www.zakonprost.ru/content/base/36684> (дата обращения: 10.01.2015).

³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Татарстан от 15.02.94 «О разграничении полномочий в области внешнеэкономических связей». Законодательная база Российской Федерации [электронный ресурс] // <http://zakonbase.ru/content/base/30439> (дата обращения: 10.01.2015).

Совета Республики 28 февраля 2002 г.: «...попытки трактовать республики [имеются в виду республики в составе Российской Федерации] как негосударственные образования вызывают недоумение. Республика — есть форма государства, <...> а государства, как известно, без суверенитета не бывает. Мы исходили и исходим из того, что в федеративном государстве не может быть абсолютного суверенитета. Он делим в соответствии с компетенцией центра и республик» [5].

Что касается практических шагов, то уже в первой половине 1990-х гг. Татарстан создал сеть постоянных представительств, как в странах дальнего зарубежья (Австрия, Кипр, Словакия, США, Турция, Франция, Чехия), так и на пространстве СНГ (Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Украина). В Казани также открылся ряд генеральных консульств.

Большое символическое значение имели зарубежные поездки Минтимера Шаймиева, которые в ряде случаев обставлялись почти как визиты главы суверенного государства (и, соответственно, так же преподносились в республиканских СМИ). Безусловно, следует отдать должное первому президенту Татарстана, который весьма активно и уверенно развивал контакты с руководителями самого высокого уровня, используя для этого различные форматы, площадки.

Что касается идентификационной парадипломатии, то к ней следует отнести контакты Татарстана с тюркоязычными государствами и, прежде всего, Турцией, отношения с которой уже с начала 1990-х гг. приобрели особое значение для Казани. Еще в 1992 г. состоялся первый официальный визит Шаймиева во главе татарстанской делегации в Турцию, где его приняли тогдашние премьер-министр Сулейман Демирель и президент Тургут Озал. В дальнейшем первый президент Татарстана еще трижды (в 1995, 1997 и 1999 гг.) встречался с Демирелем, занявшим к тому времени пост президента. Для Казани именно Турция стала одновременно и основным торгово-экономическим партнером (она стабильно занимает первое место по количеству совместных предприятий, зарегистрированных на территории Татарстана) и основным партнером по сотрудничеству в культурной и образовательной сфере. Наряду с Турцией важное символическое значение (конечно, наряду с практическим) имели контакты с Азербайджаном, Казахстаном, Египтом, ОАЭ, Ираном, Малайзией. С главами всех этих государств (кроме ОАЭ) Шаймиев встречался лично. В данном случае опять-таки напрашивается параллель с визитами квебекских лидеров во Францию и некоторые страны франкофонной Африки, в ходе которых провинциальным премьерам часто оказывали почести, положенные только главам суверенных государств.

В 1990-е гг. развитие идентификационной парадипломатии было характерно и для других субъектов Российской Федерации, прежде всего для Башкортостана, республики Саха (Якутия) и некоторых других республик и автономных округов. Как и в случае с Татарстаном, они также подводили соответствующую конституционно-правовую базу под свою международную деятельность. Так, принятая в 1992 г. конституция Республики Саха (Якутия) содержала раздел VI (ст. 135–139), посвященный внешним связям¹.

Что касается выбора партнеров, то тюркоязычные и/или мусульманские регионы обычно ориентировались на Турцию, ОАЭ, другие арабские страны и т. п.; субъекты, где присутствовало сколько-нибудь заметное финно-угорское население, пытались устанавливать контакты с Венгрией и Финляндией. В последнем случае идентификационная парадипломатия в наибольшей степени использовалась для

¹ Конституция республики Саха (Якутия), редакция 1992 г. Справочно-правовая система «Право.ru» [электронный ресурс] // <http://docs.pravo.ru/document/view/11791386/23205797/?mode=full> (дата обращения: 10.01.2016).

облегчения решения экономических вопросов (например, именно так поступало руководство Республики Карелия).

Укрепление вертикали власти в Российской Федерации сказалось и на международной деятельности субъектов. В начале 2000-х гг. законодательство субъектов было приведено в соответствие с Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством. В результате в Конституции Татарстана статья, посвященная внешним связям (ст. 6), стала звучать так: «Республика Татарстан в пределах своих полномочий вступает в международные и внешнеэкономические связи с субъектами и административно-территориальными образованиями иностранных государств, иностранными государствами, включает международные соглашения, обменивается представительскими, участвует в деятельности международных организаций»¹. Аналогичные изменения были внесены в конституции других субъектов. В 2007 г. между Москвой и Казанью было заключено новое соглашение о разграничении предметов ведения и полномочий. Параллельно была качественно усилена координирующая функция российского МИДа.

В целом в начале XXI в. идентификационная парадипломатия субъектов Российской Федерации постепенно пошла на спад, однако она не исчезла совсем. Сохраняются особые отношения Татарстана и Турции (последняя остается важным, хотя уже и не главным торгово-экономическим партнером Казани). В частности, турецкие специалисты и турецкий опыт широко использовались при подготовке и проведении в столице Татарстана мероприятий XXVII Всемирной летней универсиады 2013 г. Всего в настоящее время Татарстан представлен в 9 зарубежных странах: Чехии, Турции, Казахстане, Украине, Франции, Туркменистане, Азербайджане, Узбекистане и ОАЭ (в формате полномочных представительств, торгово-экономических представительств, постоянных представительств)².

Как и многие другие явления, идентификационная парадипломатия имеет свои плюсы и минусы. С одной стороны, она выступает в качестве средства гармонизации национальных отношений в полиэтничном и поликонфессиональном государстве, может помогать федеральному центру находить каналы налаживания контактов с другими странами. С другой — она может размывать единую внешнюю политику государства, способствовать появлению и развитию деструктивных процессов. Однако в конечном итоге все зависит от сознательности, политической воли и политической культуры центра и субъектов, их приверженности принципам федерализма и желания идти навстречу друг другу.

Литература

1. *Акимов Ю. Г.* Квебекская парадипломатия и позиция федерального правительства Канады: от конфликта к компромиссу // Вестник С.-Петерб. ун-та. 2011. Сер. 6. Вып. 4. С. 48–56.
2. *Акимов Ю. Г.* «Да здравствует свободный Квебек!» — Шарль де Голль и Французская Канада // КЛИО. 2015. № 3. С. 241.
3. *Кузнецов А. С.* Парадипломатия: трактовки и теоретические модели // Дискурс-Пи. Научно-практический альманах. Вып. 6. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2006. С. 76–78.
4. *Фарукшин М. Х.* Субъекты федераций в международных отношениях // ПОЛИС. 1995. № 6. С. 109–118.
5. *Шаймиев М. Ш.* Послание Президента Республики Татарстан Государственному Совету Республики Татарстан «О положении в республике и основных направлениях социально-экономической политики в 2002 году» // Республика Татарстан. Общественно-политическая

¹ Конституция республики Татарстан (действующая редакция). Государственный совет Республики Татарстан. Официальный сайт [электронный ресурс] // <http://www.gossov.tatarstan.ru/konstitucia/> (дата обращения: 10.01.2016).

² Правительство республики Татарстан. Официальный сайт [электронный ресурс] // http://prav.tatarstan.ru/representative_offices.htm (дата обращения: 10.01.2016).

газета. 01.03.2002 [Электронный ресурс] // <http://www.rt-online.ru/aticles/rubric-69/44471/> (дата обращения 10.01.2016).

6. Шило В. Е. Канадский федерализм и международные отношения. М. : Наука, 1985.
7. Morin C. *Le combat québécois*. Montréal : Boréal Express, 1973.
8. Paquin S. *Paradiplomatie et relations internationales. Théories des stratégies internationales des régions face à la mondialisation*. Bruxelles: Les presses interuniversitaires européennes — Peter-Lang. 2004.
9. Wolff S. *Paradiplomacy: Scope, Opportunities and Challenges* // *The Bologna Center Journal of International Affairs*. 2007. Vol. 10, N 1. P. 141–150.

References

1. Akimov Yu.G. *Quebec paradiplomacy and position of the federal government of Canada: from the conflict to a compromise* [Kvebekskaya paradiplomatiya i pozitsiya federal'nogo pravitel'stva Kanady: ot konflikta k kompromissu] // *Bulletin of the Saint-Petersburg State University [Vestnik S.-Peterb. un-ta]*. 2011. Series 6. V. 4. P. 48–56. (rus)
2. Akimov Yu.G. «*Long live free Quebec!*» — *Charles de Gaulle and the French Canada* [«Da zdravstvuet svobodnyi Kvebek!» — Shari' de Goll' i Frantsuzskaya Kanada] // *Clio [KLIO]*. 2015. N 3. P. 241. (rus)
3. Kuznetsov A. S. *Paradiplomacy: treatments and theoretical models* [Paradiplomatiya: traktovki i teoreticheskie modeli] // *Discourse Pi. Scientific and practical almanac [Diskurs-Pi. Nauchno-prakticheskii al'manakh]*. V. 6. Yekaterinburg : Publishing house of USU, 2006. P. 76–78. (rus)
4. Farukshin M.H. *Subjects of federations in the international relations* [Sub"ekty federatsii v mezhdunarodnykh otnosheniyakh] // *Political Researches [POLIS]*. 1995. N 6. P. 109–118. (rus)
5. Shaimiev M.Sh. *The message of the President of the Republic of Tatarstan to the State Council of the Republic of Tatarstan «About situation in the Republic and the main directions of social and economic policy in 2002»* [Poslanie Prezidenta Respubliki Tatarstan Gosudarstvennomu Sovetu Respubliki Tatarstan «O polozhenii v respublike i osnovnykh napravleniyakh sotsial'no-ekonomicheskoi politiki v 2002 godu»] // the Republic of Tatarstan. Political newspaper [Respublika Tatarstan. Obshchestvenno-politicheskaya gazeta]. 01.03.2002. [electronic resource]. URL: <http://www.rt-online.ru/aticles/rubric-69/44471/> (rus)
6. Shilo V. E. *Canadian federalism and international relations* [Kanadskii federalizm i mezhdunarodnye otnosheniya]. M. : Science [Nauka], 1985. (rus)
7. Morin C. *Le combat québécois*. Montréal : Boréal Express, 1973.
8. Paquin S. *Paradiplomatie et relations internationales. Théories des stratégies internationales des régions face à la mondialisation*. Bruxelles: Les presses interuniversitaires européennes — Peter-Lang. 2004.
9. Wolff S. *Paradiplomacy: Scope, Opportunities and Challenges* // *The Bologna Center Journal of International Affairs*. 2007. Vol. 10, N 1. P. 141–150.

Демократия и «четвертая власть»

Кириленко Виктор Петрович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой международного и гуманитарного права
Доктор юридических наук, профессор
Заслуженный юрист Российской Федерации
intl@szags.ru

Алексеев Георгий Валерьевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры международного и гуманитарного права
Кандидат юридических наук, доцент
intl@szags.ru

РЕФЕРАТ

Особое правовое положение журналистов в демократическом обществе определяется эффективностью коммуникативных механизмов при достижении политических целей. Виртуальная юрисдикция государства возникает в условиях реализации свободы самовыражения и универсальной конкуренции и подлежит законодательному закреплению на национальном уровне и признанию на уровне международного права. Такая юрисдикция основана на принципах демократии: участия и оппозиции. Политическая ответственность за соблюдение демократических принципов в виртуальном информационном пространстве лежит на государственных органах, которые законодательно наделены конкретной компетенцией по распространению информации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

демократия, четвертая власть, свобода слова, юрисдикция, разделение властей

Kirilenko V. P., Alekseev G. V.

Democracy and the «Fourth Estate»

Kirilenko Viktor Petrovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head of the Chair of International and Humanitarian Law
Doctor of Science (Jurisprudence), Professor
Honored Lawyer of Russia
intl@szags.ru

Alekseev Georgy Valeryevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of International and Humanitarian Law
PhD in jurisprudence, Associate Professor
intl@szags.ru

ABSTRACT

The special legal status of journalists in democratic society is determined by the efficiency of the communication mechanics in achievement of political goals. Virtual jurisdiction of state is formed under freedom of expression and universal competition. It should be legally secured on the national level and recognized on the level of international law. This jurisdiction is based on the democratic principals: participation and opposition. State institutions which are endowed with specific broadcasting competence in law are politically responsible for the compliance of democratic principals in virtual informational space.

KEYWORDS

Democracy, fourth estate, free speech, jurisdiction, separation of powers

В условиях многополярного мира либеральное международное сообщество активно формирует структуру нового социального уклада, в основании которого лежат современные технологии общения и экономические взаимосвязи. По инициативе китайского информационного агентства «Синьхуа» Всемирный медиа-саммит впервые состоялся в Пекине в 2009 г., тогда соучредителями стали информационное агентство ИТАР-ТАСС, медийная корпорация «Ньюс корпорейшн», агентства Ассошиэйтед пресс, Рейтер, Би-би-си, Киодо Цусин и другие средства массовой информации. В 2012 г. под девизом «Мировые медиа: вызовы XXI века» Всемирный медиа-саммит состоялся в Москве. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Пан Ги Мун направил приветствие его участникам, в котором отметил, что «во времена перемен необходимо следовать неизменному принципу, согласно которому свободные средства массовой информации должны процветать».¹

Президент Российской Федерации В. В. Путин в своей статье «Демократия и качество государства»², говоря о современном государстве, о справедливом и свободном обществе, цитирует русского философа и правоведа П. И. Новгородцева, который в 1923 г. писал: «Нередко думают, что провозглашение всяких свобод и всеобщего избирательного права имеет само по себе некоторую чудесную силу направлять жизнь на новые пути. На самом деле, то, что в таких случаях водворяется в жизни, обычно оказывается не демократией, а смотря по обороту событий, или олигархией, или анархией» [9, с. 99]. В то же время П. И. Новгородцев так же утверждает, что «в случае наступления анархии ближайшим этапом политического развития бывают самые сильные суровые формы демагогического деспотизма» [9, с. 99]. В начале XX в. исследование британского историка и политолога Ф. Дж. К. Гирншоу «Демократия на распутье» демонстрирует взаимосвязь деспотизма и демагогии, так как свобода дискуссий столь же значима для демократии, как и правление большинства, и «если свобода дискуссий отрицается, то меньшинство становится по настоящему недовольно, а большинство может рассматриваться как практикующее реальную тиранию» [15].

Цели реальной демократии, как действенной альтернативы тирании, анархии и олигархии, характеризуются французским социологом П. Бурдьё как стремление «к тому, чтобы экономические и социальные условия доступа к политическому знанию стали всеобщими, т. е. демократическими. Здесь решающее значение приобретает образование — фундаментальное и непрерывное. Оно есть не просто условие получить рабочее место, или занять социальную позицию: оно есть главное условие реального соблюдения гражданских прав» [3]. Представляется, что базисом любой национальной демократии является культурный капитал, который позволяет поддерживать свободную социальную дискуссию на определенном интеллектуальном уровне, без мистификаций, демагогии и лишнего популизма. Воплощенная форма существования культурного капитала определяет авторитет и влияние отдельных участников политической дискуссии. По мнению П. Бурдьё «такой воплощенный капитал представляет собой внешнее богатство, преобразованное в интегральную часть личности, в габитус, который нельзя одновременно передать (в отличие от денег, прав собственности, или даже почетных званий) посредством дарения или истребования, куплей-продажей или меной» [12].

Глобализация в постиндустриальном обществе не снимает политической ответственности с национальных администраций за наращивание культурного капитала, за устойчивое поступательное развитие системы образования, и тех социальных институтов, которые обеспечивают все уровни легитимности существующего на-

¹ Пан Ги Мун направил приветствие Всемирному медиа-саммиту в Москве // ООН в России. 2012. № 4. С. 3.

² Путин В. В. Демократия и качество государства // Коммерсантъ. № 20. 06.02.2012.

ционального политического режима. Демократия лишь создает либеральные условия для существования оппозиции, институтов гражданского общества, активной и свободной прессы при сохранении национального колорита и культурной самобытности народа, а политическая ответственность за условия жизни населения всецело лежит на власти.

Американский политолог Р. А. Даль, характеризуя уникальность исторически сложившегося политического режима в Соединенных Штатах Америки, называл американскую демократию полиархией [4], которая является неповторимым историческим опытом американской политической системы. Каждая нация, избравшая демократический путь своего развития, обязана выработать в соответствии с накопленным культурным капиталом свой уникальный формат участия оппозиции в политической дискуссии.

Российская демократия испытывает определенные трудности с формированием оппозиции, способной на равных дискутировать с представителями большинства. Однако русский литературовед Д. Д. Благой еще в 1937 г. к 135-летию со дня рождения А. С. Пушкина писал: «Одной из особенностей нашего исторического развития является наша относительная историческая „молодость“. Мы вышли на историческую сцену позже почти всех других европейских стран. Однако отставая от Европы по времени развития, мы неоднократно обгоняли ее в отношении темпов последнего. Блестящим проявлением этого служит и литературная деятельность Пушкина» [2, с. 301]. Представляется, что российские средства массовой информации способны в кратчайшие сроки окончательно обрести то политическое влияние, без которого демократия невозможна. Вместе с тем глобализация ставит перед российским обществом более сложные задачи.

Демократия относится к универсальным и неделимым основным общечеловеческим ценностям и принципам Организации Объединенных Наций¹. Эта норма-принцип определяет отношение к четвертой власти в нормативно-правовых документах и международных декларациях.

Появление ироничного термина «Fourth Estate» характеризует политические последствия, связанные с рассредоточением авторитета публичной власти в условиях реализации свободы печати. Научные представления о четвертой власти формируются с развитием демократических институтов и парламентаризма. В начале XIX в. галерея парламента, на которой сидят репортеры, по образному выражению британского политика Томаса Бабингтона Макколея, «реально становится четвертой властью» [18]. Если быть более точным в переводе этого тезиса, то репортеры стали четвертым сословием в Соединенном Королевстве Великобритании, получив в условиях монархии свойственные привилегированным сословиям преференции.

Становление институтов представительной власти сложно представить себе в отрыве от реализации свободы печати. В частности, широко известен пример, когда Николай II неоднократно давал А. А. Макарову² приказания воспрепятствовать обсуждению распутинской темы в печатных изданиях. Император полагал, «что следовало бы подумать об издании такого закона, который давал бы правительству известное влияние на печать», однако в личной беседе граф В. Н. Кокцов разъяснил Императору, «что издание такого закона, который давал бы правительству в руки действенные средства воздействия на печать» невозможно, так как «Дума никогда не решится облечь правительство реальными правами относительно печати» [10, с. 568].

¹ Демократия и Организация Объединенных Наций // URL: http://www.un.org/ru/globalissues/democracy/democracy_and_un.shtml (дата обращения: 10.01.2016).

² Александр Александрович Макаров — государственный секретарь (1909–1911), впоследствии министр внутренних дел, министр юстиции.

Особое правовое положение журналистов в светском обществе связано с эффективностью коммуникативных механизмов при достижении политических целей и не является монопольной привилегией представителей конкретной, хотя и чрезвычайно важной для медиасферы, профессии. Осознание широких возможностей системы трансляции знаний, мнений и новостей приводит к принципиально новому пониманию роли четвертой власти как конкретного сложившегося идеологического авторитета. Американский юрист и дипломат Гари Уоррен Харт в своей работе «Четвертая власть: главная стратегия для Соединенных Штатов в двадцать первом веке» формулирует концепцию американского мирового влияния, в рамках которой, с одной стороны «трайбализм, фундаментализм, приватизация и другие факторы дезинтеграции бросают серьезные вызовы авторитету государственной власти и ее способности гарантировать социальную и экономическую стабильность», с другой стороны, «четвертая власть в национальном правлении, и применение трех остальных властей — экономической, политической и военной — в рамках государственной политики должны быть нацелены на революционные изменения в глобализации, информатизации, суверенитете и конфликтах» [14, 6].

Идеологическая роль журналистики, которую обозначают термином «четвертая власть», с одной стороны, выражается в эффекте «сторожевой собаки», обеспечивающем честность правительства и защиту интересов общественности [16]. С другой стороны, новостные средства массовой информации стали самостоятельным институтом политической власти [23], идеологической основой концепции мягкой силы. Практические механизмы политического влияния четвертой власти отражаются в способности средств массовой информации определять предмет общественной дискуссии [20] и создавать условия для формирования демократичной площадки общения, где всегда представлена оппозиция [17]. Кино, театр, литература, как и другие институты социально-культурной сферы, наряду с журналистикой определяют непосредственное влияние средств массовой коммуникации на политическую систему на всей территории своего распространения, везде, где они понятны и не нуждаются в дополнении и интерпретациях.

Государственный язык, национальная литература и журналистика, как и территория государства, постепенно становились национальным достоянием и обретали организационно-правовые гарантии своей безопасности, целостности и социальной полезности. Академик Д. С. Лихачев пишет в послесловии к «Слову о полку Игореве»: «То, что кажется сейчас простым и ясным, не было понятно первым издателям. Для них неясна была даже основная идея „Слова“ и связь его с народной поэзией. Красота „Слова“ пленила русских людей начала XIX века скорее интуитивно, чем сознательно» [6, с. 110]. Очарование и конкурентные преимущества национальной литературы выражаются в ее способности менять общественный строй в соответствии с прогрессивными идеалами, которые внедряются в правовое и политическое сознание народа через печатное слово и его художественную визуализацию.

В соответствии с п. 4 ст. 1 Федерального закона Российской Федерации от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»¹ государственный язык Российской Федерации является языком, способствующим взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов Российской Федерации в едином многонациональном государстве. Формирование русскоязычного демократического международного пространства общения недостаточно гарантировать законодательно, его необходимо юридически защищать и экономически обеспечивать в ежедневной административной практике государственных органов Российской Федерации. В контексте мероприятий года литературы российский политический аналитик и публицист М. В. Демурин отметил, что русский язык станет по-настоящему

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 06.06.2005, № 23, ст. 2199.

востребованным, «когда на нем будут формулироваться новые самобытные и нужные другим народам идеи мирового порядка» [5].

Пресс-секретарь Президента России Д. С. Песков, комментируя международную ситуацию вокруг Украины, точно охарактеризовал поведение писателей, искажающих политическую действительность. В частности, он отмечает, что журналисты западных средств массовой информации «сами накручивают ситуацию в информационном плане, причем не руководствуясь какой-либо конкретной информацией, и потом сами же боятся того, чего они написали»¹. В таких условиях наличие актуальных и понятных форматов международного общения становится необходимым элементом международной политики, а индустрия, производящая массовую информацию, влияет на убеждения людей и приобретает собственную сферу влияния, создает собственную юрисдикцию, которую необходимо нормативно ограничивать.

Государственные органы Российской Федерации, реализуя свою компетенцию в сфере распространения массовой информации, содействуют развитию социальных институтов сферы культуры и образования и принимают управленческие решения в соответствии с национальными интересами, потребностями гражданского общества, экономическими возможностями страны. Решения органов государственной власти о предоставлении помощи и содействия со стороны государства тем или иным социально-культурным инициативам институтов гражданского общества, творческим идеям и начинаниям частных лиц, равно как и реализация собственных культурных программ и проектов государственными и муниципальными учреждениями связаны с реализацией юрисдикции государства в сфере медиакоммуникаций.

В международно-правовых актах, как правило, юрисдикция рассматривается с точки зрения распространения суверенной власти государств на определенную территорию или субъектов правовых отношений. Национальная литература, равно как кино, театр и ресурсы интернета, выходит за пределы границ конкретного государства, распространяя национальную идею за пределами границ конкретной страны. Сохраняя в себе элементы реализации государственной власти, массовая информация не может быть запрещена к распространению в силу широких правовых гарантий свободы слова и самовыражения [7].

Экстраполяция государственной власти за пределы национальной территории посредством производства и трансграничного распространения массовой информации может одновременно расцениваться как использование национальной администрацией мягкой силы и как форма проявления экстратерриториальной гражданской юрисдикции государства. При этом полная и исключительная власть государства, его суверенитет существует в пределах его территории, а ограниченная юрисдикция государства распространяется за его пределы [8, 12].

В сфере медиакоммуникаций справедливо мнение О. С. Черниченко о том, что «обычно универсальная юрисдикция ограничивается уголовно-правовой сферой, но нельзя полностью исключать возможность придания универсального характера и гражданской юрисдикции, тем более, что становится заметной тенденция к более частому использованию универсальной юрисдикции» [11].

С момента выхода в свет интересной работы американского юриста Дарела Менте «Юрисдикция в киберпространстве» [21] не прекращаются попытки научно обосновать распространение государственной власти на виртуальные просторы Интернета. Однако исследование Виктора Майер-Шенбергера «Виртуальный Гейзенберг: пределы регулирования виртуального мира» скорее демонстрирует справедливость выводов профессора Э. Х. де Арчага, который писал, что «Государство не может законным образом применять свое законодательство или осуществлять

¹ Песков [Д. С.]: Россия не угрожала ядерным оружием Западу для защиты Крыма. URL: <http://ria.ru/politics/20150402/1056101599.html> (дата обращения: 10.01.2016).

юрисдикцию, если оно никак не связано с возникшими на иностранной территории правоотношениями, которые оно намерено регулировать» [1, с. 272]. Таким образом, принципиальный характер имеет вопрос о связи правоотношений по распространению информации с местом распространения сообщений, с местом их производства и местом обнародования художественных произведений.

В действительности существует острая потребность в эффективной реализации государственной власти, как на просторах Интернета, так и в области функционирования других международных средств массовой коммуникации при соблюдении всех либеральных гарантий и с учетом реальных интересов индивидов и институтов гражданского общества. Реализация национальной юрисдикции в медиaprостранстве осуществляется за счет активности национальных средств массовой коммуникации и демонстрирует развитость демократических институтов «четвертой власти» на национальном уровне.

Представляется, что до принятия универсальной международной конвенции, регламентирующей правовой режим международного виртуального информационного пространства, проблема «информационных войн» и взаимных обвинений в ангажированности массовой информации, создаваемой под юрисдикцией отдельных государств, может усложнять процесс легитимации институтов четвертой власти. Международное сообщество может утратить доверие к журналистам, и реальное влияние на поведение людей способно закрепиться за организаторами массовых зрелищных мероприятий, таких как телешоу или спортивные трансляции.

Практика современных международных отношений показывает, что конкуренция в информационной сфере сама по себе не является достаточным регулятором международных правоотношений по распространению массовой информации, а представления о формировании некой «международной юрисдикции» в киберпространстве [22] следует относить к числу идей, имеющих весьма отдаленное отношение с существующей правовой действительностью.

Политическая ответственность за соблюдение демократических принципов в виртуальном информационном пространстве лежит на государственных органах, которые законодательно наделены конкретной компетенцией по распространению информации, по содействию институтам гражданского общества и бизнеса в деле производства и распространения информационных сообщений и продуктов, которые обеспечивают законность и правопорядок в сфере распространения массовой информации. Подтверждением сохранения политической ответственности государства за законность в медиасфере является интересная статья индийского писателя и журналиста Равви С. Буддхаварупу «Обама самый большой враг четвертой власти», в которой автор обозначил свое видение роли свободы слова и самовыражения в международных отношениях. Примеры использования института государственной тайны с целью сокрытия провалов дипломатии воспринимаются автором как искажение демократических идеалов [13]. Активных представителей современного гражданского общества беспокоит тот факт, что замалчивание политических ошибок и искажение реальности в угоду личным интересам и сиюминутной административной конъюнктуре стали отличительными чертами мультимедийного информационного пространства, отражающими проникновение коррупции в систему четвертой власти.

Осознавая европейский опыт применения принципов инквизиционного процесса, прочувствовав несправедливость советской правовой действительности, ярко отраженной в произведениях А. И. Солженицына, сложно оставаться безучастными к судьбе современных диссидентов, таких как Джулиан Ассанж со своим проектом «WikiLeaks» или Эдвард Сноуден, выступивший против администрации США, защищая свободу интернета. Эти примеры демонстрируют нам ту решимость, с которой человек готов защищать собственные идеалы, фактически подтверждая тезис русского философа А. А. Зиновьева о том, что «если люди не изобретут новую, на

первый взгляд никому не нужную утопию, то они не выживут в качестве людей»¹. Творческая интеллигенция как структурный элемент гражданского общества ответственна за формирование идеалов в массовом сознании народа, которые в конечном итоге позволяют каждому индивиду быстро и удивительно точно различать добро и зло, справедливость и произвол, актуальность и анахронизм.

Американский социолог Роберт МакЧесней, в своей книге «Богатые медиа, бедная демократия» [19] одним из первых обратил внимание на то, что в результате «гиперкоммерциализации» в работе четвертой власти стали доминировать такие принципы, как сенсационность и упрощение. Ввиду того, что медиаиндустрия в погоне за рейтингами популярности стремится все делать понятным и апеллировать к низменным инстинктам людей, наблюдается эффект «dumbing down», характеризующий угрозу снижения общего интеллектуального уровня демократии, растрату накопленного культурного капитала.

Если в конце XX в. кому-то могло показаться, что мир стал проще, что восторжествовал «либеральный интернационализм», основанный на активности американских международных институтов влияния [24], то в начале XXI в. становится все более отчетливой многополярная природа международного сообщества государств. Народы не готовы жертвовать своим суверенитетом, собственной системой образования, собственной литературой, национальными средствами массовой информации ради неких виртуальных ценностей либерализма, рискуя при этом безвозвратно потерять накопленный культурный капитал.

Государство в этой либеральной международной системе оказывается в сложном положении. С одной стороны его аппарат не имеет императивных инструментов влияния на четвертую власть, с другой стороны существует ответственность за качество национальной демократии, за информационную законность, за сохранение культурного капитала, которую нельзя всецело переложить на институты гражданского общества. Наконец, система сдержек и противовесов в разделении властей требует ограничить влияние каждой власти, и четвертой в том числе, при этом необходимо скоординировать их общие усилия в защите национальных интересов.

Политические условия в сфере системы массовых коммуникаций, в которых с одной стороны у национальной администрации существует обязанность действовать во всех сферах общественной жизни, а с другой стороны нет права вмешиваться в реализацию свободы самовыражения индивидами, могут стать причиной губительных политических колебаний в процессе принятия решений государственным аппаратом. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть возможность законодательного закрепления юрисдикции государства в виртуальной среде современных средств массовых коммуникаций.

Виртуальная юрисдикция государства, как нам представляется, возникает в условиях реализации свободы самовыражения и универсальной конкуренции и подлежит законодательному закреплению на национальном уровне и признанию на уровне международного права. Такая юрисдикция основана на принципах демократии: участии и оппозиции. Каждое государство должно участвовать в международном общении достаточно активно для того, чтобы существовать в международном виртуальном пространстве и каждое государство имеет право всеми правомерными средствами защищать собственную культурную уникальность, свой национальный язык и идеологию, лежащую в основе социальной организации.

¹ «Нам нужна мечта, надежда, утопия. Утопия — это великое открытие. Если люди не избретут новую, на первый взгляд никому не нужную утопию, то они не выживут в качестве людей. Нам нужна сказка: людям важно, в какой они верят туман и какая им верится сказка». Метили в коммунизм, а попали в Россию! // URL: <http://www.kp.ru/daily/25974.5/2910279> (дата обращения: 14.01.2016).

Литература

1. *Аречага Э. Х. де*. Современное международное право / под ред. Г. И. Тункина. М. : Изд-во «Прогресс», 1983. С. 272.
2. *Благой Д. Д.* Пушкин // Пушкин. Сб. критических статей. Сост. А. Г. Цейтлин. М. : Учпедгиз, 1937. С. 301.
3. *Бурдьё П.* Социология и демократия // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. СПб. : Алетейя, 1999. С. 119–124.
4. *Даль Р.* Полиархия: участие и оппозиция. Пер. с англ. / под ред. С. Деникиной, В. Барановой. М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2010.
5. *Демурин М. В.* Нужна не литература на русском языке, а русская литература [Электронный ресурс] // URL: <http://ria.ru/analytics/20150404/1056378297.html> (дата обращения: 10.01.2016).
6. *Лихачев Д. С.* Слово о полку Игореве. Послесловие. Л. : Художник РСФСР, 1975. С. 110.
7. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Международно-правовые гарантии свободы самовыражения // Управленческое консультирование. 2014. № 2. С. 116–124.
8. *Курс международного права* : в 7 т. Т. 3. М., 1989. С. 12.
9. *Новгородцев П. И.* Демократия на распутье // София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии, издательство «Обелиск» / под ред. Н. А. Бердяева. Берлин, 1923. С. 93–107.
10. *Соколов А. Р., Раскин Д. И., Корнева Н. М., Михайловский М. Г.* История Государственного совета Российской империи 1801–1917. СПб. : Лики России, 2008. С. 568.
11. *Черниченко О. С.* Международно-правовые аспекты юрисдикции государств : автореф. ... канд. юр. наук. Дипломатическая академия Министерства иностранных дел РФ. М., 2003.
12. *Bourdieu P.* The forms of capital / In J. Richardson (Ed.) Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. New York, Greenwood, 1986. P. 241–258.
13. *Buddhavarapu Ravi S.* Obama is the Fourth Estate's biggest enemy // Tehelka Magazine. V. 11. Is. 36. 6 September 2014.
14. *Hart G. W.* The Fourth Power: a new grand strategy for the United States in the 21st century. Oxford University Press, 2004. P. 6.
15. *Hearnshaw F. J. C.* Democracy at the crossways: a study in politics and history. Macmillan. London, 1919. P. 354.
16. *Kovach B. and Rosenstiel T.* The Elements of Journalism: What Newspeople Should Know and the Public Should Expect. New York : Random House, 2001.
17. *Lawson C.* Building the Fourth Estate: Democratization and the Rise of a Free Press in Mexico. Ewing, NJ : University of California Press, 2002.
18. *Macaulay T. B.* Hallam's constitutional history // The Edinburgh Review London: Longmans 48 : 165. 1828.
19. *McChesney Robert.* Rich Media, Poor Democracy. The New Press. 1999.
20. *McCombs M. E. and Shaw D. L.* The Agenda-Setting Function of Mass Media // The Public Opinion Quarterly, 1976. 36(2). P. 176–187.
21. *Menthe Darrel C.* Jurisdiction In Cyberspace: A Theory of International Spaces // 4 Mich. Telecomm. 1998. Tech. L. Rev. 69.
22. *Sachdeva Amit M.* International Jurisdiction in Cyberspace: A Comparative Perspective. C. T. L. R., 2007.
23. *Schudson M.* The news media as political institutions // Annual review of political science 5, 2003. P. 249–269.
24. *Ruggie John Gerard.* Winning the Peace: America and World Order in the New Era New York. Columbia University Press, 1996.

References

1. *Arechaga E. J. de.* *Modern international law* [Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo] / under the editorship of G. I. Tunkin. M. : Publishing house «Progress» [Izd-vo «Progress»], 1983. P. 272. (rus)
2. *Blagoy D. D.* *Pushkin* // Pushkin. Collection of critiques [Pushkin. Sbornik kriticheskikh statei]. Coll. A. G. Tseitlin. M., 1937. P. 301. (rus)
3. *Bourdieu P.* *Sociology and democracy* [Sotsiologiya i demokratiya] // Poetics and policy. Almanac of the Russian-French center of sociology and philosophy of the Institute of Sociology of the

- Russian Academy of Sciences [Poetika i politika. Al'manakh Rossiisko-frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii Instituta sotsiologii Rossiiskoi Akademii nauk]. SPb. : Aletheia [Aleteiya], 1999. P. 119–124. (rus)
4. Dahl R. A. *Polyarchy: Participation and Opposition* [Poliarkhiya: uchastie i oppozitsiya] / Translation from English under the editorship of S. Denikina, V. Baranova. M. : Publishing house of SU HSE [Izd-vo GU VShE], 2010. (rus)
  5. Demurin M. V. *We need not literature in Russian, but the Russian literature* [Nuzhna ne literatura na russkom yazyke, a russkaya literature] [electronic resource]. URL: <http://ria.ru/analitics/20150404/1056378297.html> (rus)
  6. Likhachov D. S. *The Tale of Igor's Campaign. Epilog* [Slovo o polku Igoreve. Posleslovie]. L. : Artist of RSFSR [Khudozhnik RSFSR]. 1975. P. 110. (rus)
  7. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. *International Safeguards of Freedom of expression* [Mezhdunarodno-pravovye garantii svobody samovyrazheniya] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2014. N 2. P. 116–124. (rus)
  8. *A course of international law in 7 volumes* [Kurs mezhdunarodnogo prava v 7 tomakh] / under the editorship of S. A. Malinin. V. 3. M. : 1989. P. 12. (rus)
  9. Novgorodtsev P. I. *Democracy at the crossroads* [Demokratiya na rasput'ie] // Sofia. Problems of spiritual culture and religious philosophy, publishing house Obelisk [Sofiya. Problemy dukhovnoi kul'tury i religioznoi filosofii, izdatel'stvo «Obelisk»]. Under the editorship of N. A. Berdyayev. Berlin, 1923. P. 93–107. (rus)
  10. Sokolov A. R., Raskin D. I., Korneva N. M., Mikhaylovsky M. G. *History of the State Council of the Russian Empire 1801–1917* [Istoriya Gosudarstvennogo soveta Rossiiskoi imperii 1801–1917]. SPb. : Faces of Russia, 2008. P. 568. (rus)
  11. Chernichenko O. S. *International legal aspects of jurisdiction of the states* [Mezhdunarodno-pravovye aspekty yurisdiktsii gosudarstv]: dissertation abstract. Diplomatic academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation [Diplomaticheskaya akademiya Ministerstva inostrannykh del RF]. M. : 2003. (rus)
  12. Bourdieu P. *The forms of capital* / In J. Richardson (Ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York, Greenwood : 1986. P. 241–258.
  13. Buddhavarapu Ravi S. *Obama is the Fourth Estate's biggest enemy* // Tehelka Magazine. V. 11. Is. 36. 6 September 2014.
  14. Hart G. W. *The Fourth Power: a new grand strategy for the United States in the 21st century*. Oxford University Press, 2004. P. 6.
  15. Hearnshaw F. J. C. *Democracy at the crossways: a study in politics and history*. Macmillan. London, 1919. P. 354.
  16. Kovach B. and Rosenstiel T. *The Elements of Journalism: What Newspeople Should Know and the Public Should Expect*. New York : Random House, 2001.
  17. Lawson C. *Building the Fourth Estate: Democratization and the Rise of a Free Press in Mexico*. Ewing, NJ : University of California Press, 2002.
  18. Macaulay T. B. *Hallam's constitutional history* // The Edinburgh Review London: Longmans 48 : 165. 1828.
  19. McChesney Robert. *Rich Media, Poor Democracy*. The New Press. 1999.
  20. McCombs M. E. and Shaw D. L. *The Agenda-Setting Function of Mass Media* // The Public Opinion Quarterly, 1976. 36(2). P. 176–187.
  21. Menhe Darrel C. *Jurisdiction In Cyberspace: A Theory of International Spaces* // 4 Mich. Telecomm. 1998. Tech. L. Rev. 69.
  22. Sachdeva Amit M. *International Jurisdiction in Cyberspace: A Comparative Perspective*. C. T. L. R., 2007.
  23. Schudson M. *The news media as political institutions* // Annual review of political science 5, 2003. P. 249–269.
  24. Ruggie John Gerard. *Winning the Peace: America and World Order in the New Era* New York. Columbia University Press, 1996.

Забродкина Е. Д., Пасынкова В. В.

«Трудно быть богом»: эволюция политических образов Владимира Путина

Забродкина Екатерина Дмитриевна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Студент факультета сравнительных политических исследований
kzabrodkina@gmail.com

Пасынкова Вероника Владимировна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры сравнительных политических исследований
Кандидат политических наук
pasynkova@sziu.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается трансформация политических образов Президента РФ В. В. Путина. Политический образ определяется как совокупность репрезентаций политического лидера, циркулирующих в публичном информационном дискурсе. Авторы анализируют процесс эволюции политических образов В. В. Путина, выделяя три периода для рассмотрения: 1) 2000–2008 гг., 2) 2008–2012 гг., 3) 2012 г. — настоящее время. В качестве цели работы заявлено выявление основных компонентов политических образов В. В. Путина в качестве Президента и Председателя Правительства РФ. Авторы обращаются к дискурс-анализу (текстуальному и визуальному анализу) эмпирических данных в рамках социально-конструктивистского подхода. Эмпирические данные статьи включают научные и публицистические работы, статьи и интервью в российских средствах массовой информации, тексты и видео официальных выступлений российских политических деятелей, статистические данные и данные опросов, а также фотографии и документальные фильмы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политический образ, В. В. Путин, Президент РФ

Zabrodkina E. D., Pasynkova V. V.

«Hard to Be a God»: the Evolution of Political Images of Vladimir Putin

Zabrodkina Ekaterina Dmitrievna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Student of the Department of Comparative Political Studies
kzabrodkina@gmail.com

Pasynkova Veronika Vladimirovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Comparative Political Studies
PhD in Political Science
pasynkova@sziu.ru

ABSTRACT

The article focuses on the transformation of political images of the Russian President Vladimir Putin. A political image is defined as a combination of representations of a political leader, which circulate in the public informational discourse. The authors consider the evolution of Putin's political images during three periods: 1) 2000–2008; 2) 2008–2012; 2012 — present. The article aims at revealing main components of Putin's political images as President and Prime-Minister of the Russian Federation. The authors refer to the discourse analysis (textual and visual analysis) of the empirical materials and the social-constructivist approach. The empirical material of the article include academic and journalist publications, articles and interviews published by Russian mass-

media, official texts and videos of Russia's politicians, statistical data and surveys' results, as well as photos and documentaries.

KEYWORDS

political image, Vladimir Putin, President of Russia

Путин *не* был создан. Но в каком-то смысле он сам, в первую очередь, и вся его команда, я в том числе, участвовали в создании «мифа Путина».

Глеб Павловский в интервью интернет-газете ZNAK.COM¹

Данная статья посвящена анализу политических образов, сложившихся вокруг Владимира Владимировича Путина, действующего Президента Российской Федерации. Под политическим образом авторы понимают циркулирующие в публичном информационном дискурсе репрезентации политического лидера. В данной работе понятия «образ» и «имидж» будут использованы в качестве синонимов. Политические образы В.В. Путина в разное время нахождения у власти и при разных обстоятельствах (занимаемых должностях и политических событиях), как будет показано в статье, могли существенно отличаться. Так, в эпиграфе к статье авторы обращаются к цитате Глеба Павловского, политолога, руководителя Центра эффективной политики и в прошлом одного из ведущих российских политтехнологов, который выделяет в качестве центральной составляющей политического образа российского президента так называемый «миф» — комплекс идей, послуживших основой создания современного имиджа Владимира Путина.

Актуальность работы обусловлена успешным нахождением В.В. Путина у власти в России на протяжении последних 15 лет. В период с 2000 по 2008 гг. В.В. Путин занимал пост Президента Российской Федерации. В 2008–2012 гг. он был Председателем Правительства Российской Федерации. После, в 2012 г., он был избран на третий президентский срок, который будет продолжаться до 2018 г. За период нахождения в высших эшелонах российской власти политический имидж В.В. Путина претерпел изменения. Именно эволюция политических образов, а вследствие этого и представлений российских граждан о В.В. Путине, является предметом анализа данной статьи.

Исследовательский вопрос, на который предстоит ответить авторам, сформулирован следующим образом: как в российском публичном информационном дискурсе трансформировался образ В.В. Путина в зависимости от занимаемого им государственного поста (Президента РФ или Председателя Правительства РФ)? Авторы предполагают, что между политическими образами и политическими позициями можно обнаружить определенную зависимость: имиджи Президента могут оказаться схожими, но отличаться от образов Председателя Правительства.

Основное внимание авторы будут уделять внутривнутриполитическим образам В.В. Путина, которые транслировались российскими средствами массовой информации в расчете на российскую аудиторию. Такое ограничение позволит эффективно использовать метод дискурс-анализа (главным образом, текстового и визуального анализа) в рамках социально-конструктивистского подхода. Авторы планируют обратиться к анализу политических образов Президента РФ на международной арене в своих следующих работах. Таким образом, целью данной статьи является выделение основных компонентов, формирующих политические образы В.В. Пути-

¹ Глеб Павловский: «Картина распада — везде» // ZNAK.COM | Интернет-газета URL: <http://znak.com/urfo/articles/11-12-22-04/100092.html> (дата обращения: 27.05.2015).

на. Авторы считают необходимым рассмотреть следующие три периода для анализа репрезентаций, составляющих политические образы:

Первый период — В. В. Путин как Президент РФ (2000–2008 гг.);

Второй период — В. В. Путин как Председатель Правительства РФ во время президентства Д. А. Медведева (2008–2012 гг.);

Третий период — В. В. Путин как Президент РФ (третий президентский срок с 2012 г. по настоящее время).

В качестве основных источников были использованы следующие группы эмпирических материалов: научные и публицистические работы, статьи и интервью в российских средствах массовой информации, тексты и видео официальных выступлений Президента РФ и Председателя Правительства РФ, статистические данные и данные опросов, а также фотографии и документальные фильмы.

Владимир Путин как Президент РФ (2000–2008)

«Могу заверить вас, что в своих действиях буду руководствоваться исключительно государственными интересами. Обещаю, что буду работать открыто и честно»¹. С этих слов В. В. Путина на инаугурации Президента РФ в мае 2000 г. начинается новый этап государственного управления России, породивший новые принципы и внутригосударственные порядки.

«Общих реверансов не будет», — говорит В. В. Путин и в ночь победы на президентских выборах летит в Чечню, в которой в тот момент продолжались военные конфликты [2, с. 63]. В России появляется новый герой, который лично руководит войсками, как и подобает Верховному Главнокомандующему, единолично принимая решения. Владимир Путин предстает в образе решительного профессионала, отдавая приказы о контрнаступлениях, предпринимая жесткие меры по отношению к боевикам и террористам. «Невозможно было ничего сделать другого — только подавить терроризм»,² — говорит В. В. Путин в интервью Владимиру Соловьеву, журналисту и создателю документального фильма «Президент» (2015).

Принципом «жесткой руки» новый Президент руководствуется и во внутривнутриполитическом курсе. К моменту вступления Владимира Путина в должность Президента России значительное влияние на власть могли оказывать различные группы интересов, центральную роль среди которых играли представители близкого окружения Бориса Ельцина и так называемые олигархи, контролировавшие крупный бизнес. Как отмечает эксперт по изучению российских элит Ольга Крыштановская, политическая «власть погрязла в интригах и сплетнях. Все это породило кризис легитимности, деинституционализацию и полнейший хаос в Кремле» [3, с. 235].

С приходом к власти В. В. Путина ситуация кардинально меняется. Представ в образе государственника [1, с. 66] — современного и серьезного, достаточно жесткого и сильного характером патриота — он начинает выстраивать вертикаль власти. В. В. Путин ослабляет влияние губернаторов в российских регионах³ и начинает выстраивать двухуровневую систему государственного управления путем образования федеральных округов, призванных усовершенствовать механизмы регулирования региональной власти.

¹ Инаугурация В. В. Путина // URL: <http://www.youtube.com/watch?v=7zDcXnBTmDg> (дата обращения: 19.05.2015).

² «Президент» [Документальный фильм] / реж. С. Медведева. Россия: Россия-1, 2015.

³ Указ Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» (с изменениями и дополнениями) // URL: <http://base.garant.ru/12119586/> (дата обращения: 27.05.2015).

У Владимира Путина нет групп интересов, которые бы его поддерживали и оказывали соответствующее влияние на власть. Здесь он предстает в имидже политического одиночки, за которым никто не стоит и который действует, руководствуясь законом, а не указанием политических спонсоров. Он начинает выстраивать принципиально новые отношения со средствами массовой информации, нивелировав влияние медиа-магнатов В. А. Гусинского и Б. А. Березовского, а также проводит результативные переговоры с владельцами российских добывающих и энергетических компаний¹. Установив новые правила игры между предпринимателями и властью, В. В. Путин предстает перед гражданами России в новом и крайне позитивно воспринятом российским населением образе «борца с олигархами».

Проводя реформы политической власти, В. В. Путин назначает на важные государственные посты представителей силовых структур². От министров он требует полной отдачи и требователен к результатам, жестко спрашивая с каждого по итогам проводимых действий. Заседания с министрами построены четко и последовательно — короткий отчет о проделанной работе, новый приказ и новые сроки, в которые жизненно важно уложиться. «Путин не любит дискуссии, — говорит высокопоставленный кремлевский служащий. — Он утверждает, что нельзя демонстрировать слабость на людях. Он часто говорил: „Как только люди увидят, что ты слаб, они немедленно тебя затопчут, и ты останешься ни с чем“. Поэтому он делает все, чтобы показать свою силу»³.

Владимир Путин демонстрирует силу, но уже физическую, и в повседневной жизни, вне президентского кабинета. При этом транслируемый СМИ его имидж максимально близок и понятен российскому населению. Президент в 2007 г. проводит свои летние каникулы в Республике Тыва, занимаясь рыболовством и охотой — общенациональными российскими промыслами. Фотографии времяпрепровождения В. В. Путина были официально опубликованы на сайте Президента Российской Федерации⁴. На фото В. В. Путин изображен ловящим рыбу в реке Енисей, полуобнаженным, в военизированных брюках и с кинжалом на поясе. Его образ характеризуется военизированной и патриотичной мужественностью, воплощенной в сильном и здоровом теле [4, с. 136]. На других фото Президент изображен прогуливающимся по берегу реки Хемчик. Он также полуобнажен и одет в брюки и обувь в военном стиле. Данный образ характеризует гармонию Президента РФ с природой и его внешней и внутренней силу.

Репрезентации В. В. Путина в качестве мужественного лидера, патриота и требовательного политика как при исполнении государственных полномочий Президента России, так и в обыденной жизни, складываются в политический образ «Человека действия» [4, с. 142]. Перед гражданами РФ предстает новый Президент, молодой, уверенный, сильный. Человек, который беспощадно расправляется с терроризмом, прекращает военные конфликты в Чечне, успешно взаимодействует с региональными властями и бизнес-элитами и добивается от чиновников эффективной работы. Этот имидж дополняется тем, что в официальных новостных кадрах В. В. Путин никогда не показывается рядом с охраной или персоналом. Он посто-

¹ Крыштановская О.: «Back to the USSR. Новая российская элита» // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1209368760> (дата обращения: 07.06.2015).

² Примечание: авторы относят к представителям силовых структур в данном контексте военных и представителей служб безопасности РФ (Федеральная служба безопасности (ФСБ), Служба внешней разведки (СВР), Федеральная служба охраны (ФСО).

³ The rollback of Democracy in Vladimir Putin's Russia // The Washington Post URL: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2005/06/06/AR2005060601723_2.html (дата обращения: 24.05.2015).

⁴ Досье событий // Президент России. URL: <http://archive.kremlin.ru/events/photos/2007/08/140910.shtml> (дата обращения: 15.05.2015).

янно в движении — идет, поднимается по лестнице, жестикулирует, сходит по трапу самолета — и люди, окружающие его, тоже в движении — журналисты, стремящиеся задать вопрос, военные, отдающие честь, и т. д.

Политический образ «Человека действия» оказался весьма успешен. В период двух президентских сроков В. В. Путина его рейтинг был самым высоким среди политических деятелей современной России и был стабильно выше 65% , на момент переизбрания его Президентом в 2004 г. — 82%. В конце второго президентского срока в 2008 г. рейтинг популярности Путина составил 85%¹. Респонденты ассоциативного эксперимента, проводимого в рамках исследования Алины Алексеевой в 2008 г., утверждали, что Владимир Путин — «достойный президент», «руководитель, которого долго ждала наша страна» и «лучший из тех, кто был» [1, с. 68]. Популярность российского Президента среди населения подкрепляется еще и тем фактом, что бренд Владимира Путина стал использоваться в коммерческой деятельности граждан: зажигалки, футболки, магниты, икра, водка и многое другое — такие товары стали выпускаться с изображением В. В. Путина.

Стоит также отметить, что репрезентации В. В. Путина и сложившийся на их основе политический образ оказались универсальны и нашли отклик практически во всех слоях российского населения. Сравнивая категории людей, на которых рассчитаны политические образы Президента Владимира Путина, можно сказать, что они рассчитаны на возрастную и относительно консервативную аудиторию. По оценкам авторов, имидж В. В. Путина оказывается более успешен, чем, например, политические образы Д. А. Медведева на посту Президента РФ в 2008–2012 гг., чьей аудиторией являлись более молодые и образованные граждане. По данным Росстата, средний возраст россиян в 2008 г. составил 38,7 лет, а перевес людей старшего возраста наблюдался в 61 субъекте РФ².

Владимир Путин как Председатель Правительства РФ (2008–2012)

Согласно Конституции РФ, один и тот же человек не может занимать пост Президента страны более двух сроков подряд³, поэтому в 2008 г. Президентом Российской Федерации становится Д. А. Медведев, а В. В. Путин занимает пост Председателя Правительства РФ.

Политический образ и, соответственно, репрезентации В. В. Путина в средствах массовой информации трансформируются, в первую очередь, из-за смены полномочий. Теперь в качестве Председателя Правительства В. В. Путин сосредоточен на внутренней политике государства (при этом внимание российского населения не акцентируется на том, что он все же контролирует некоторые международные вопросы). Это сказывается на смене имиджей: теперь Владимир Путин демонстрирует меньше агрессивной силы правителя и его образы еще больше апеллируют к рядовым гражданам.

Проведенный анализ источников показывает, что в российском публичном информационном дискурсе данного периода начинают противопоставляться образы В. В. Путина и Д. А. Медведева и разделяются целевые аудитории их избирателей. Так, Дмитрий Медведев становится лицом молодых, социально активных и образованных групп населения, выступающих за информатизацию и компьютеризацию,

¹ Индексы // Левада-центр. URL: <http://www.levada.ru/indeksy> (дата обращения: 27.05.2015).

² Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095700094 (дата обращения: 07.06.2015).

³ Конституция Российской Федерации: офиц. текст. М. : Приор, 2001. Ст.81.3.

нанотехнологии и искусственный интеллект. В то же время Владимир Путин апеллирует к прежней широкой и малообразованной аудитории среднего и старшего возрастов.

Во время пребывания на посту Председателя Правительства РФ Владимир Путин снова выступает в образе спасителя, однако отныне этот образ несколько гипертрофирован. Каждая «операция спасения» оборачивается грандиозным шоу — будь то забастовка рабочих в городе Пикалево, когда В. В. Путин отчитывает владельца предприятия в Ленинградской области О. Дерипаску и настаивает на сохранении предприятия для рабочих¹, или личные вылеты на летние лесные пожары в Рязанской области². В. В. Путин все чаще появляется на телевизионных экранах в компании обыкновенных граждан: посещает сборы официального молодежного движения «Наши» на озере Селигер, участвует в фестивале байкеров в городе Новосибирск, принимает участие в археологических раскопках со студентами [4, с. 137].

Одним из ключевых проектов данного периода политической карьеры В. В. Путина становится подготовка к Зимним Олимпийским играм в Сочи 2014 г. Российские СМИ демонстрируют сюжеты, в которых Владимир Путин в строительной каске контролирует возведение олимпийских объектов, обсуждает планы застройки и заселения Олимпийской деревни³. Олимпийские игры в Сочи, таким образом, позиционируются как личный проект В. В. Путина. Совместно с продвижением предстоящих Олимпийских игр В. В. Путин демонстрирует не только свои управленческие навыки, но и спортивные компетенции. Летом на отдыхе в Республике Тыва В. В. Путин умело держится на коне, а зимой в Сочи он тестирует горнолыжные трассы.

Рассматриваемый период еще больше раскрывает политический образ «Человека действия», но также новые, близкие к российскому населению, репрезентации создают новый политический образ вокруг фигуры бывшего Президента РФ — образ «Национального лидера». Согласно новому образу Владимир Путин проявляет меньшую жесткость, однако в вопросах ущемления прав российских граждан может быть беспощаден по отношению к нарушителям. Председатель Правительства РФ предстает на телеэкранах избирателей реже в кабинете и чаще в кругу россиян, что, безусловно, сказывается на его популярности. Рейтинг В. В. Путина весь срок его полномочий Председателя Правительства находится в границах 77–80% и незначительно снижается лишь к концу президентского срока Д. А. Медведева⁴.

Важно отметить, что в непрезидентский период имидж Владимира Путина был таким же эмоционально сильным, как и раньше, однако более мягким по сравнению с образами в 2000–2008 гг. Это сказалось на результатах ассоциативного опроса в середине 2011 г., в котором респонденты все еще ассоциировали В. В. Путина с президентом и вице-президентом и реже с премьер-министром. В оценке деятельности В. В. Путина опрошенные говорили, что он «человек, поднявший Россию», «много сделал», «защищает наши интересы». С его личностью респонденты ассоциировали такие понятия, как «прогресс», «стабильность» и «национальный проект» [1, с. 69]. Таким образом, можно утверждать, что новый политический образ закрепил лидерские позиции В. В. Путина как главы российского государства.

¹ Для людей и Дерипаски // URL: http://www.gazeta.ru/politics/2009/06/04_a_3206790.shtml (дата обращения: 01.06.2015).

² Путин лично потушил два пожара с самолета // URL: <http://www.newsru.com/russia/10aug2010/be200.html> (дата обращения: 01.06.2015).

³ Путин берет олимпийское строительство под личный контроль // URL: <http://sochi.snowrock.ru/news/2013/putin-proveril-stroyku> (дата обращения: 01.06.2015).

⁴ Индексы // Левада-центр. URL: <http://www.levada.ru/indeksy> (дата обращения: 27.05.2015).

Владимир Путин как Президент РФ (2012 — настоящее время)

В 2012 г. Президентом РФ вновь становится В.В. Путин, который, согласно изменениям Конституции РФ, будет находиться в этой должности до 2018 г. Победа на президентских выборах открывается новым образом Владимира Путина. 4 марта 2012 г. российское телевидение транслировало сцену на Манежной площади в городе Москва с участием Д.А. Медведева и В.В. Путина. Пока Дмитрий Медведев выступает с речью, в которой подчеркивается ожидание победы Владимира Путина на президентских выборах, телевизионная камера направлена на будущего Президента РФ, на лице которого заметны слезы¹. Авторы полагают, что этот эпизод символизирует начало официального смягчения имиджа Президента РФ и формирования актуального политического образа.

В апреле 2015 г. на одном из главных российских телеканалов состоялась премьера документального фильма-интервью с Владимиром Путиным «Президент», приуроченного к пятнадцатилетнему юбилею его нахождения у власти. По данным ТАСС, около 8 млн. россиян посмотрели этот фильм². Интервью с В.В. Путиным и кадры из хроники призваны изменить представление российских граждан о Президенте, напомнить, что ему не чужды человеческие эмоции, чувства и переживания. Фильм демонстрирует искренность Президента, родительскую преданность, патриотизм, а также честность и открытость Главы государства. «Для человека, который занимается той работой, которую я делаю, связь и чувство сопричастности к людям, рядовым людям, оно чрезвычайно важно и очень помогает», — заявляет В.В. Путин в кадре³.

Формирующийся имидж Президента может быть обозначен как «Человек из народа»⁴: В.В. Путин участвует в акции-памяти героев Великой Отечественной войны «Бессмертный полк», пронося табличку с фотографией своего отца-фронтовика; кадры с кладбища, на которых В.В. Путин возлагает цветы к могиле своих родителей; сюжет с православного праздника Пасхи, в котором В.В. Путин стоит на службе в храме. На всех кадрах совсем не заметна охрана Президента, любой желающий может подойти и поговорить с В.В. Путиным, что и демонстрируется в видеосюжетах. Подобные репрезентации показывают, что политический образ «жестокго лидера» становится менее востребованным, вследствие чего имидж становится более эмоциональным и искренним. Теперь в кадре не сильное тело и суровый взгляд, а понятные человеческие переживания, близкие всем без исключения российским гражданам.

Подводя итог, стоит сказать, что гипотеза авторов относительно зависимости политических образов Владимира Путина от государственных постов не подтвердилась. Как показывает дискурс-анализ репрезентаций В.В. Путина, трансформация его образов происходит не ввиду занимаемой должности, а в связи с увеличением сроков пребывания у власти, возрастными характеристиками и изменениями внутривластной обстановки. Важно отметить, что на октябрь 2015 г. рейтинг Президента составлял 88%⁵, абсолютный рекорд за все 15 лет нахождения его у власти.

¹ Путин плачет на Манежной площади. Полная версия // URL: <http://www.youtube.com/watch?v=oje056NHeq> (дата обращения: 27.05.2015).

² Фильм «Президент» посмотрели около 8 млн. россиян // URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1537567/> (дата обращения: 01.06.2015).

³ «Президент» [Документальный фильм] / реж. С. Медведева. Россия: Россия-1, 2015.

⁴ Путин, смена имиджа: «герой боевика» или «один из нас»? // URL: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2015/05/150515_putin_image_change (дата обращения: 24.04.2015).

⁵ Индексы // Левада-центр. URL: <http://www.levada.ru/indikatoriy/odobrenie-organov-vlasti/> (дата обращения: 29.10.2015).

Для объяснения эволюции политических образов В. В. Путина авторы предлагают две рабочие гипотезы для последующего исследования:

- Более эмоциональная окраска репрезентаций может объясняться политической повесткой: в условиях кризиса России необходим «просвещенный реформатор»;
- Большая искренность транслируемых образов В. В. Путина может быть обусловлена началом нового электорального цикла, в рамках которого имидж действующего президента «смягчается» накануне предвыборной кампании президентских выборов 2018 г.

Литература

1. Алексеева А. Политические портреты В. В. Путина и Д. А. Медведева (на материале современной прессы и ассоциативного эксперимента) // Политическая лингвистика. 2012. № 3(41). С. 64–80.
2. Качкаева А. Лидеры России на телевизионном экране: феномен Путина и «код» Медведева // Вестник общественного мнения. 2011. № 1(107). С. 63–86.
3. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М. : Захаров, 2005. С. 217–290.
4. Foxall A. Photographing Putin: Masculinity, Nationalism and Visuality in Russian Political Culture / A. Foxall // Geopolitics. 2012. Vol. 18. N 1. P. 132–156.

References

1. Alekseeva A. V.V. *Putin and D. A. Medvedev's political portraits (on material of the modern press and associative experiment)* [Politicheskie portrety V.V. Putina i D. A. Medvedeva (na materiale sovremennoi pressy i assotsiativnogo eksperimenta)] // Political linguistics [Politicheskaya lingvistika]. 2012. N 3(41). P. 64–80. (rus)
2. Kachkaeva A. *Leaders of Russia on the television screen: Putin's phenomenon and Medvedev's «code»* [Lidery Rossii na televizionnom ekrane: fenomen Putina i «kod» Medvedeva] // Messenger of Public Opinion [Vestnik obshchestvennogo mneniya]. 2011. N 1(107). P. 63–86. (rus)
3. Kryshtanovskaya O. *Anatomy of the Russian elite* [Anatomiya rossiiskoi elity]. M. : Zakharov, 2005. P. 217–290. (rus)
4. Foxall A. *Photographing Putin: Masculinity, Nationalism and Visuality in Russian Political Culture* / A. Foxall // Geopolitics. 2012. Vol. 18. N 1. P. 132–156.

Евразийский вызов для проекта «интеграции интеграций»

Межевич Николай Маратович

Санкт-Петербургский государственный университет
 Профессор факультета международных отношений
 Генеральный директор Ассоциации
 «Центр исследований экономического и социокультурного развития стран СНГ, Центральной и Восточной Европы»
 Доктор экономических наук, профессор
 mez13@mail.ru

РЕФЕРАТ

В современном быстроменяющемся мире одной из возможностей устойчивого развития государств становится интеграция, а в условиях увеличивающейся роли крупных государственных объединений возрастает вероятность реализации проекта интеграции интеграций. По разным причинам претворение в жизнь данного проекта в настоящее время не представляется возможным. Для руководства как Европейского союза, так и России преодоление кризиса отношений сможет принести положительные результаты. Цель статьи — выделить основные негативные моменты, влияющие на развитие интеграционных процессов, а также проанализировать существующие подходы к развитию интеграционных союзов. Отличительной особенностью существующих проблем следует считать не теоретические, а практические сложности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

интеграция, проект «интеграция интеграций», ЕС, Россия, Украина, США, Евразия

Mezhevich N. M.

Eurasian Call for the Project «Integration of Integrations»

Mezhevich Nikolai Maratovich

Saint-Petersburg State University (Russian Federation)
 Professor of the Faculty of the International Relations
 CEO of Association «Centre for Research into Economic and Sociocultural Upward Enhancement of CIS Countries Central and Eastern Europe»
 Doctor of Science (Economics), Professor
 mez13@mail.ru

ABSTRACT

In today's rapidly changing world integration is one of the possibilities of sustainable development of countries, and in view of the growing role of large state associations, increasing the likelihood of integration project. For various reasons the implementation of this project currently is not possible. Whether the authorities of both the European Union and Russia could overcome the crisis of relationships, it can bring positive results. The purpose of this article is to highlight the main negative aspects affecting the development of integration processes and to analyse existing approaches to the development of integration unions. A distinctive feature of the existing problems should be considered as practical rather than theoretical complexity.

KEYWORDS

integration, project «integration of integrations», the EU, Russia, Ukraine, USA, China, Eurasia

В начале XXI в. интеграция является одной из наиболее актуальных проблем в изучении процессов и явлений, как в объединенной Европе, так и на постсоветском пространстве. Фактически сложились две научных школы в этой области: европейская и постсоветская. Предмет изучения один — интеграционные процессы, но объект

различен. К сожалению, мы можем найти мало работ, посвященных анализу интеграции как явления, характерного для всего политического и экономического пространства от Лиссабона до Урала. Обратимся к точке зрения экспертов. Большинство из них сходятся на формуле: «Интеграция — это формирование новой политической системы из существовавших до этого разделенных систем». По определению У. Уолласа, интеграция — «это создание и поддержание интенсивных и разносторонних систем взаимодействия между ранее автономными частями» [16, р. 9]. Абсолютное большинство подобных определений, относящихся к различным дисциплинам и научным школам, также не фиксируют каких-либо теоретических препятствий на пути экономической интеграции. Иными словами, препятствия на пути экономической интеграции от Атлантики до Урала или даже до Владивостока лежат не в теоретической, а в практической сфере.

Может ли Европа стать единым целым? Есть ли смысл в формуле «Европа от Атлантики до Урала», которую предложил Шарль де Голль в ноябре 1959 г.? Феноменальный успех европейской интеграции был очевиден. Европейская идея, возродившись после Второй мировой войны, доказала свою жизнеспособность. Движение к интеграции, степень единства экономического пространства объединяющейся Европы постоянно менялись. 18 апреля 1951 г. Бельгия, Италия, Люксембург, Нидерланды, ФРГ и Франция заключили Парижский договор об учреждении Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), а уже 25 марта 1957 г. страны-участницы ЕОУС подписали Римские договоры, учреждавшие Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) и Европейское сообщество по атомной энергии (Евroatом). Создание ЕЭС не только способствовало экономическому росту, но и преследовало вполне очевидные политические цели: прежде всего преодоление политических, идеологических и психологических последствий Второй мировой войны¹. Нельзя не отметить, что решению этих задач способствовало не только единство политических устремлений, но и отсутствие масштабных социально-экономических территориальных контрастов.

Процесс развития и превращения этих европейских сообществ в современный Европейский союз происходил путем, во-первых, передачи все большего числа функций управления на наднациональный уровень, во-вторых, увеличения числа участников интеграции и, в-третьих, в рамках концепции субнационального регионального развития [9; 10]. Таким образом, в Европе в начале 1990-х годов был осуществлен переход к новому качеству интеграции, и одновременно в 1995–2007 гг. произошло удвоение количественного состава крупнейшего интеграционного объединения. Это не могло не вызвать определенных проблем. Трудности европейской интеграции сегодня очевидны не только для европейцев, но и для всего мира. Прежняя модель европейской экономической и политической интеграции исчерпала себя. «То, что выглядело триумфом ЕС, обернулось неоднозначными последствиями и явными неудачами, а набранная им скорость продвижения к новым рубежам европейской интеграции оставляет теперь впечатление поспешности. Конечно, в нынешних проблемах Европейского Союза огромную роль сыграл внешний фактор — глобальный финансово-экономический кризис. Однако первые осложнения возникли до него, и первопричины кризисного состояния ЕС следует искать внутри него» [1, с. 35].

Как оценивать текущий этап интеграции? «Интеграция приобретала благоприятную репутацию в глазах отдельных стран по мере получения конкретных положительных результатов в ходе реализации не общего, а конкретных, более скромных по замыслу проектов взаимодействия по ограниченным направлениям кооперации» [2]. Промежуточный результат эволюции интеграционных процессов в Европе заключа-

¹ Подробнее см.: [15].

ется в том, что ЕС, действительно достигнув высокого уровня сплочения, вынужден заниматься оптимизацией достигнутого. На масштабные геополитические проекты нет и не было средств и, рискуем предположить, необходимой политической воли.

Тем не менее возник проект «Украина» как часть программы «Восточного партнерства». Изначально он устраивал Брюссель в формате идеального совпадения всех запланированных результатов реальной ситуации. Даже не России, а скорее Украине было сказано: «Традиционная многовекторная политика Украины... исчерпала себя» [8, с. 48]. К сожалению, Россия и Украина столкнулись с бескомпромиссной позицией Европейского союза. Показательно мнение литовского эксперта, высказанное и напечатанное в Вильнюсе, еще до вильнюсского саммита «Восточного партнерства»: «Позиция Брюсселя заключается в следующем: либо вы делаете, как мы хотим, либо мы вообще ничего не делаем» [5, с. 38]. Как показал опыт Болгарии, Румынии и даже Польши, в Евросоюзе участвовать в правилах выработки игры не получится. Понятие «гармонизация» законодательства ВП жестко трактуется органами ЕС как необходимость согласования правовой системы этих стран с уже действующей в Евросоюзе нормативной практикой, или законодательной базой ЕС — *acquis communautaire*.

При этом «в действиях Евросоюза с недавних пор стала появляться «коллективная односторонность», когда любой член может потребовать «солидарности» по любой собственной проблеме. Как результат — блоковая позиция, негативно сказывающаяся на наших отношениях с ЕС. Индивидуальные интересы членов ЕС нам известны; со многими из них двусторонние отношения неотягощены искусственными барьерами и развиваются куда более продуктивно, чем с брюссельскими структурами» [11, с. 76].

В результате, как отмечал Директор Института Европы А. А. Громыко: «Парадоксальная ситуация сложилась вокруг «Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС»: столь театрально обставленная его ратификация (включая экономическую часть — соглашение об углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли) сопровождалась заявлением Еврокомиссии, что в силу оно вступит лишь в начале 2016 г.» [7, с. 5]. Возникает вопрос, чем это отличается от позиции В. Януковича в Вильнюсе, предлагавшего отложить подписание Соглашения, но не отказываться от него в принципе?

В этом контексте вспомним о том, что ряд украинских политиков указывали на необходимость масштабной экономической помощи, направленной на реформирование экономики и управления, как условие эффективной евроинтеграции. Эта помощь в 2013 г. не была оказана. Сегодня деньги выделяются, но на экономической и политической стабильности на Украине и в ЦВЕ в целом они не отражаются.

Объяснение проблем евроинтеграции на востоке через неготовность стран-кандидатов вполне убедительно: «Специфический исторический опыт стран-кандидатов обусловил относительную незрелость демократических режимов в этих странах, слабость культуры консенсуса и толерантности, уже укоренившихся в западноевропейском обществе и в значительной мере обеспечивших устойчивое развитие Западной Европы в последние десятилетия» [14]. Однако возникает вопрос, достаточно ли вышеупомянутого момента, чтобы обоснованно рассматривать интеграционные процессы на западе и востоке Европы как нечто различное, не подчиняющееся общим закономерностям? С нашей точки зрения, в последнее время становится очевидным то, что тенденции развития интеграции имеют много общего. Общего как в положительных, так и в отрицательных примерах.

К примеру, «свойственная постсоветскому пространству модель „срастания“ бизнеса и политики, культура бизнеса, олигархические тенденции» [8, с. 12] проявляют себя от Испании до Литвы, и лишь затем восточнее Варшавы. Более того,

кризис ЕС не может не проявляться в качестве и скорости интеграционных процессов. Ошибки во внутренних и внешних отношениях, экономические просчеты, последствия высокомерных решений, принятых на основе геополитических, «ценностных», а не прагматических резонансов: «Евросоюз из образца разумной предсказуемости стал, по сути, одним из наиболее явных источников глобальной неопределенности» [12].

Вернемся к рассмотрению процессов развития интеграции на постсоветском пространстве. Оценивая систему интеграционных связей бывшего СССР, можно сказать, что степень взаимозависимости республиканских экономик была намного выше, чем в ЕС или между отдельными штатами США. Однако объединительные процессы во многом были вызваны не экономической целесообразностью, а действием политических, идеологических факторов. Считалось, что политическая трансформация постсоветского пространства однозначно шла в направлении от советской тоталитарной политической системы к демократической системе. Однако по прошествии 16 лет становится все более очевидным, что это, скорее линейное, упрощенное представление о сущности трансформации, которая на самом деле является гораздо более сложным, многомерным процессом со множеством постоянных и переменных величин, определяющих и направляющих этот процесс.

Впрочем, и в экономическом сотрудничестве проблем достаточно: «Обилие юридически необязательных двухсторонних соглашений наряду с систематическим применением исключений и межправительственным характером интеграции привело не только к тому, что СНГ не смогло трансформироваться в реальное экономическое образование с высоким уровнем интеграции и элементами наднационального управления, но и помешало в рамках СНГ возникнуть реальному политическому союзу». Это абсолютно справедливо отмечает коллектив политологов под идейным руководством литовских экспертов [8, с. 5].

Научные исследования с самого начала распада СССР и последующего этапа становления полной независимости бывших советских республик постоянно затрагивали идею о постсоветской реинтеграции. Одни эксперты видели в идее реинтеграции под началом России реставрацию в несколько ином виде бывшего союзного государства, другие — шанс сформировать равноправное сотрудничество независимых государств в формате международной организации, по типу ЕС. Третьи рассматривали СНГ как переходный этап к формированию нового правового пространства. Феномен интеграционных объединений является сегодня, в эпоху глобализации, одной из ярких тенденций международных отношений. В постбиполярный период международных отношений малые и средние государства рассматривают региональные организации как форму выживания, ответ на вызовы новых процессов и сохранения своей цивилизационной самобытности в условиях глобализации. Примеров такого рода много: Европейский союз и Евразийский экономический союз ЕС, АСЕАН, НАФТА, МЕРКОСУР, ОАЕ, ЛАГ и др. Государства постсоветского пространства стоят перед таким же вызовом истории, так как для них «быть или не быть интеграции» — это не просто вопрос о пересмотре отношений между собой, а еще и вопрос о месте и судьбе в глобализованном миропорядке.

Почти 15 лет назад российский международник С. Рогов писал: «К сожалению, Россия оказалась в изоляции от интеграционных процессов, охвативших европейский континент. Развернувшееся после окончания холодной войны строительство «общеевропейского дома» идет без участия России. Европа консолидируется под флагом Европейского союза. По существу, понятия Европа и ЕС становятся синонимами» [13, с. 270]. С этим тезисом можно было согласиться в 2002 г., но сейчас он как минимум спорен. К востоку от Люблина тоже расположена Европа.

Тенденции замедления темпов роста мировой экономики также негативно сказываются на интеграционных процессах. Вместе с тем большинство макроэконо-

мических прогнозов дает для объединенной Европы более низкие усредненные темпы роста, чем пространству Таможенного союза и Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). Выбор оптимальной модели экономической интеграции также следует считать сегодня общей проблемой интеграционных объединений.

В чем же принципиальное различие в эволюции интеграционных процессов в Европе и на постсоветском пространстве? Европа, достигнув весьма высокого уровня интеграции, вынуждена заниматься оптимизацией достигнутого. Медленная и осторожная интеграция на постсоветском пространстве может ориентироваться не только на собственный опыт, но и на анализ европейской практики экономической интеграции. Нам следует помнить, что в течение нескольких лет Европейский союз отрицал правосубъектность как Таможенного союза, так и формирующегося Евразийского экономического союза. Это отрицание носило несколько иррациональный характер. С чем оно связано?

Во-первых, после краха ЕАСТ и прорыва евроинтеграции на север сама мысль об альтернативной интеграционной модели воспринималась как альбигойская ересь в Риме.

Во-вторых, распад СССР был истолкован в категориях провала экономической и политической модели интеграции при полном игнорировании реальных экономических предпосылок существования единого народнохозяйственного комплекса и недооценке субъективных факторов и внешнеполитического влияния. Проигнорировано было и то, что в отличие от предшествующих попыток постсоветской интеграции Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана (ТС) — первый интеграционный проект в истории новых независимых государств, вышедший за рамки либерализации взаимного товарного обмена и демонстрирующий относительно успешное функционирование наднациональной системы регулирования внешней торговли.

В-третьих, наконец, после ужаса десятков европейских войн стал очевиден бесспорный триумф европейской идеи, восходящей к идеям чешского князя Йиржи из Подебрад, европейского политика и дипломата¹. Однако произошло смешение представлений о европейской идее и конкретной пространственно-организационной практике ее реализации (ЕЭС-ЕС).

В-четвертых, понимание того, что без России проблему «Восточного партнерства» не решить, приходит в Европу к середине 2015 г., а не в 2009 г. Один из результатов — украинский конфликт.

Пятое: финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. выявил двойную асимметричность единого экономического пространства — имеется чрезмерный разрыв в уровнях экономического и социального развития в ЕС-27, а также дисгармония между единой валютной и почти не скоординированной национальной экономической политикой в еврозоне. По мнению главы Европейского центрального банка Марио Драги, в 2015 г. Евросоюз может столкнуться с угрозой дефляции и рискует сохранить невысокие темпы роста экономики, однако термин «кризис» в данный момент не подходит для описания ситуации в экономике стран еврозоны².

Шестое: масштабный кризис на Украине следует признать частью общего кризиса доверия в политической и экономической сфере между ЕС и ЕАЭС. Конфликтотогенное наполнение, которое получила данная программа по инициативе Польши и Швеции в 2009 г., обострило системные противоречия постсоветского периода развития Украины [6, с. 20].

¹ Йиржи из Подебрад (Jiří z Poděbrad) (1420–1471) — чешский король в 1458–1471 гг. Выдвинул проект объединения главных европейских монархов и обеспечения мира в Европе на основе углубления политического сотрудничества.

² Драги: экономику ЕС ждет затяжной период слабости [Электронный ресурс]. URL: <http://dv.ee/novosti/2015/01/02/dragi-jekonomiku-es-zhdet-zatjazhnoj-period-slabosti> (дата обращения: 02.01.2015).

Однако сейчас на будущее европейско-евразийских отношений постепенно формируется новый взгляд. Медленно и осторожно ставится вопрос о соглашении по вопросам экономической интеграции между Европейским союзом и Евразийским экономическим союзом. Дипломаты называют этот путь «зондаж», так как сложности более чем очевидны. Вместе с тем, поиск новых и нестандартных путей заставляет искать нестандартные пути. Как отмечает профессор Винокуров: «Сама постановка вопроса кажется сейчас странной. Отношения ЕС и России — страны, на которую приходится 87% ВВП и 75% населения ЕАЭС, находятся в глубоком кризисе. Экономическое сотрудничество сворачивается при обмене санкциями» [3].

Проект «интеграции интеграций» — формат, объективно способный устроить в буквальном смысле всех. Проблема лишь в том, как реализовать этот проект. Сегодня нет реальной «интеграции интеграций», есть конфликт интеграций. Возможно возражение, об «интеграции интеграций» говорит Президент России в своем недавнем выступлении, однако давайте внимательно еще раз посмотрим на его речь в ООН: «В противоположность политике эксклюзивности Россия предлагает гармонизацию региональных экономических проектов, так называемую интеграцию интеграций, основанную на универсальных прозрачных принципах международной торговли. В качестве примера приведу наши планы по сопряжению Евразийского экономического союза с китайской инициативой по созданию „Экономического пояса Шелкового пути“». И по-прежнему большие перспективы видим в гармонизации интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза и Евросоюза»¹. Иными словами, интеграция Евразийского союза и Евросоюза — вопрос, как минимум, среднесрочной перспективы. Программный тезис Д. А. Медведева: «Россия не собирается покидать Европейский континент ни экономически, ни политически, ни ментально. С тех пор как Екатерина II в «Наказе комиссии по составлению нового уложения» подчеркнула: «Россия есть Европейская держава», прошло почти 250 лет, и это, при всех гигантских переменах в мире, остается и будет оставаться истиной»², — является наказом не только для России, но и осторожной рекомендацией для Европы.

Подведем итоги. В фундаментальной монографии, подготовленной в Институте Европы о Центрально-Восточной Европе, отмечено: «Регион, пройдя сквозь столетия и непростые испытания, которые подступали к нему то с Запада, то с Востока, действительно, выработал неповторимое своеобразие, выразившееся, с одной стороны, в синтезе их цивилизационных характеристик, с другой — в особом отношении к своей собственной идентичности» [4, с. 9]. В большой Евразии испытания с востока и запада были характерны для всех стран, не только для государств Центрально-Восточной Европы, Украины, России. Именно поэтому масштабные интеграционные проекты, также основанные на синтезе цивилизационных характеристик, имеют смысл как минимум в масштабе объединенной Европы, но перспективнее в масштабе Евразии.

Литература

1. Борко Ю. Европа-XXI: дальше вверх или дальше вниз? // Европейская безопасность. 2011. № 26 (42).

¹ Путин В. В. Выступление на пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385> (дата обращения: 28.09.2015).

² Медведев Д. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы Опубликовано в РГ (Федеральный выпуск) № 6785 от 24 сентября 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2015/09/23/statiya-site.html> (дата обращения: 24.09.2015).

2. Бусыгина И. Асимметричная интеграция в Евросоюзе // Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intertrends.ru/fifteen/002.htm> (дата обращения: 18.05.2014).
3. Винокуров Е. Европейский и Евразийский союзы: повод для интеграции [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/opinions/1597482> (дата обращения: 14.10.2014).
4. Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии / Под ред. Л. Н. Шишелиной. М. : Весь мир, 2010.
5. Воловой В. Экономика и география: интеграция по необходимости // Перспективы и проекты сотрудничества в Евразии: Сб. статей. Вильнюс, 2012. С. 38.
6. Гаман-Голутвина О. В., Пономарева Е. Г., Шишелина Л. Н. «Восточное партнерство»: борьба сценариев развития // Полис. Политические исследования. 2014. № 5. С. 20–40.
7. Громыко А. А. Дестабилизация Европы и проблема доверия // Современная Европа. 2014. № 4, С. 5–7.
8. Евразийский союз: вызов для Евросоюза и государств «Восточного партнерства» // Центр восточноевропейских исследований. Вильнюс, 2012.
9. Зонова Т. В. От Европы государств к Европе регионов // Полис. 1999. № 5. С. 155–164.
10. Иванов И. Д. Европа регионов. М., 1998.
11. Лавров С. В. Внешняя политика России: новый этап // Эксперт. 17 декабря 2007 г.
12. Лукьянов Ф. Обратная сторона Греции [Электронный ресурс]. URL: <http://m.rg.ru/2015/07/07/kolonka.html> (дата обращения: 07.07.2015).
13. Рогов С. М. Изоляция от интеграции // Внешняя политика и безопасность современной России, 1991–2002: Хрестоматия: в 4 т. // Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Рос. ассоц. междунар. исслед., АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)». М. : РОССПЭН, 2002. Т. 1.
14. Тэвдой-Бурмули А. Горизонты расширения ЕС // Геополитика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.geopolitics.ru/2012/09/gorizonty-rasshireniya-es/> (дата обращения: 03.09.2012).
15. Nielson B., Stubb A. The European Union: Reading on the Theory and History of European Integration. Boulder : 2003.
16. Wallace W. The Dynamics of European Integration. L., 1990.

References

1. Borko Yu. *Europe-XXI: further up or further down?* [Evropa-XXI: dal'she vverkh ili dal'she vniiz?] // European safety [Evropeiskaya bezopasnost']. 2011, N 26 (42). (rus)
2. Busygina I. *Asymmetric integration in the European Union* [Assimetrichnaya integratsiya v Evrosoyuze] // International processes. Journal of the theory of the international relations and world politics [Mezhdunarodnye protsessy. Zhurnal teorii mezhdunarodnykh otnoshenii i mirovoi politiki] [An electronic resource]. URL: <http://www.intertrends.ru/fifteen/002.htm> (date of the address: 18.05.2014). (rus)
3. Vinokurov E. *European and Eurasian Unions: reason for integration* [Evropeiskii i Evraziiskii soyuzy: povod dlya integratsii] [An electronic resource]. URL: <http://tass.ru/opinions/1597482> (date of the address: 14.10.2014). (rus)
4. *Visegrad Europe: from where and where? Two decades on the way of reforms in Hungary, Poland, Slovakia and the Czech Republic* [Vishegradskaya Evropa: otкуда i куда? Dva desyatiletiya po puti reform v Vengrii, Pol'she, Slovaki i Chekhii] / Under the editorship of L. N. Shishelina. M. : Whole world [Ves' mir], 2010. (rus)
5. Volovoy V. *Economy and geography: integration necessarily* [Ekonomika i geografiya: integratsiya po neobkhdimosti] // Prospects and projects of cooperation in Eurasia: Collection of articles [Perspektivy i proekty sotrudnichestva v Evrazii: Sb. statei]. Vilnius : 2012. P. 38. (rus)
6. Gaman-Golutvina O. V., Ponomareva E. G., Shishelin L. N. «*Eastern Partnership*»: *fight of scenarios of development* [«Vostochnoe partnerstvo»: bor'ba stseneriev razvitiya] // Political Researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2014. N 5. P. 20–40. (rus)
7. Gromyko A. A. *Destabilization of Europe and problem of trust* [Destabilizatsiya Evropy i problema doveriya] // Modern Europe [Sovremennaya Evropa]. 2014. N 4. P. 5–7 (rus)
8. *Eurasian Union: a call for the European Union and the states of «Eastern Partnership»* [Evraziiskii soyuzy: vyzov dlya Evrosoyuza i gosudarstv «Vostochnoe partnerstva»] // Center of the East European researches [Tsentr vostochnoevropeiskikh issledovaniy]. Vilnius, 2012. (rus)
9. Zonova T. V. *From Europe of the states to Europe of regions* [Ot Evropy gosudarstv k Evrope regionov] // Political Researches [Politicheskie issledovaniya]. 1999. N 5. P. 155–164. (rus)

10. Ivanov I. D. *Europe of regions* [Evropa regionov]. M., 1998. (rus)
11. Lavrov S. V. *Foreign policy of Russia: new stage* [Vneshnyaya politika Rossii: novyi etap] // *Expert* [Ekspert]. On December 17, 2007. (rus)
12. Lukyanov F. *Back of Greece* [Oborotnaya storona Gretsii] [An electronic resource]. URL: <http://m.rg.ru/2015/07/07/kolonka.html> (date of the address: 07.07.2015). (rus)
13. Rogov S. M. *Isolation from integration* [Izolyatsiya ot integratsii] // Foreign policy and safety of modern Russia, 1991–2002 [Vneshnyaya politika i bezopasnost' sovremennoi Rossii, 1991–2002]: Anthology: In 4 v. // Moscow State University of International Relations of the MFA of Russia, Russian Association of the Inter. Researches, Autonomous Non-Commercial Organization «ISE-Center (Information. Science. Education.)» M. : ROSSPEN, 2002. V. 1. (rus)
14. Tevdoy-Burmuli A. *Horizons of expansion of the EU* [Gorizonty rasshireniya ES] // Geopolitics [Geopolitika] [An electronic resource]. URL: <http://www.geopolitics.ru/2012/09/gorizonty-rasshireniya-es/>(date of the address: 03.09.2012). (rus)
15. Nielson B., Stubb A. *The European Union: Reading on the Theory and History of European Integration*. Boulder : 2003.
16. Wallace W. *The Dynamics of European Integration*. L., 1990.

Ягья В. С., Ли Минфу

Центральная Азия в условиях сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза

Ягья Ватаняр Саидович

Санкт-Петербургский государственный университет
Заведующий кафедрой мировой политики факультета международных отношений
Доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации
yagua@sir.edu

Ли Минфу

Санкт-Петербургский государственный университет
Аспирант кафедры мировой политики факультета международных отношений
limingfu999@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье анализируются основные тренды развития Центральной Азии в условиях сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза и характер взаимодействия участников этого процесса, прежде всего России, КНР и Казахстана. Важное место занимает исследование внешнеполитического и геоэкономического курса Поднебесной в отношении Центральной Азии. Не обойдены вниманием и сами страны Центральной Азии, являющиеся активными акторами этих процессов. Особо подчеркивается, что для повышения своего имиджа в Центральной Азии, а следовательно, успешной реализации экономических и гуманитарных планов КНР и Россия широко используют мягкую силу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

национальные интересы, внешняя политика, Экономический пояс Шелкового пути, Центральная Азия, КНР, Евразийский экономический союз, Россия, Казахстан

Yagya V. S., Li Mingfu

Central Asia in the Conditions of Conjugation of the Economic Belt of the Silk Way and the Eurasian Economic Union

Yagya Vatanyar Saidovich

St. Petersburg State University (Russian Federation)
Head of Chair of World Politics of the School of international relations
Doctor of science (History), Professor, Honored worker of science of the Russian Federation
yagua@sir.edu

Li Mingfu

St. Petersburg State University (Russian Federation)
Graduate Student of the Chair of World Politics of the School of international relations
limingfu999@gmail.com

ABSTRACT

The article analyzes the main trends of development of Central Asia in the conditions of conjugation of the Economic Belt of the Silk Road and the Eurasian Economic Union, and the nature of interaction between the participants of this process, especially Russia, China and Kazakhstan. It occupies an important place in the study of China's guidelines of foreign policy and geo-economy in relations with Central Asia. This is not overlooked and Central Asian countries themselves became active actors in these processes. It is especially emphasized that in order to improve its image in Central Asia, therefore, China and Russia widely use soft power to get the successful implementation of economic and humanitarian plans.

KEYWORDS

national interests; foreign policy; Economic belt "Silk Road"; Central Asia; People's Republic of China, Eurasian Economic Union, Russia, Kazakhstan

---

В XXI в. четко определилась новая тенденция в развитии мирового сообщества — рост значения Азии и особенно Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Неслучайно в США провозглашен курс на возврат в Азию, а в России осуществляется поворот в эту часть света. Особое внимание в мире уделяется Китаю, чья все растущая политическая, экономическая, военная и гуманитарная мощь вывела эту страну в центр глобальной экономики и политики.

Китай, проводя многовекторную внешнюю политику по реализации своих национальных интересов, активен в отношениях со странами Запада, СНГ, Азии, Африки и Латинской Америки. Появилась даже своеобразная идеологема «Россия поворачивается на Восток, а Китай — на Запад»¹. В ее подтверждение приводятся, например, такие факты, как недавний призыв Пекина создать зону свободной торговли с ЕС, состоявшийся в июне 2015 г. 7-й раунд американо-китайского стратегического диалога², достигнутая договоренность США и КНР об установлении прямых контактов между сухопутными войсками³, весьма торжественно обставленные визиты Председателя Си Цзиньпина в США в сентябре 2015 г. и в Великобританию в октябре того же года, достигнутые тогда договоренности⁴.

И это несмотря на замедление темпов роста ВВП и падение внешнеторгового оборота Китая в 2014–2015 гг. Его роль в глобализации и регионализации экономики и политики остается и в этих условиях значительной. Поднебесная по-прежнему определяет многие направления развития в мировом сообществе, особенно в АТР. В мире ее не перестали рассматривать как локомотив развития. В самом Китае предпринимаются значимые меры по совершенствованию стратегии развития рыночной экономики и стабилизации внешних связей. Некоторые из них прозвучали на 14-й ежегодной встрече глав правительств стран ШОС. Речь идет, например, о предложении председателя Госсовета Китая Ли Кэцзяна заключить в рамках этой организации соглашение об облегчении условий торговли и таможенных процедур. Премьер-министр России поддержал эту инициативу⁵.

О приоритетном стратегическом партнерстве России и Китая свидетельствуют, в частности, высокозначимые документы, подписанные в двустороннем и многостороннем порядке во время саммитов БРИКС и ШОС в июле 2015 г. в Уфе. Очень актуально в этой связи высказывание Чрезвычайного и Полномочного посла КНР в России Ли Хуэя о вступлении обоих государств в новый этап всеобъемлющего стратегического партнерства и взаимодействия, о постоянном росте доверия между обеими странами и о возникновении у них «невиданных ранее возможностей для

---

¹ См. например: *Скосырев В.* Россия поворачивает на Восток, а Китай — на Запад // Независимая газета, 1 июля 2015 г.

² *Скосырев В.* Сверхдержавы пытаются поделить мир // Независимая газета, 22 июля 2015 г.

³ Бегущая строка на телевизионном канале РБК, 12 июня 2015 г. в 7.15 московского времени.

⁴ См. например: Xi' State Visit // International, 20 October 2015; A. Bounds. Xi Adds His Voice to Enders Keen for UK to Stay in Europe Union // Financial Times weekend. 24–25 October 2015; Anderlini J. and Parker G. The Pomp and the Circumstance // Financial Times Weekend. 24–25 October 2015.

⁵ *Едовина Т.* Россия и Китай прицелились к единым правилам торговли // Коммерсантъ, 16 декабря 2015.

развития практического сотрудничества»¹. Одновременно Китай продвигает собственную инициативу, создавая региональное всеобъемлющее экономическое партнерство. Это — своеобразный ответ на предпринятые США шаги по организации Транстихоокеанского партнерства, о чем уже в октябре 2015 г. было подписано двенадцатью странами специальное соглашение². Китай в свою очередь осуществил еще одну весьма крупную экономическую акцию, создав Азиатский банк инфраструктурных инвестиций с капиталом в 100 млрд долл. Его участниками стали 57 стран, включая Россию.

Словом, конфигурация мирополитических и глобальных геоэкономических отношений на мировом пространстве исключительно динамична, полна неожиданных сдвигов, перемен и трендов, а также новых подходов в оценке происходящего.

В свете провозглашенного курса на формирование отношений нового типа с партнерами в мировой политике Пекин озабочен теоретическим осмыслением происходящих процессов на этом пути. Неслучайно даже руководитель Си Цзиньпин призвал к обновлению марксистской теории в соответствии с осуществляющимися в стране реформами. К этой работе будут привлечены крупнейшие китайские ученые³. Показательно в этом отношении также мнение ректора Института международных отношений министерства иностранных дел КНР Цинь Яцина. Он полагает, что Китай должен иметь собственные теории международных отношений⁴.

Поиск новых теоретических положений в контексте развивающихся мирополитических и глобально-экономических процессов связан еще и с тем, что Китай инициировал крупнейшие проекты, получившие названия «Экономический пояс Шелкового пути» (далее — ЭПШП) и «Морской Шелковый путь XXI века». Их реализация, рассчитанная на десятилетия, должна по замыслу руководителей страны, опирающихся на творческие разработки ученых и практиков, воедино связать обширные пространства Евразии, регионов Азии и Европы, да и Африки, а также тихоокеанских островных государств и, возможно, латиноамериканских стран.

При этом в России кое-кто из экспертов говорил, что китайский проект «Один пояс — один путь», под которым обозначается совокупность ранее названных двух проектов, нанесет ущерб интересам России в Центральной Азии⁵. Подобным утверждениям возражали обоснованно как российские, так и китайские участники различных дискуссий, встреч, бесед, конференций. С нашей точки зрения, особый интерес Китая к Центральной Азии, как и России, обусловлен ее геостратегическим положением, связывающим ключевые районы обоих государств. Ей свойственна также уникальная геопарадигма развития России, которая, как справедливо пишет И. В. Зеленева [2, с. 97], «закладывалась уже в VIII–XII вв. в процессе объединения русских земель» в пространстве Каспийского, Черноморского и Балтийского регионов. Аналогичная парадигма в отношении Центральной Азии сложилась и у Поднебесной в ходе ее исторического пути.

Центральная Азия была и остается предметом пристального внимания экспертов, наблюдателей, политиков, ученых, когда речь идет о перспективах ЭПШП. Еще до шелко-путевых инициатив, многие из них предсказывали китайско-российские противоречия в Центральной Азии. Заместитель директора Института экономики

¹ Москва — Пекин. Российско-китайское бизнес-ревю. 2015, № 2, июль. С. 21.

² Ремчукова В. США и Китай создают новые правила международной торговли // Независимая газета, 12 октября 2015; Торговое соглашение XXI века // Независимая газета, 30 декабря 2015.

³ Башкатова А., Сергеев М. Китай возрождает марксизм, подгоняя его под противоречия своей экономики // Независимая газета, 27 декабря 2015.

⁴ 秦亚青. 国际关系理论亦需多元发展 // 人民日报. 11.02.2015. (перевод: Цинь Яцин. Теория международных отношений должна развиваться разносторонне // Женьминь Жибао).

⁵ Скосырев В. Россия может остаться на обочине Шелкового пути // Независимая газета, 16 июля 2015 г.

РАН С. Глинкина вообще полагала, что «Россия шаг за шагом сдает позиции» в этом регионе¹. Она и другие эксперты, говоря о сложностях в отношениях двух великих держав касательно этого региона, ссылались, например, на то, что торговый оборот КНР с центральноазиатскими странами в 2012 г. составлял 45 млрд долл., а в последующие годы он перевалил за 50 млрд долл., а у России данный показатель заметно ниже. Растут также китайские инвестиции в государства Центральной Азии. Велика роль Казахстана в капиталовложениях из Китая. КНР уже инвестировала сюда 27,1 млрд долл. Но Россия не располагает такими финансовыми ресурсами, золотовалютные резервы России составляют около трети китайских запасов, оцениваемые чуть ли не в один триллион долларов.

«Чтобы Россия не была окончательно вытеснена с рынка Центральной Азии, — писала С. Глинкина, — надо вкладывать туда средства»². С. Глинкина в доказательство своей точки зрения приводит ошеломляющие размеры зависимости России от Китая: Россия в 4,5 раза «больше зависит» от Поднебесной. Однако она признает, что «Пекин вовсе не желает принести нам (т. е. России — авт.) ущерб», в том числе, и, по нашему мнению, территориальный, на что, кстати говоря, часто ссылаются российские алармисты, опасаясь возможных потерь Россией земель, если позволить китайцам поселиться на них и вести там сельское хозяйство.

Возражая им, мы, авторы этой статьи, считаем необходимым привести здесь выдержку из очень содержательной статьи, к сожалению, ныне покойного выдающегося ученого, академика РАН Николая Петровича Шмелева. «История, — подчеркивает он, — многому учит: она, между прочим, учит и тому, что за одним, по существу, исключением (Индокитай) Срединная империя за долгие тысячелетия своего существования никогда не отличалась стремлением к территориальной экспансии. Не территории интересуют Китай, а, во-первых, возможности укрепления его энерго-сырьевой и водной базы, во-вторых, новые рынки для его традиционной, а теперь и высокотехнологичной продукции, в-третьих, облегчение условий для миграции наиболее подвижной (но всегда лишь маргинальной) части его населения в поисках сфер занятости и приложения своих капиталов» [7, с. 351]. И эта очень длинная цитата завершается весьма примечательной фразой словно предтечей такого масштабного развития российско-китайских отношений, что наблюдается с 2014 г.: «К настоящему времени, — делает вывод Н.П. Шмелев из своих рассуждений о Китае и России, — политическая база для долговременного сотрудничества и взаимодействия создана».

Конечно, Пекин, строя отношения с Россией в отношении Центральной Азии, расширяет свои связи с государствами этого региона, особенно с Казахстаном. С ним Китай уже подписал соглашения по 52 проектам. Ли Кэцян на упомянутом форуме ШОС пообещал увеличить финансовую помощь центральноазиатским странам, включая, разумеется, Казахстан. Однако экономические и финансовые возможности России для наращивания своего присутствия в Китае ограничены, и потому у некоторых экспертов возникает представление о вытеснении ее Пекином из Центральной Азии³.

Надо иметь в виду особый характер отношений России и Казахстана. Посол России в Астане М. Бочаров подтвердил высокий уровень стратегического партнерства двусторонних отношений России и Казахстана [1, с. 12]. В отношении Казахстана целесообразно привести высказывание президента этого государства Н.А. Назарбаева:

¹ Там же.

² Там же. См.: *Скосырев В.* На Шелковом пути из Китая в Европу множество ухабов // Независимая газета, 10–16 июля 2015 г.

³ См.: *Скосырев В.* РФ и КНР поделят ответственность за Центральную Азию // Независимая газета, 29 декабря 2015 г.

«Казахстан, являясь центром Евразии, будет играть роль экономического и культурного связывающего звена между тремя быстро растущими регионами — Китаем, Россией и мусульманским миром»¹. Теперь понятна особая заинтересованность Пекина в Казахстане, который, несмотря на членство в Евразийском экономическом союзе (далее — ЕАЭС), стремится не ограничивать связи с Китаем. При этом важно учитывать, что, как сказал посол Китая в Москве Ли Хуэй, «Китай и Россия — дружественные соседи стран Центральной Азии... Поэтому, развивая отношения с этими странами (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан — *авт.*), КНР и Россия не конкурируют, а наоборот, — сотрудничают»². Нельзя не упомянуть еще одно заявление Ли Хуэя. «Китай, — сказал он, — неуклонно идет по пути мирного развития. Развитие Китая не несет ущерба для других стран, а, наоборот, открывает широкие возможности для всеобщего развития»³.

Таков ответ скептикам позитивности сотрудничества Китая и России, в том числе и в отношении деятельности этих государств в Центральной Азии. Конечно, у каждого из них свои национальные интересы: они могут совпадать, различаться, пересекаться в своих параметрах, но целеполагание Москвы и Пекина в политике, включая Центральную Азию, состоит в сопряжении ЭПШП и ЕАЭС, куда, помимо России и Казахстана, из центральноазиатских государств входит еще Киргизия. Именно такой путь предлагает Россия по реализации задач и целей ЕАЭС и ЭПШП. Их сопряжение в процессе евразийской интеграции получило понимание и поддержку и в руководстве КНР. Высшие руководители обоих государств договорились об интеграции России в проект ЭПШП. Российский журналист М. Зотик, анализируя геополитические аспекты этих российско-китайских договоренностей, отмечает, что Россия, таким образом, «получает возможность глубже войти со своими интересами в регионы Центральной Азии, которые в силу ряда политических причин отделились от Москвы в постсоветское время»⁴.

Интерес к расширению и углублению сотрудничества с Поднебесной присущ не только России, но и самим центральноазиатским странам, которые в политико-территориальном и геоэкономическом отношении представляют собой очень важный пространственный комплекс для интеграционных процессов в Евразии. Будучи в начале сентября 2015 г. в Пекине на праздновании 70-летия победы китайского народа над японскими захватчиками и окончания Второй мировой войны, руководители этих государств возвращались по завершении торжеств воодушевленными подписанными контрактами и договорами на долгосрочные инвестиции Китая в различные отрасли их экономик и иные сферы жизнедеятельности⁵. Однако в перечне высших руководителей 30 стран, присутствовавших в те дни, не оказалось президента Туркменистана. Но он бывал в Пекине и до, и после этих торжеств. В конце 2015 г. президент Туркменистана активизировал свои действия по реализации проекта газопровода ТАПИ и Транскаспийского газопровода, надеясь при этом на помощь Китая и России.

Интерес Пекина к Центральной Азии, как считает видный российский китаевед А. Лукин, имеет «в основном не экономический, а стратегический характер, но не

¹ Стратегическая программа Развития «Казахстан-2030» // Официальный сайт TESTENT URL: <http://testent.ru/index/0-94>.

² Китай не претендует на гегемонию в БРИКС. Москва и Пекин противодействуют террору в Центральной Азии. Интервью с послом КНР в РФ Ли Хуэем // Независимая газета, 3 июля 2015 г.

³ Ли Хуэй. Россия и Китай: новое партнерство в меняющемся мире // Дыхание Китая. Российская газета / Международное радио Китая. 2015 г. июль, № 4. С. 6.

⁴ Москва — Пекин. Российско-китайское бизнес-ревю. 2015, № 2, июль. С. 65.

⁵ Симонян Ю. Напряженность в содружестве // Независимая газета-Дипкурьер, 7 сентября 2015 г.

в плане установления контроля, а в смысле устранения исходящих отсюда угроз нестабильности и терроризма. Большая часть этих вопросов имеет отношение к безопасности, а не к экономике» [4]. По-видимому, все-таки для Китая важность Центральной Азии велика как с геэкономической, так и геостратегической точек зрения, притом на равной основе.

Одна из основных причин такой важности этого региона для Китая состоит в том, что Центральная Азия — это важный канал поставок нефти и, особенно, газа в Поднебесную. Казахстан и Туркменистан обладают огромным потенциалом для бесперебойного и крупномасштабного энергоснабжения Китая. Тем самым обе эти страны играют роль диверсификатора поставок ценного энергосырья для Китая. Кроме того, ориентация на этих поставщиков позволяет Пекину удерживать баланс экономического развития собственных западного и восточного регионов. Конечно, нельзя не учитывать и значение Центральной Азии для реализации идей ЭПШП.

Именно через Центральную Азию, как записано в исключительно важном документе «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути в XXI веке», подготовленного и опубликованного 28 марта 2015 г. Государственным комитетом по развитию и реформе вместе с Министерством иностранных дел и Министерством коммерции КНР, пролегают основные маршруты экономического пояса из Китая в Россию и далее в Европу (до Балтийского моря), в Западную Азию до Персидского залива и Средиземного моря. В нем предусмотрено также использование уникальных географических преимуществ Синьцзяна как окна на Запад и углубление обмена и сотрудничества со странами Центральной Азии¹.

Особенно важно для Китая также быстро транспортировать грузы в Европу через Центральную Азию и Россию, но с 14 января 2016 г. они пойдут по транскаспийскому пути через Казахстан, Азербайджан и Грузию. Участвует в этом и Украина, куда будут поступать китайские товары.

Еще одна причина интереса к региону состоит в том, что задачей Китая остается ослабление антикитайских настроений в регионе. На сегодняшний день в центральноазиатских странах опасение «китайской угрозы» из-за стремительного роста мощи Китая еще широко распространено, потому что стереотипы восприятия Китая большинством населения региона далеко не ушли от того, что формировалось в 1960–1970-е годы, когда в Советском Союзе разворачивалась антикитайская кампания.

И четвертая причина — это требование национальной безопасности Китая в борьбе с «тремя силами зла»: терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Вследствие ухода США и их союзников из Афганистана возможно ухудшение ситуации с безопасностью на западной границе Китая, да к тому же возросли опасения в связи с обострением конфликтности в Сирии. Вот почему Пекин намерен углубить сотрудничество с центральноазиатскими странами в рамках ШОС как механизма достижения стабильности в регионе.

Хотя настаивает точка зрения доктора исторических наук А. А. Князева о том, что «ШОС в слишком малой степени функциональная организация, и эта функциональность все больше снижается, сводя все к роли переговорной площадки», что «на Западе одно время серьезно опасались ШОС как альтернативы западноцен-

¹ Госкомитет по делам развития и реформ, Министерство иностранных дел и Министерство коммерции КНР. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути в XXI веке. Издано с санкции Госсовета КНР. Март 2015 г. — Текст на русском языке препровожден одному из авторов статьи Генеральным консульством КНР в Санкт-Петербурге 16 апреля 2015 г. Документ 2015 № 028.

тричному мироустройству» и что «судя по всему, опасалась зря»¹. Вместе с тем этот известный российский эксперт по Центральной Азии и Ближнему Востоку убежден в том, что «ШОС — инструмент продвижения экономических интересов Китая на пространстве этой организации». Мы полагаем, кстати, что Шанхайская организация сотрудничества становится мощным фактором сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза.

Судя по всему, государства Центральной Азии предпочли китайский проект, не отказываясь при этом от сотрудничества с Россией. Однако нельзя не согласиться с мнением К. Е. Мещерякова, что «в 1991–2012 гг. внешняя политика России в Центральной Азии была недостаточно эффективной и изобиловала различными проблемами» [5, с. 8]. Такая ситуация была и в последующие годы. А отсюда ясно, что китайское присутствие в Центральной Азии усилилось. Но здесь не должно быть выводов алармистского характера, который присущ статье Г. Зотова «В желудке у дракона»². После этого весьма удручающего названия следует вводное предложение (врезка), характеризующее действия Китая в Средней Азии как циничные, но являющиеся в то же время хорошим примером для России, «как выстраивать отношения с соседями, не раздавать деньги в обмен на обещания дружбы, а извлекать выгоду из экономик сопредельных государств»³.

Приводя факты экономического присутствия Китая в Центральной Азии (например, выделение в 2012 г. среднеазиатским государствам кредитов на 2 млрд долл.), автор приводит также сведения о территориальных претензиях Пекина к ним. Как бы там ни было, необходимо иметь в виду признаваемый и Москвой политический постулат: «У мировой державы должно быть зримое и осязаемое присутствие в мире». Оно ведь обеспечивается не только классическими методами, но и мягкой силой, компонентами которой являются, например, инвестиции и распространение языка (китайского, русского, английского, турецкого и др.).

Не случайно из Москвы и Пекина раздаются призывы об усилении образовательного и культурного присутствия в мире и о необходимости на порядок увеличить его в странах, где часть населения знает китайский или русский язык. Речь идет даже о гуманитарной экспансии. Наряду с экономическими проектами в сопряжении ЕАЭС и ЭПШП важное место занимает культурная составляющая в самом широком смысле этого слова. Известным подтверждением этого курса стал Восточный экономический форум в сентябре 2015 г. во Владивостоке. Там особо подчеркивалась необходимость масштабного использования российских возможностей как транспортного коридора Азия-Европа. Однако вряд ли справедлив вывод, к которому пришел А. Погосян, анализируя экономические итоги этого форума, заявив, что поворот России на Восток, являющийся уже свершившимся фактом, «обеспечивать...будут в первую очередь регионы ДФО» (Дальневосточного федерального округа)⁴. Думается, что не следует исключать из числа первоочередных проектов евразийской интеграции российские территории, примыкающие к Центральной Азии, тесно связанные с осуществлением проекта ЭПШП.

Очень интересна точка зрения главного управляющего директора «МакКинси энд Кампани» (McKinsey & company) Доминика Бартана на региональное измерение развития поворота России на Восток: «Начавшийся сейчас поворот России к Азии, крепнущие связи с Китаем — это естественное направление развития. И тот же «Экономический пояс Шелкового пути» китайский мегапроект, который мне лично очень импонирует, дает России новые возможности. Ваша страна находится на

¹ Князев А. Стоит ли Западу опасаться ШОС // Независимая газета, 13 июля 2015 г.

² Зотов Г. В желудке у дракона // Аргументы и факты, 2015, № 35.

³ Там же.

⁴ Погосян А. Инвесторы из АТР оценили предложения России // Известия, 8 сентября 2015 г.

перепутье между динамичной Азией и европейским рынком, который я бы не списывал со счетов. Географическое положение и физическая связь с рынками — важный драйвер роста»¹.

Самый крупный проект, предложенный Китаем России в рамках ЭПШП, связан с Центральной Азией, точнее с Казахстаном: Китай предлагает России построить высокоскоростную железную дорогу Пекин — Астана — Казань — Москва (не исключено, что этот путь пройдет и до Лондона). В российской столице согласились пока на финансирование Пекином сооружения лишь части этой магистрали (Москва — Казань). В Поднебесной, понимая политические и экономические проблемы, вставшие перед Кремлем к середине второго десятилетия в XXI в., пошли на соответствующие договоренности с Москвой. Конечно, следует учитывать и трудности, которые переживает сам Китай в настоящее время: здесь и заметное сокращение экспорта и импорта, снижение темпов промышленного роста, девальвация юаня. Да, и экономическая рецессия в России, обусловленная отчасти резкой девальвацией рубля, настораживает китайских бизнесменов.

Вице-премьер-министр России и одновременно полпред президента в Дальневосточном округе Ю. Трутнев, рассказывая об итогах Восточного Экономического форума, отметил особую черту китайских бизнесменов: «Больше думают»². И тем не менее немало уже с ними в России сделано и еще предстоит больше сделать: предполагается, что китайские инвестиции в Россию в ближайшие пять лет достигнут 10 млрд долл., успешно развивается Российско-китайский инвестиционный фонд, Ассоциация российских банков тесно взаимодействует с финансовыми организациями КНР и др. Россия уже сейчас заняла шестое место среди стран, куда инвестирует Китай. Преодоление трудностей в бизнес-отношениях, разумеется, потребует времени, но достигнутые сейчас договоренности, в том числе и в ходе визита президента России В. В. Путина в Поднебесную в начале сентября 2015 г., — залог будущего рывка обеих стран по всему фронту стратегического партнерства, сложившегося между ними, на что особо указывал премьер Госсовета КНР Ли Кэцян на встрече в сентябре 2015 г. с российскими гостями³.

Перспективно высказывание президента России В. В. Путина в беседе с Председателем КНР Си Цзиньпином 3 сентября 2015 г. о том, что обе страны совместно победят «все турбулентности, которые происходят в мире и в наших экономиках». «Мы, — сказал В. В. Путин, — к этому готовы»⁴. В результате двусторонних переговоров разного уровня были подписаны крупные сделки по взаимодействию в различных областях, общий инвестиционный капитал которых составил почти 30 млрд долл. Однако надо признать, что преимущественно они касаются нефте- и газопоставок России в Китай. Значительным шагом по изменению структуры российско-китайского бизнеса является соглашение о сотрудничестве между РФПИ, Внешэкономбанком России и Китайским фондом Шелкового пути в области инвестиций в приоритетные секторы экономики России и Китая. Велико значение официального документа о сопряжении инициатив ЕАЭС и ЭПШП, который представляет собой юридические межгосударственные основы совместной деятельности по согласованию шагов в сфере евразийской интеграции.

¹ *Габуев А.* «Россия находится на перепутье между динамичной Азией и европейскими рынками» // *Коммерсантъ*, 4 сентября 2015 г.

² *Едовина Т.* «Японцы быстрее двигаются, а китайцы больше думают» // *Коммерсантъ*, 23 сентября 2015 г.

³ *Ненашева И.* «Отношения России и Китая интенсивно развиваются» // *Известия*, 3 сентября 2015 г.

⁴ *Латухина К.* Восточная точка // *Российская газета*, 4 сентября 2015 г.; *Скосырев В.* Россия и Китай победят турбулентность в экономике вместе // *Независимая газета*, 4–5 сентября 2015 г.

Но вот позиция других членов ЕАЭС в отношении этого документа не ясна, хотя Россия все время подчеркивает, что стратегические договоренности по сопряжению касаются всех членов ЕАЭС. Об этом, а также о других проблемах ЕАЭС и сопряжения с ним китайской инициативы ЭПШП обстоятельно говорили на II международной конференции «Евразийский вызов», состоявшейся 3–4 декабря 2015 г. и проводившейся Северо-Западным институтом управления — филиалом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ¹.

Любопытно мнение писателя А. Проханова, который, объясняя шелкопутейные политические и экономические направления внешней деятельности Пекина, особо рассматривает среднеазиатские ориентиры Китая и России, попутно допуская возможность осложнения китайско-американских отношений. Во избежание обвинений в Центральной Азии и других регионах и одновременно в целях создания мощных факторов своего присутствия в зарубежье Китай предпочитает вкладывать средства в инфраструктурные проекты. Этому служит образованный Пекином уже упоминавшийся выше Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. Китай строит дороги, обеспечивающие ему доступ к источникам сырья. «Одна из них, — пишет он, — через горные перевалы Индии, Средней Азии двигается в сторону Ирана, а через Иран — в Турцию и дальше в Европу. Другие — через Среднюю Азию в сторону русских нефтяных полей Тюмени на русский Дальний Восток и на Транссибирскую дорогу, туда, где таятся несметные богатства русского Дальнего Востока и Сибири»².

Он не исключает также выход Китая к Уралу. В поле его внимания и договоренности России и Китая о возможной совместной защите Средней Азии от «Исламского государства» (ИГ, организация запрещена в России). Позиции России здесь предпочтительнее, ибо на Центральную Азию распространяются принципы и цели Организации договора о коллективной безопасности, членами которой являются, помимо России, Казахстан, Таджикистан и Кыргызстан. Ракетный обстрел объектов ИГ на сирийской территории, предпринятый в октябре 2015 г. с кораблей российского ВМФ на Каспийском море, — подтверждение активного участия России в борьбе против терроризма, угрожающего безопасности в том числе Центральной Азии и Китая.

Отметим, что в самих среднеазиатских странах не все спокойно. Ярким свидетельством этого являются сентябрьские экстремистские выступления (2015 г.) в Таджикистане³. Да и в китайских районах, прилегающих к Центральной Азии, особенно к Казахстану, обстановка оставляет желать лучшего. Учитывая стратегическое всестороннее партнерство Китая и Казахстана, роль первого для развития второго и геополитическое и геоэкономическое значение второго для первого, вполне понятно, почему Астана практически устранила из своей практики уйгурский фактор, сосредоточив все внимание на гармонизации отношений казахи-уйгуры и отказавшись от его использования, даже с точки зрения гуманитарной экспансии, в сотрудничестве с Китаем. Пекин, в свою очередь, выделил Астане 15 млрд долл. на строительство дорог.

Рассматривая характер взаимоотношений Китая и Казахстана, а также России с этой центральноазиатской страной, стоит признать, что сложились две весьма влиятельные геостратегические оси Пекин-Астана и Москва-Астана. Они обе играют внушительную стратегическую роль в синхронизации ЕАЭС и ЭПШП и, конечно, в уровне присутствия Китая и России в Центральной Азии. Не будет преувеличением утверждать, что Казахстан стал своеобразным мостом сопряжения ЭПШП и ЕАЭС.

¹ См.: [3; 6].

² Проханов А. Встреча на «Шелковом пути» // Известия, 25 августа 2015 г.

³ См.: Князев А. Таджикистан идет к новой гражданской войне // Независимая газета — Дипкьюрер, 21 сентября 2015 г.

Этому содействует как одна из главных стержневых ролей Казахстана в ЕАЭС, так и его уравнивающее значение в ШОС и Организации Договора о коллективной безопасности. Вместе с тем стоит упомянуть здесь и мирополитические шаги Астаны по созданию Азиатской ассоциации по аналогу ОБСЕ, ее инициативы по проведению межмусульманских форумов, крупнейших фестивалей культуры и пр.

Казахстан умело ведет свою миссию межстранового, точнее, межроссийско-китайского, ключевого посредника и умиротворителя. То же самое можно сказать и о его умении договариваться с Западом и растущими экономиками Турции, Бразилии, Республики Корея и др. Астана сумела, например, чуть ли ни сразу, как только Си Цзиньпин заявил в казахстанской столице о планах создания ЭПШП, предложить Пекину совместить эту его инициативу с собственной программой «Нурлы жол» («светлый путь»). Во время своего пребывания в Пекине в сентябре 2015 г. президент Казахстана Нурсултан Назарбаев провел плодотворные переговоры не только с высшим политическим руководителем Китая, но и со многими ведущими бизнесменами Поднебесной.

Важное значение имеет, например, договоренность о вхождении крупнейшей энергетической компании Китая CNPC в Совет иностранных инвесторов при президенте Казахстана и о готовности фонда Шелкового пути рассмотреть вопрос о финансировании промышленных проектов Казахстана на 2–3 млрд долл. Оценивая китайско-казахстанское сотрудничество в настоящее время, характеризующееся увеличением инвестиций из Поднебесной в рамках ЭПШП и диверсификацией внешнеторговой транспортной инфраструктуры, включая направления на Европу, Иран, Ближний Восток, директор Аналитического центра МГИМО (У) А. Казанцев полагает, что «у Казахстана есть перспектива стать серьезной транспортной развилкой для Китая»¹.

Следуя линии балансирования между Китаем и Россией, Астана договорилась о создании международного финансового центра с дубайскими партнерами высокого ранга. Заработав, этот центр, по мнению директора международных программ института национальной стратегии Ю. Солозובה, превратится в мощный фактор финансирования всего евразийского партнерства, включая Россию². Этот центр, размещающийся в архитектурно искусно выстроенном шарообразном здании в Астане, где будет проходить следующая всемирная ЭКСПО, является своеобразным фактом привлекательности Казахстана на ЭКСПО-2015 в Милане. Казахстанский павильон стал по посещаемости третьим посла США и Италии на этой выставке, опередив Россию, занявшую четвертое место. Беспокойства в Москве по этому поводу нет никакого.

Однако нарождающаяся новая мировая статусность Казахстана, подкрепляемая, в частности, проходившим в октябре 2015 г. в Астане международным форумом «Евразийская экономическая перспектива», мотивировала проведение нескольких российско-казахстанских многосторонних и двусторонних встреч на высшем уровне. Одна из них состоялась в Сочи на российско-казахстанском форуме, где была возвращена масштабная выставка межрегионального сотрудничества России и Казахстана. Корреспондент «Коммерсанта» А. Колесников, входящий в кремлевский пул журналистов, исходя из слов Н. Назарбаева, написал, что, «очевидно, форум этот должен был и правда продемонстрировать, например, что с Евразийским союзом все нормально и что просел он, едва успев привстать, просто так»³. Далее автор приводит факты, вызвавшие недовольство Н. Назарбаева: Казахстан мог бы экспортировать

¹ Панфилов В. Казахстан может стать транспортной развилкой для Китая // Независимая газета, 1 сентября 2015 г.

² Там же.

³ Колесников А. Битва за мясо под солнцем // Коммерсантъ, 17 сентября 2015 г.

мясо в Россию, а та закупает его в Аргентине, Бразилии, Уругвае; Казахстан может поставлять плодоовощную продукцию в Россию, вместо Турции и Польши, Россия импортирует клубнику из Израиля, а не из Казахстана и т. д. и т. п. Но Н. Назарбаев, перечислив все эти экспортно-импортные проблемы в рамках ЕАЭС, все же отметил, что «мы должны готовиться к рывку» после кризиса.

Критике, которой подверг экспортно-импортные неурядицы в ЕАЭС Н. Назарбаев, дал отпор президент Белоруссии А. Лукашенко на Втором форуме регионов России и Белоруссии, состоявшемся 18 сентября 2015 г. в Сочи. Но и он вынужден был признать, что «к сожалению, у нас не все получается в Евразийском союзе»¹. Словом, ЕАЭС, как и Китай, испытывают трудности в своем развитии и сотрудничестве, многие из них порождены внешним фактором, прежде всего Западом. Н. Назарбаев, заявив об этом, тем не менее не раскрыл полностью, что он имеет в виду². Однако, на наш взгляд, резкое выступление Н. Назарбаева было связано с его негодованием по поводу весьма нелицеприятного выступления вице-спикера Госдумы РФ лидера ЛДПР В. В. Жириновского в адрес Казахстана, унизившего, как считается в Астане, национальное достоинство этого центральноазиатского государства и попытавшегося угрожать его независимости³.

Зав. отделом европейских политических исследований ИМЭМО РАН д-р полит. наук Н. К. Арбатова в своей очень содержательной статье обстоятельно изложила причины неоимперской риторики в российской политической элите и в простонародье, которая пугает соседей России, независимо от того, насколько она сопряжена с реальной политикой ее руководства: «И в Казахстане после Крыма, по мнению экспертного сообщества, изменилось восприятие России из-за опасения относительно ее возможных притязаний на северные области»⁴. И в Белоруссии забеспокоились по поводу Полесья.

Из Москвы последовали разъяснения, призванные успокоить своих соседей. Но неприятный осадок от необдуманных заявлений кое-кого из российских политиков у них остался. Тем более что в Астане озабочены проблемой равноправия в ЕАЭС, там особо подчеркивают экономико-интеграционный характер этого объединения и свое отрицательное отношение к созданию наднациональных политических органов. В поле таких подходов находится и отказ Казахстана присоединиться к российскому эмбарго на ее продукцию в ответ на западные санкции в отношении Москвы. Кстати, Китай, не последовав такому шагу России, к тому же расширил свои связи с ЕС, США, Норвегией, Канадой, Австралией, Исландией и другими странами, вставшими на путь введения санкций против России. Образовавшуюся, таким образом, брешь в мировой торговле незамедлительно заполняли в том числе и центральноазиатские страны и Китай.

Словом, политические сложности во взаимоотношениях в ЕАЭС служат предпосылкой трудностей сопряжения его проектов с ЭПШП. Они — не что иное, как реальность противоречивости становления глобальной институционализации, в том числе и на пространстве взаимодействия ЭПШП и ЕАЭС.

Продолжение в следующем номере.

Литература

1. Бочаров М. Яркий пример стратегического партнерства на постсоветском пространстве // Консул. 2015. № 3–4 (41).

¹ Колесников А. Воинствующий молочник // Коммерсантъ, 19 сентября 2015 г.

² Колесников А. Битва за мясо под солнцем // Коммерсантъ, 17 сентября 2015 г.

³ Строкань С. Нурсултан Назарбаев вступился за независимость // Коммерсантъ, 1 сентября 2015 г.

⁴ Арбатова Н. Новая региональная реальность // Независимая газета, 16 сентября 2015 г.

2. Зеленева И. В. Геополитика и геостратегия России (XVIII — первая половина XIX века). СПб. : изд-во СПбГУ, 2005.
3. Косов Ю. В., Фролов В. Е. О перспективах расширения Евразийского экономического союза // Управленческое консультирование. 2015. № 11. С. 59–65.
4. Лукин А. Идея «экономического пояса Шелкового пути» и евразийская интеграция // Международная жизнь. 2014. № 7. С. 84–98
5. Мещеряков К. Е. Эволюция внешней политики Российской Федерации в Центральной Азии в 1991–2012 гг.: Автореф. ... д-ра ист. наук. СПб., 2014.
6. Шамахов В. А. Многовекторность процесса евразийской интеграции // Управленческое консультирование. 2015. № 11. С. 8–14.
7. Шмелев Н. П. Россия в дихотомии Востока-Запада через 50 лет // Триединство: Россия перед близким Востоком и недалеким Западом. Научно-литературный альманах / председатель ред. совета В. В. Наумкин. М. : Грифон, 2012.

References

1. Bocharov M. A. *Striking example of strategic partnership in the former Soviet Union* [Yarkii primer strategicheskogo partnerstva na postsovetskom prostranstve]. Consul [Konsul], 2015, N 3–4 (41), P. 12.
2. Zeleneva I. V. *Geopolitics and geostrategy of Russia (XVIII – the first half of the 19th century)* [Geopolitika i geostrategiya Rossii (XVIII — pervaya polovina XIX veka)]. SPb.: publishing house of St. Petersburg State University [izd-vo SPbGU], 2005.
3. Kosov Yu. V., Frolov V. E. *On Prospects of Expansion of the Eurasian Economic Union* [O perspektivakh rasshireniya Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015. No. 11, P. 59–65.
4. Lukin A. *Idea of “Economic Belt of the Silk Way” and Eurasian integration* [Ideya «ekonomicheskogo poyasa Shelkovogo puti» i evraziiskaya integratsiya] // International life [Mezhdunarodnaya zhizn']. 2014. N 7. P. 84–98
5. Meshcheryakov K. E. *Evolution of foreign policy of the Russian Federation in Central Asia in 1991-2012* [Evolutsiya vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii v Tsentral'noi Azii v 1991–2012 gg.]. Dissertation abstract. SPb., 2014.
6. Shamakhov V. A. *Multivector Nature of the Eurasian Integration Process* [Mnogovektornost' protsessa evraziiskoi integratsii] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015. N 11, P. 8–14.
7. Shmelyov N. P. *Russia in the East-West dichotomy in 50 years* [Rossiya v dikhotomii Vostoka-Zapada cherez 50 let] // Trinity: Russia before the close East and the near West. Scientific and literary almanac [Triedinstvo: Rossiya pered blizkim Vostokom i nedalekim Zapadom. Nauchno-literaturnyi al'manak] / Chairman of editorial council V. V. Naumkin. Issue 1st, enlarged. M.: Griffon, 2012.

Шамахов В. А., Андреев С. Ю., Разуваев Н. В.

Антикризисная система управления как механизм объединения интересов бизнеса, власти и населения

(на примере строительства многоярусных паркингов в Санкт-Петербурге на участках, занятых плоскостными гаражами)

Шамахов Владимир Александрович

Директор Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доктор экономических наук
Действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса
director@sziu.ru

Андреев Сергей Юрьевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Директор Центра регионального развития
Доктор экономических наук
Действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса
andreev-sy@sziu.ranepa.ru

Разуваев Николай Викторович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры гражданского и трудового права
Кандидат юридических наук, доцент
kgtp@szags.ru

РЕФЕРАТ

В работе рассмотрены социально-экономические и правовые аспекты антикризисной системы (АС) применительно к реализации строительства многоярусных паркингов на месте коллективных гаражных автостоянок — инновационного проекта, подготовленного Центром регионального развития Северо-Западного института управления РАНХиГС.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

антикризисная система, инвестиции, право собственности, гаражи, многоуровневые парковки

Shamakhov V. A., Andreev S. Yu., Razuvaev N. V.

Anti-recessionary Control System as the Mechanism of Association of Interests of Business, Power and the Population (on the Example of Construction of Multilevel Parkings in St. Petersburg on the Sites Occupied with Plane Garages)

Shamakhov Vladimir Alexandrovich

Director of North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Doctor of Science (Economy)
State Councilor of the Russian Federation of the 1st class
director@sziu.ru

Andreev Sergey Yurievich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Director of the Center of Regional Development
Doctor of Science (Economy)
State Councilor of the Russian Federation of the 1st class
andreev-sy@sziu.ranepa.ru

Razuvaev Nicolay Victorovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of Civil and Labor Law
PhD in jurisprudence, Associate Professor
kgtp@szags.ru

ABSTRACT

In the work social, economic and legal aspects of the anti-recessionary system (ARS) in relation to realization of construction of multilevel parkings on a place of collective garage parkings — the innovative project prepared by the Center of Regional Development of North-West Institute of Management of the RANEPА are considered.

KEYWORDS

anticrisis system, investment, the right of property, garages, multilevel parking

---

Антикризисная система (АС): общая характеристика

В условиях финансового кризиса, приведшего к замедлению темпов роста российской экономики, необходим переход к инновационным методам управления в хозяйственной практике. Предлагаемая антикризисная система управления [1] дает возможность быстрого перехода регионов к аккумулярованию средств на важнейших направлениях развития и наглядного преобразования социальных условий на территории, где, благодаря АС, осуществляется экономический рост.

АС является совокупностью механизмов, способов и стимулов, с помощью которых становятся возможными максимально эффективный учет и реализация интересов как частных физических и юридических лиц, так и публично-властных структур, прежде всего субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. АС предполагает использование человеческого капитала в качестве основного ресурса для хозяйственного и социального развития региона. При этом, что представляется особенно важным подчеркнуть, в основе данной системы лежит принцип взаимной ответственности государства и личности друг перед другом [2, с. 18], как известно, являющийся важнейшим принципом деятельности правового государства¹.

Путь выхода из непростой социально-экономической ситуации, тормозящей поступательное движение страны, видится нам в консолидации сил всех членов гражданского общества и в обоюдном согласовании интересов, с одной стороны, частных лиц (граждан и организаций) и, с другой стороны, государства и муниципальных образований. Очевидно, что главным приоритетом здесь является развитие гражданского общества, где свобода и процветание каждого из его членов выступает естественным условием и залогом всеобщего процветания [3, с. 136–138]. Не случайно в последние годы был реализован целый ряд моделей, призванных активизировать взаимодействие бизнеса, граждан и публичной власти в преодолении кризисных явлений. Тем не менее, данные проекты оказались неэффективными ввиду того, что их реализация потребовала значительных расходов государственного и муниципальных бюджетов, причем эти расходы не всегда способствовали получению осязаемых экономических результатов.

В подобных условиях встает вопрос о разработке такой антикризисной системы управления, которая бы, с одной стороны, приносила выгоду всем ее субъектам и, с другой стороны, была основана на самокупаемости, требуя минимальных

---

¹ Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12.12.1993. С изменениями, внесенными Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

бюджетных затрат и основываясь на привлечении частных собственников в качестве инвесторов **для реализации** проектов. Решение указанной задачи взял на себя Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (далее — СЗИУ), являющийся крупным научным центром Северо-Западного региона.

Среди исследовательских программ СЗИУ важное место занимает разработка АС, главным элементом которой является создание структур, в состав учредителей которых входят: а) коммерческие организации, зарегистрированные на территории субъекта Российской Федерации; б) некоммерческие организации в лице потребительских кооперативов, учредителями и участниками которых выступают жители соответствующей территории; в) государственные либо муниципальные бюджетные учреждения, за которыми на праве хозяйственного ведения, оперативного управления, а также постоянного бессрочного пользования закреплено имущество, находящееся в государственной либо муниципальной собственности. Подобный подход позволяет власти, жителям и бизнесу, выступающими субъектами АС, сообща решать вопросы социально-экономического развития региона, взаимодействуя в рамках единого хозяйствующего субъекта.

Инновационные предложения, выдвинутые СЗИУ, обобщили позитивный опыт антикризисного управления, реализуемого целым рядом субъектов Российской Федерации. Как известно, в настоящее время в России созданы структуры — государственные бюджетные учреждения (ГБУ), позволяющие за счет своей коммерческой деятельности зарабатывать финансовые средства, в дальнейшем используемые на социально значимые цели в качестве внебюджетных доходов. Такие ГБУ могут осуществлять функцию представителя государства в хозяйственных обществах. Уставные полномочия ГБУ могут включать весь спектр возможной деятельности, от производства (например, агропромышленного), до торговли, транспортных услуг, внедрения научно-технических инноваций и т. п.

Применение АС приводит к тому, что доходы субъекта РФ или муниципального образования пополняются в зависимости от роста бизнеса на его территории не только косвенно, через налоги, но и напрямую, за счет долевого участия в распределении прибыли от совместной деятельности субъектов АС (эта доля аккумулируется на счету бюджетного учреждения в качестве внебюджетных доходов)¹. Регион в целом становится заказчиком передовых технологий, позволяющих увеличить валовой региональный продукт. По сути, бюджет субъекта РФ или муниципального образования начинает выступать в роли соинвестора территориальных мега-проектов развития, что резко повышает шансы такие проекты реализовать (в том числе, привлекая средства федеральных трансфертов, предназначенные для поддержки региональных программ).

В каждом регионе АС реализуется в конкретном аспекте для решения народно-хозяйственных и социальных вопросов. В Дагестане (Акушинский район) за 10 лет работы с применением элементов АС (кооператив жителей территории плюс бизнес) объем валовой товарной продукции увеличился в 15 раз, будучи обеспечен ростом производительности труда в 64 раза. При этом совокупный принцип «все работают на всех» снял существовавшие до этого на территории муниципального образования кровопролитные этнические противоречия. В Белгородской области, за десять лет применения элементов АС (объединение интересов бизнеса, населения и государства), была создана основа для развития «реального сектора», обеспечивавшего к 2015 г. в России поставку на прилавки каждого десятого килограмма мяса птицы, свинины и крупного рогатого скота. При этом объем средств,

¹ Свидетельство Андреева С. Ю., выданное Федеральной службой по интеллектуальной собственности (Роспатент) о регистрации системы АС (№ 2013620836).

инвестированных в основной капитал белгородского агропромышленного комплекса по данной схеме, приблизился к 200 млрд руб. Государственная финансовая поддержка составляла лишь незначительную долю в общем объеме такого финансирования, в основном это были частные средства.

Поскольку АС носит универсальный характер, в Санкт-Петербурге с ее помощью представляется возможным решить проблему строительства многоярусных паркингов на участках, арендованных владельцами плоскостных гаражей.

Строительство с использованием АС многофункциональных паркингов на участках, занятых плоскостными гаражами, в соответствии с интересами инвестора, владельцев гаражей и городской власти Санкт-Петербурга

В Санкт-Петербурге насчитывается более 400 коллективных автостоянок (КАС), застроенных плоскостными гаражами. Площадь земельных участков, на которых расположены КАС, составляет около 900 га, преимущественно принадлежащей Санкт-Петербургу. Во дворах и на магистралях паркуется все больше машин, препятствующих как городскому движению, так и проезду специального транспорта (пожарному, аварийному, «Скорой помощи», полиции). Кроме прочего, машины под окнами домов создают загазованность бензиновыми выхлопами в квартирах, нарушая права жителей на экологически благоприятную среду. Попытки предоставления инвесторам участков земли, занимаемых КАС, приводят к социальным конфликтам с владельцами плоскостных гаражей. Для инвесторов это оборачивается затягиванием сроков использования участков и срывом проектов, для администрации Санкт-Петербурга — невозможностью эффективного использования земли и транспортным коллапсом.

Права владельцев плоскостных гаражей, городской администрации и потенциальных инвесторов, готовых работать на участках земли, находящейся под автостоянками, регулируются законом Санкт-Петербурга «О мерах по обеспечению имущественных прав граждан, являющихся владельцами гаражей на территории Санкт-Петербурга» от 28.09.2011 № 585-115 (с изменениями на 14 февраля 2013 года) и методикой, содержащейся в Положении, утвержденном постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 29.05.2013 № 362 «О порядке предоставления компенсаций гражданам — владельцам гаражей».

На практике не урегулированными остаются вопросы, которые являются наиболее значимыми для всех участников: в какие сроки и в какой последовательности осуществляется передача гаражей инвестору, в том числе в случае, когда вопрос с выплатой компенсации затягивается (у города может не хватать средств на выплату такой компенсации в бюджете соответствующего года; владельцы гаражей не собрали необходимую документацию, и процесс задерживается не по вине владельцев, но имущественные права сохраняются на их стороне и т. д.). Между тем, именно затягивание решения вопроса о выплате компенсации и получении согласия владельцев гаражей передать свои объекты инвестору (городу) служат одной из основных причин, по которым не осуществляется эффективное, с экономической точки зрения, использование территорий КАС. Очевидно, что принудительное изъятие объектов у собственников по основаниям, предусмотренным ст. 239 ГК РФ¹ (с выплатой последним денежной компенсации, предусмотренной законодательством Санкт-Петербурга и явно недостаточной для покупки нового машино-места в пар-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. В ред. Федерального закона от 13.07.2015 № 268-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. 2015. № 29. Ч. 1. Ст. 4394.

кинге) не решает проблему уменьшения транспортной нагрузки на городские дороги, остро стоящую в настоящее время. Более того, данная проблема еще более усугубляется, а ситуация в целом остается неурегулированной.

Центром регионального развития СЗИУ (далее — Центр) был предложен и представлен губернатору Санкт-Петербурга механизм, обобщенный в программе «100 паркингов вместо 100 плоскостных гаражных стоянок». Суть предложения сводилась к тому, чтобы на каждом участке, принадлежащем городу и занятому плоскостными гаражами, создать из состава владельцев гаражей потребительский кооператив. Такой кооператив становится соучредителем коммерческой организации, создаваемой в форме хозяйственного общества, а именно общества с ограниченной ответственностью. Другими соучредителями данного хозяйственного общества выступают специализированное государственное бюджетное учреждение (например, ГБУ «Управление инвестиций», в чей устав вносятся соответствующие изменения) и инвестор, за счет средств которого осуществляется строительство паркинга и коммерческих помещений к нему. Вновь создаваемая коммерческая организация осуществляет строительство, а затем эксплуатацию паркинга и хозяйственных помещений при нем, а также продажу машино-мест в паркинге владельцам гаражей (как находящимся на территории участка, так и сторонним покупателям).

Такая деятельность приносит доход инвестору, ГБУ, потребительскому кооперативу, то есть, в конечном счете, всем его участникам. Инвестор, построив и введя в эксплуатацию паркинг, покрывает понесенные им затраты и в дальнейшем получает свою долю дохода от эксплуатации и аренды помещений; ГБУ накапливает на своем счете внереализационные доходы от долевого участия в коммерческой структуре, осуществляющей эксплуатацию паркинга; владельцы гаражей как члены кооператива получают средства на свой пай, с помощью которых с течением лет, путем компенсации, фактически приобретают машино-место в паркинге за символическую цену. Такая модель может тиражироваться на каждой имеющейся автостоянке с плоскостными гаражами.

Инвестиционный проект «100 паркингов вместо 100 плоскостных гаражных стоянок» (далее — Проект) призван способствовать решению социально значимой проблемы нехватки мест для стоянок автомобилей. Решение указанной проблемы должно повысить уровень экологической безопасности граждан, проживающих на территориях, непосредственно соседствующих с земельными участками, занимаемыми автомобильными стоянками. Это, в свою очередь, обеспечивает реализацию конституционного права на благоприятную окружающую среду, закрепленную в ст. 42 Конституции Российской Федерации. Таким образом, развитие системы многоуровневых парковок не только с социально-экономической и градостроительной, но и с юридической точки зрения принадлежит к числу приоритетных направлений развития инфраструктуры Санкт-Петербурга. Кроме того, реализация указанного Проекта прямо соответствует интересам собственников транспортных средств, поскольку предоставляет эффективную защиту принадлежащего им имущества, содействуя тем самым осуществлению принципа неприкосновенности частной собственности, гарантированного п. 2 ст. 8 Конституции РФ и п. 1 ст. 1 ГК РФ. Необходимо отметить, что реализация Проекта не просто является социально значимым мероприятием, но и обладает высокой экономической эффективностью. Данный Проект имеет все шансы привлечь к себе внимание инвесторов, принеся существенные материальные выгоды как жителям нашего города, так и Санкт-Петербургу.

Для подготовки к практической реализации Проекта на базе Комитета по инвестициям администрации Санкт-Петербурга была создана рабочая группа, участниками которой стали представители Центра регионального развития СЗИУ, комитетов Администрации: по развитию транспортной инфраструктуры, градостроительству и архитектуре, имущественных отношений, а также строители, проектировщики,

представители Всероссийского общества автолюбителей и другие специалисты. Со стороны Центра был проведен анализ 350 участков, застроенных плоскостными гаражами, отобраны для анализа 28 из них и произведен расчет для одного конкретного участка площадью 1,2 га. Проведенные Центром расчеты показали, что в случае возведения здесь 6-этажного паркинга с коммерческими помещениями, и обустройством на территории строительства временной площадки для хранения владельцами гаражей своего автотранспорта, окупаемость объекта составит 6 лет.

Сравнение традиционной схемы (с конкурсами, без создания кооператива из числа владельцев гаражей) и АС (создается кооператив из числа владельцев гаражей; ГБУ и кооператив являются дольщиками при распределении дохода) показало, что в соответствии с традиционной схемой, городской бюджет получит 20 млн руб. (по итогам проведения конкурса). При этом две трети машино-мест в паркинге, по общей практике, будут стоять пустыми, поскольку ежемесячная плата по 6,5 тыс. руб. (с учетом компенсаций за снесенный гараж) может оказаться чрезмерной. Из 600 владельцев гаражей более 400 человек в условиях социального конфликта покинут территорию будущего паркинга и поставят машины на улице и во дворах. Город не решит проблему размещения автотранспорта, высвобождаемого с участка, занятого плоскостными гаражами. Инвестор за шесть лет теоретически может окупить понесенные расходы. Существует, однако, риск, что в условиях незаполненного паркинга профильные службы (шиномонтаж, мойка и др.) не выйдут в режим самоокупаемости и, соответственно, большие площади окажутся не арендованными. Рассматривая варианты вложения средств, с точки зрения доходности и риска, подобрать инвестора на подобный проект представляется малореальным. Практика несостоявшихся торгов за последние годы показывает бесперспективность традиционного подхода.

В то же время, в соответствии с АС, город получит 60 млн руб. внебюджетных средств на расчетный счет ГБУ, в качестве дохода от доли ГБУ в уставном капитале хозяйственного общества, за шесть лет эксплуатации объекта. Город впоследствии станет ежегодно получать 7 млн руб. (по той же схеме). Это означает постоянный источник дохода в виде внебюджетных средств, которые можно инвестировать в другие или схожие программы. Все машино-места в паркинге окажутся заполненными, поскольку ежемесячная плата, с учетом компенсаций за снесенный гараж, составит 5,1 тыс. руб., но впоследствии стоимость машино-места будет частично компенсирована владельцу за счет доходов кооператива от его участия в уставном капитале хозяйственного общества.

Тем самым, город решает проблему цивилизованного размещения автотранспорта, высвобождаемого на участке, занятом плоскостными гаражами. Инвестор за шесть лет окупает понесенные расходы, дополнительно получив 70 млн руб. Такие условия размещения капитала по высокой ставке являются целесообразными. Инвестор имеет долю в проекте 70%, что приносит ему, после возврата средств, ежегодный доход 50 млн руб. Рассматривая варианты вложения средств с точки зрения окупаемости (6 лет), постоянной доходности и отсутствия риска, подобрать инвестора на подобный проект представляется вполне возможным. Таким образом, экономическая эффективность предлагаемой АС является очевидной.

Правовые аспекты реализации проекта «100 паркингов»

Особое значение при реализации Проекта имеет юридический механизм его обеспечения. При этом главными условиями являлись следующие:

1. Застройщиком участка выступает ООО «Народный паркинг», в состав учредителей которого входят: ГБУ «Управление инвестиций»; кооператив, пайщиками

которого являются владельцы плоскостных гаражей, расположенных на участке; инвестор.

2. Условием вхождения инвестора в ООО «Народный паркинг» и дальнейшее внесение им средств в реализацию проекта является отсутствие любых конкурсных процедур при предоставлении участка. Возникающие на торгах риски (в связи с возможным появлением «конкурента», целью которого является завязать цену на участок или сорвать процедуру в целом) делают заведомо неприемлемым привлечение инвестора в качестве партнера.

Со стороны Центра был представлен алгоритм решения задачи с использованием полномочий государственного бюджетного учреждения (ГБУ), изложенный далее.

В соответствии с Федеральным законом от 08.05.2010 № 83-ФЗ, в Закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» введена ст. 9.2 «Бюджетное учреждение» (далее — ФЗ № 7)¹. Нормы данной статьи позволяют решить поставленную для строительства паркингов задачу с использованием новых норм Земельного кодекса РФ. Так, в п. 9 ст. 9.2 ФЗ № 7 установлено, что земельный участок, необходимый для выполнения бюджетным учреждением своих уставных задач, предоставляется ему на праве постоянного (бессрочного) пользования. Это означает, что город может передать участок, на котором расположены плоскостные гаражи, в бессрочное пользование ГБУ.

Согласно п. 6 ст. 9.2 ФЗ № 7 в случае сдачи в аренду (с согласия учредителя) недвижимого имущества, закрепленного за ГБУ, финансовое обеспечение содержания такого имущества со стороны государственных органов не осуществляется. Таким образом, средства от аренды земельного участка, переданного ГБУ, поступают на счет ГБУ как доход от коммерческой деятельности (п. 3 ст. 298 ГК РФ) и фиксируются в качестве внебюджетных и внебюджетных доходов и подлежат налогообложению в соответствии с п. 3 ст. 286 Налогового кодекса РФ (в ред. Федерального закона № 83-ФЗ)². Данные нормы свидетельствуют о принципиальной возможности со стороны Правительства города осуществить передачу участка, застроенного плоскостными гаражами, в бессрочное пользование ГБУ, а для ГБУ — сдать в аренду этот участок застройщику. При этом никаких конкурсных процедур для потенциальных арендаторов, которым ГБУ сдаст участок, действующее законодательство в данном случае не предусматривает в принципе, также как никакого конкурса не предусмотрено и в процедуре передачи участка, застроенного плоскостными гаражами, со стороны города в бессрочное пользование ГБУ. Кроме того, в пп. 11 и 2 ст. 39.6 ЗК РФ указано, что договор аренды земельного участка без проведения торгов заключается в случае предоставления земельного участка, находящегося в постоянном (бессрочном) пользовании юридических лиц, этим землепользователям³. Иными словами, в случае передачи городом в бессрочное пользование ГБУ участка, застроенного плоскостными гаражами, торгов для такой процедуры не требуется. Это делает юридически обоснованными действия Правительства Санкт-Петербурга, намеревающегося решить проблему привлечения инвесторов к социально значимой программе строительства паркингов на месте расположения плоскостных гаражей на условиях отсутствия конкурсных процедур по предоставлению участка земли.

¹ Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». В ред. Федерального закона от 08.05.2010 № 83-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145; 2010. № 19. Ст. 2291.

² Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая. В ред. Федерального закона от 08.05.2010 № 83-ФЗ // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340; 2010. № 19. Ст. 2291.

³ Земельный кодекс Российской Федерации. В ред. Федерального закона от 05.10.2015 № 277-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147; 2015. № 41. Ч. 2. Ст. 5631.

Говоря о передаче земельного участка, застроенного плоскостными гаражами, в постоянное бессрочное пользование Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения «Управление инвестиций», следует отметить, что данный земельный участок принадлежит на праве собственности Санкт-Петербургу. Право постоянного бессрочного пользования как одно из ограниченных вещных прав, предусмотренных ст. 216 ГК РФ, обладает приоритетом перед обязательственными правами. Как известно, данное обстоятельство было отмечено еще дореволюционными русскими цивилистами. Так, по словам выдающегося юриста Г. Ф. Шершеневича, «при столкновении абсолютного права с относительным последнее всегда уступает место первому» [4, с. 199]. Следовательно, наличие договора аренды в отношении данного земельного участка не выступает непреодолимым препятствием для передачи собственником земельных участков на ограниченных вещных правах иным субъектам.

Более того, собственник (в качестве которого выступает Санкт-Петербург) может по своему усмотрению свободно распоряжаться принадлежащим ему имуществом, в том числе передавая это имущество на праве пожизненного наследуемого владения третьим лицам. Сказанное следует, в числе прочего, из п. 1 ст. 212 ГК РФ, устанавливающего, что собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом, а также из п. 4 ст. 214 ГК РФ, в соответствии с которым имущество, находящееся в государственной собственности, закрепляется за государственными предприятиями и учреждениями во владение, пользование и распоряжение.

Кроме того, согласно п. 9 ст. 9.2 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» в редакции Федерального закона от 08.05.2010 № 83-ФЗ (далее — ФЗ № 7) земельный участок, необходимый для выполнения бюджетным учреждением своих уставных задач, предоставляется ему на праве постоянного (бессрочного) пользования. Как установлено в ст. 298 ГК РФ, государственное бюджетное учреждение может распоряжаться с согласия собственника закрепленным за ним, в том числе и на праве постоянного бессрочного пользования недвижимым имуществом, включая и его передачу в аренду иным коммерческим или некоммерческим организациям. При этом в случае сдачи в аренду с согласия учредителя недвижимого имущества, закрепленного за бюджетным учреждением учредителем или приобретенного бюджетным учреждением за счет средств, выделенных ему учредителем на приобретение такого имущества, финансовое обеспечение содержания такого имущества учредителем не осуществляется (п. 6 ст. 9.2 ФЗ № 7). Следовательно, не существует препятствий со стороны действующего законодательства к тому, чтобы собственник передал земельный участок в постоянное бессрочное пользование Санкт-Петербургскому государственному бюджетному учреждению «Управление инвестиций», а то, в свою очередь, сдало в аренду этот участок застройщику.

Особо подчеркнем, что закон (п. 1 ст. 39.1 ЗК РФ) не содержит в себе специального требования осуществления конкурсных процедур при передаче земельных участков в постоянное бессрочное пользование гражданам и организациям на основании решения государственного органа, осуществляющего в соответствии со ст. 125 ГК РФ управление имуществом, находящимся в государственной собственности. Отсутствуют также причины говорить о нарушении содержащегося в п. 1 ст. 39.6 ЗК РФ обязательного проведения аукциона при передаче в аренду земельного участка. Дело в том, что, по смыслу соответствующего законодательного положения, речь в нем идет о заключении договоров аренды земельных участков, находящихся в государственной собственности, но не закрепленных за государственными предприятиями и учреждениями (см. абзац 2 п. 4 ст. 214 ГК РФ), т. е. о таких земельных участках, распоряжение которыми осуществляется непосредственно органами исполнительной власти, уполномоченными на управление имуществом, находящимся в государственной собственности.

Между тем все действия по распоряжению имуществом, переданным государственному бюджетному учреждению на праве оперативного управления либо на ином ограниченном вещном праве, в установленных законом (п. 3 ст. 298 ГК РФ) пределах производятся самим этим учреждением. Поэтому требование по отношению к учреждению обязательного проведения каких-либо конкурсных процедур при передаче в аренду закрепленного за ним недвижимого имущества является неправомочным и может считаться вмешательством в хозяйственную деятельность данного учреждения, что противоречит принципу недопустимости вмешательства в частные дела, установленному п. 1 ст. 1 ГК РФ.

Таким образом, есть основания утверждать, что действующее законодательство в принципе не требует проведения торгов при предоставлении городом земельного участка, застроенного плоскостными гаражами, в бессрочное пользование государственному бюджетному учреждению с последующей передачей учреждением этого участка в аренду. Доказательство правомерности передачи участка земли для строительства паркинга государственному бюджетному учреждению со стороны собственника (Санкт-Петербург) содержится в п. 2 ст. 269 ГК, где установлено, что лицо, которому земельный участок предоставлен в постоянное (бессрочное) пользование, вправе, если иное не предусмотрено законом, самостоятельно использовать участок в целях, для которых он предоставлен, включая возведение для этих целей на участке зданий, сооружений и другого недвижимого имущества. Это не означает, что ГБУ начинает распоряжаться таким участком (что запрещено п. 3 ст. 269 ГК РФ). В рассматриваемом Проекте речь идет лишь о правомочии пользования, то есть собственником участка по-прежнему остается Санкт-Петербург — а использование участка, в том числе право сдачи его в аренду для возведения паркинга, с согласия собственника переходит к ГБУ.

Распоряжение какой-либо вещью как определение ее дальнейшей фактической и юридической судьбы по общему правилу представляет собой отчуждение данного имущества на возмездных либо безвозмездных основаниях. Между тем в указанном случае (Проект «100 паркингов») земельный участок не переходит к застройщику, поэтому правовой титул принадлежности участка государственному бюджетному учреждению (а равно и Санкт-Петербургу как собственнику) остается неизменным. В указанной связи следует особо подчеркнуть, что речь не идет о внесении земельного участка в качестве вклада в уставный капитал созданного хозяйствующего субъекта, а именно о передаче участка в аренду на условиях, предусмотренных действующим законодательством.

Таким образом, для решения важной для Санкт-Петербурга проблемы, связанной с выбором эффективного инструментария строительства паркингов на месте стоянок плоскостных гаражей, предлагается алгоритм, в соответствии с которым, путем издания соответствующих постановлений Правительства Санкт-Петербурга: вносятся изменения в устав ГБУ (позволяющие осуществлять деятельность по привлечению инвесторов в строительные проекты); осуществляется передача участка, застроенного плоскостными гаражами, в постоянное (бессрочное) пользование ГБУ; дается разрешение на сдачу данного участка в аренду под строительство многоуровневого паркинга с коммерческими помещениями. Юридически, такой алгоритм позволяет осуществить бесконкурсную процедуру передачи участка земли, застроенного плоскостными гаражами, инвестору-застройщику, которым выступит ООО «Народный паркинг».

Проведенное исследование доказало эффективность предложенной схемы для всех ее участников: инвестора, владельцев гаражей и города. Специалистами СЗИУ составлена юридическая схема осуществления мероприятий и подготовлено полное обоснование каждого шага по предложенному алгоритму. Это делает возможным успешную реализацию Проекта в рамках АС, призванной принести доход всем ее

участникам и способствовать достижению значимых социальных и экономических результатов.

Литература

1. Андреев С. Ю. Система АС: алгоритм перехода к ускоренному социально-экономическому развитию региона. СПб. : «Свое издательство», 2014.
2. *Ответственность государства перед частными лицами (опыт комплексного исследования)* : монография в 2 т. / под ред. Л. И. Антоновой. Т. 1. Обязательства по возмещению вреда, причиненного частным лицам. СПб. : Изд. СЗИУ РАНХиГС, 2012.
3. Разуваев Н. В. Местное самоуправление и проблемы становления гражданского общества в России // Проблемы управления трудовыми ресурсами на современном этапе. Межвуз. сб. СПб. : Изд. СПбУЭФ, 1996.
4. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Изд. 9-е. М. : Изд. бр. Башмаковых, 1911.

References

1. Andreev S. Yu. *System «Owners' Association»: algorithm of transition to the accelerated social and economic development of the region* [Sistema AS: algoritm perekhoda k uskorennomu sotsial'no-ekonomicheskomu razvitiyu regiona]. SPb. : «Own publishing house» [«Svoe izdatel'stvo»], 2014. (rus)
2. *Responsibility of the state before individuals (experience of complex research)* [Otvetstvennost' gosudarstva pered chastnymi litsami (opyt kompleksnogo issledovaniya)] : The monograph in 2 vol. / under the editorship of L. I. Antonova. V. 1. Obligations on indemnification, caused to individuals. SPb. : Publishing Center of the NWIM of RANEPА [Izd. SZIU RANKhiGS], 2012. (rus)
3. Razuvaev N. V. *Local government and problems of formation of civil society in Russia* [Mestnoe samoupravlenie i problemy stanovleniya grazhdanskogo obshchestva v Rossii] // Problems of management of a manpower at the present stage. Interhigher education institution collection of works [Problemy upravleniya trudovymi resursami na sovremennom etape. Mezhvuz. sbornik]. SPb. : Publishing House of the SPbSUEF [Izd. SPbUEF], 1996. (rus)
4. Shershenevich G. F. *Textbook of the Russian civil law* [Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava]. Edition 9th. M. : Publishing House of the Bashmakov brothers [Izd. br. Bashmakovykh], 1911. (rus)

Цацулин А. Н., Цацулин Б. А.

Инновационность биолого-фармацевтического кластера или импортозамещение: приоритеты развития отраслевой экономики

Цацулин Александр Николаевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Профессор кафедры финансового менеджмента
 Доктор экономических наук, профессор
 Почетный работник высшего профессионального образования РФ
 vash_64@mail.ru

Цацулин Борис Александрович

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
 Магистрант

РЕФЕРАТ

В статье авторы анализируют комплекс проблем, связанных с формированием региональных производственных кластеров по-настоящему инновационного типа, с внедрением в деятельность реального сектора экономики схемы государственно-частного партнерства, с возрождением национальной медицинской промышленности, в частности, отрасли фармацевтических препаратов. Решение перечисленных проблем, по мнению авторов статьи, обеспечит процедуру импортозамещения зарубежных лекарственных препаратов качественными российскими фармацевтическими средствами, что в настоящее время является самой важной задачей, которая встала перед обществом и государством. Излагаемые материалы свидетельствуют об актуальности поднимаемых в статье вопросов.

Авторы рассматривают состав фармацевтических кластеров Санкт-Петербурга, виды деятельности участников, входящих в эти сравнительно новые по форме территориальные образования, анализируют инновационную активность ряда уже действующих предприятий, производящих как дженерики, так и оригинальную товарную продукцию с признаками инновационности. Для выявления инновационных лидеров в кластере применена методика многомерного сравнительного анализа. Сделаны выводы, даны предложения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

региональный производственный кластер, инновационные технологии, государственно-частное партнерство, особая экономическая зона, импортозамещение, лекарственное средство, фармацевтическая отрасль, закупки импортных препаратов, российский рынок медикаментов, цены на аптечные товары, дженерики, рейтинг инновационной активности, стратегическое развитие экономического субъекта

Tsatsulin A. N., Tsatsulin B. A.

The Innovativeness of Bio-Pharmaceutical Cluster or Import Substitution: the Development Priorities of the Economy Sector

Tsatsulin Alexander Nickolaevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian President Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Professor of the Chair of Financial Management
 Doctor of Sciences (Economy), Professor
 vash_64@mail.ru

Tsatsulin Boris Alexandrovich

Saint-Petersburg State University of Economics (Russian Federation)
 Master's student

ABSTRACT

The authors analyze the complex problems associated with the formation of regional industrial clusters of really innovative type, with the introduction into the activities of the real economy scheme of public-private partnership, with the revival of the national pharmaceutical industry, in particular pharmaceutical industry. Solution of these problems, according to the authors, provide a procedure for import of foreign drugs quality Russian pharmaceuticals, which is currently the most important problems facing the society and the state. Degradable materials demonstrate the relevance of the issues raised in the article.

The authors consider the pharmaceutical cluster of St. Petersburg, activities, participants, members of these relatively new form of territorial units, analyze the innovative activity of a number of existing companies a bearing producing both generic and original commercial products with innovative features. To identify innovative leaders in the cluster technique used multidimensional comparative analysis. The end of the article contains the conclusions and the proposals.

KEYWORDS

Regional industrial clusters, innovative technology, public-private partnerships, special economic zone, import substitution, drug, pharmaceutical industry, purchases of imported drugs, the Russian market of medicines, the prices of pharmaceutical products, generics, the rating of innovation activity, the strategic development of the economic entity

Наши лекарства совсем не вредят вирусам и бактериям; более того, они с ними сотрудничают.

М. М. Жванецкий, литератор

Интродукция. 10 декабря 2015 года в Общественной палате Российской Федерации состоялся I Всероссийский форум «Общественная экспертиза развития науки и инноваций». Проблематика форума связана с задачей, сформулированной в «майских указах» президента РФ в 2012 году по достижению показателя 1,77% к уровню ВВП по внутренним затратам на исследования и разработки. В ходе обсуждения специалисты пришли к мнению, что дополнительное финансирование нужно привлекать из внебюджетных источников, а размер его следует увеличить как минимум в 2,5 раза, т. е. до 4,425%, по крайней мере. Но с учетом фактического (с тех пор) и прогнозируемого (на 2016 г.) падения макропоказателя ВВП и этих средств будет недостаточно.

Еще одна проблема, которую обозначили эксперты на форуме, — нестабильное финансирование науки, с долгими разрывами во времени. Для некоторых наукоемких отраслей это обстоятельство сводит все усилия к нулю. По словам директора департамента инновационного развития и научного проектирования Минздрава РФ С. Румянцева, особенно остро эта проблема стоит в биомедицине: «Для того чтобы биомедицинская наука развивалась поступательно, необходимо стабильное длительное целевое финансирование. Если есть разрывы в этом финансировании, то развитие не наступает. Это вынуждает топтаться на одном месте. Поэтому нужна четкая координация целевых программ и более активное привлечение коммерческих частных инвестиций»¹.

Рассмотрение экономической логики развития кластеров обычно начинают с определения самого феномена кластеризации и приводят в пример компании в сфере IT-технологий, располагающиеся в Кремниевой Долине (штат Калифорния, США), автомобильные компании в Южной Германии, производителей модельной обуви в Италии, виноделов в Калифорнии и Южной Франции, производителей кинопродукции в Голливуде и Бомбее и многих других. При этом подразумевается, что суще-

¹ *Игнатова Е.* Собственными силами [Электронный ресурс] // Эксперт ONLINE. URL: <http://expert.ru/siberia/2016/03/sobstvennyimi-silami/> (дата обращения: 30.01.2016).

ствующие и создаваемые кластеры являются и должны (по умолчанию) изначально быть инновационными по своим направлениям, видам и формам.

Современные теории экономики единодушно рассматривают процесс формирования кластеров как важнейший фактор повышения инновационности деятельности собственно экономических субъектов. Статистическое изучение этого фактора, проведенное на материалах США и Европы, подтверждает высокую существенность именно этого фактора [3]. Сегодня инновационные кластеры, характерные для пейзажа промышленно развитых стран, начинают появляться и во многих динамично развивающихся (но именно развивающихся) странах. Это дает последним возможность организовывать и/или расширять инновационную деятельность, в результате которой на мировые рынки продвигаются пионерные, новейшие и новые конкурентоспособные технологии, продукты и услуги, даже не всегда идентифицируемых признаков — национального происхождения и принадлежности.

Так, многие из этих кластеров стараются повторить успех кремниевой долины, вплоть до подражания в названиях: Кремниевое плато в Бангалоре (Индия), Кремниевый доминион в Вирджинии, технополисы в Северной Каролине, Силиконовый берег, Силиконовый пляж, Аллея роботов, Кремниевый остров в Тайване, Кремниевая деревня в Сколково, Кремниевое болото в Израиле (что представляет собой последнее достопримечательное место в Земле обетованной, авторы статьи так не установили, возможно, из-за понятной конфиденциальности о деятельности этого кластера где-то в пустыне Негев) и другие образования.

Но появление новых инновационных площадок может происходить и по иным причинам. Так, серия коррупционных скандалов в ОАО «Роснано» и Сколково (инновационный центр) спровоцировала подготовку к открытию инновационного кластера непосредственно при МГУ им. М. В. Ломоносова с перспективами весьма серьезной государственной организационной поддержки и финансирования, а также с возможностями привлечения финансирования из других источников.

Какие кластеры нужны российской национальной экономике в первую очередь? В большинстве своем все промышленное производство на территории регионов РФ (за крайне редким исключением) имеет общие черты и схожие проблемы, среди которых выделяются две главные — заметное технологическое отставание, не позволяющее быть конкурентоспособным на мировом рынке, и хронический недостаток высококвалифицированных кадров, требуемых современным рынком труда. Такая ситуация сложилась практически во всех сохранившихся на сегодня производственных отраслях промышленности. Причем, проблемы некоторых отдельных сфер производства, например в моногородах, носят ярко выраженный социальный характер с еще более выраженными социальными последствиями.

К таким отраслям, скажем, непосредственно относятся фармацевтическая и медико-биологическая промышленность. В настоящее время отечественные производители лекарственных средств и препаратов (ЛС/ЛП) проигрывают в рыночной конкуренции не только крупнейшим транснациональным фармацевтическим корпорациям, разрабатывающим новейшие инновационные препараты, но и производителям т. н. дженериков¹ и сырья для их изготовления преимущественно из Китая и Индии. По оценке отраслевых экспертов, до 90% выпускаемых в России ЛС/ЛП препаратов относят к дженериковому сегменту.

Сегодня объем потребления ЛС/ЛП, производимых на территории РФ, составляет примерно 20% в стоимостном измерении и не более 65% — в натурально-вещественном выражении, что указывает на приблизительно трехкратное различие

¹ Дженерик (от англ. *generic*) — лекарственное средство, продающееся под международным непатентованным названием либо под патентованным названием, но отличающимся от фирменного названия разработчика препарата.

в уровне цен от импортных аналогов. Доля импортных лекарств в российском госпитальном сегменте оказывается «львиной» (т.е. превышает $\frac{3}{4}$)¹, а их доля в стационарах, т.е. в больничной сети, доходит до 80–85%, что ставит население страны в крайне зависимое положение от диктата крупных зарубежных фармацевтических компаний.

Поэтому вопросы государственной поддержки (и даже регулирования) в области медицинской и фармацевтической промышленности в условиях острой необходимости подлинного *импортозамещения* приобретает все большую актуальность и значимость. При этом российскую схему импортозамещения следует трактовать не как инструмент политической эквилибристики и реализации финансовой политики исполнительной и денежной властей, а как удачно предоставленную благоприятную возможность развития отечественных наукоемких отраслей, сопровождающуюся появлением значительного числа новых рабочих мест, которые будут ориентированы на новые профессии и специальности, но уже интеллектуального типа².

Недостаток собственных инновационных препаратов в ассортименте выпускаемой продукции и ориентация на производство устаревших дженериков фактически закрывают российским производителям доступ на внешние рынки. Так, по данным ФСГС РФ (Росстат), доля инновационной продукции в общем объеме фармацевтического производства на протяжении 2006–2014 гг. не превышала 4–7%. И это, тем не менее, можно расценивать как локальный отраслевой успех, поскольку, по информации чл.-корр. РАН Г. Б. Клейнера, доля товарной продукции с признаками инновационности в целом по отечественному промышленному производству не превышает 2% [2, с. 3]. Однако в рейтинге стран мира по индексу *The Global Innovation Index* — 2014 Россия занимает достаточно высокое 49-е место (с уровнем индекса в 39,1), а первое место заняла Швейцария со значением индекса в 64,8.

Аналогичная ситуация сложилась на рынке медицинской техники и изделий сугубо медицинского назначения. Объем потребления продукции медицинской промышленности, разработанной и произведенной на территории РФ, составляет менее 25% рынка (в денежном выражении и без какого-либо учета коэффициента производственной локализации). Удручает то, что на протяжении последних 10 лет доля продукции отечественных предприятий на российском товарном рынке неуклонно снижается. При этом в отдельных, в первую очередь, высокотехнологичных сегментах медицинской техники и изделий медицинского назначения, доля импорта приближается к абсолютному уровню в 100%.

Без продукции фармацевтики, без эффективных лекарств жизнь современного человека немислима. Достаточно вспомнить, что с открытием А. Флемингом в конце 40-х годов XX в. пенициллина (антимикробные препараты класса β -лактамов антибиотиков) средняя продолжительность человеческой жизни на планете увеличилась сразу на 15 лет. Ныне причины, побуждающие человека принимать лекарства разной степени медицинских показаний и доступности, лежат в сфере фундаментальных представлений о здоровье, качестве жизни и даже о ее сакральном смысле.

Но прискорбно то, что почти вся нагрузка системы лекарственного обеспечения ложится тяжелым бременем на плечи российских граждан. Естественно, что использование лекарственной терапии (а в мире на ЛС/ЛП расходуется ежегодно порядка 810 млрд долл.) влияет не только на продолжительность жизни, но и ее качество. И понятно, что в странах, где доход населения выше (ВВП на душу по

¹ А по мнению руководства Ассоциации международных фармацевтических производителей (АИМП), это наиболее эффективные, безопасные и качественные лекарственные средства [Пичугина Е. Удар по почкам // «Московский комсомолец. РРЕ», № 38 (1127) от 17–24.09.2014].

² Вердиев Ф. У нас практически не останется недобросовестных резидентов // Коммерсантъ Business Guide № 184 от 7.10.2015. С. 21.

паритету покупательной способности в долларах), соответственно, выше и показатели продолжительности жизни, и значение ИРЧП¹. При этом систем лекарственного обеспечения в мире тоже разработано немало: от полной свободы в ценах на препараты до строжайшего контроля за движением каждого фармацевтического патента. И здесь в полный рост встает проблема возмещения государством средств, которые пациенты тратят на приобретение ЛС/ЛП.

Россия же до 80% потребностей в лекарствах удовлетворяет за счет достаточно дорогостоящего импорта. Еще от 10–15% относится к группе ЛС/ЛП, которые известный украинский детский врач из Харькова доктор Е. О. Комаровский назвал «фуфламицинами». То есть речь идет о препаратах, не проверенных в установленном порядке через обязательные и строго регламентированные процедуры *GLP* и *GCP*²; тем не менее, они попадают в Протоколы Минздрава РФ, которыми предписано врачу применять конкретные ЛС/ЛП уже во врачебной амбулаторной и госпитальной практике.

Еще какая-то часть фармацевтического рынка занята откровенными фальсификатами, контрафактами и условно безобидными плацебо. Эту часть рыночного объема аналитикам еще предстоит оценить достоверно, но отдельные оценки в 2%, 8% и даже в 12%, проникшие в публикации 2015 г., доверия определенно не заслуживают. А вот ущерб обществу от лекарств-пустышек и откровенно вредных для здоровья препаратов измерять можно. Конечно, многие факторы можно призвать к ответу за то, что средняя продолжительность жизни в РФ составляет лишь 68,5 года, но недостаток надлежащего качества и потребного количества лекарственного обеспечения в этом списке причинных факторов оказывается далеко не на последнем месте. Печальный же показатель продолжительности жизни россиян говорит сам за себя — он на 20% ниже, чем в Европе, и на 10% ниже, чем в развивающихся странах.

Одна из важнейших задач фармацевтической отрасли (помимо импортозамещения) — это создание системы *национальной лекарственной безопасности*. Если россиянин молод и здоров, ему трудно представить, что жизнь миллионов его соотечественников зависит от того, примут они лекарство своевременно, дважды в день или нет. Это касается больных гипертонией, онкобольных, диабетиков, ВИЧ-инфицированных (в стране намечается, по признанию министра здравоохранения РФ В. И. Скворцовой, эпидемия СПИДа в связи с отсутствием необходимых лекарств³) и носителей других хронических заболеваний, число которых на каждые 100 тыс. российского населения зашкаливает. Так, в РФ в 2015 г. зарегистрирован своеобразный мировой рекорд в 100 лиц, инфицированных туберкулезом на каждые 100 тыс. населения; для сравнения, в США — 4 человека к той же учетной базе. Порой для пациента тот же препарат инсулина, точнее, его доступность, оказывается жизненно важным фактором первой очереди.

Все сказанное выше вовсе не означает, что развивать в режиме инновационных кластеров следует только фармацевтическую отрасль, на которой сконцентрировались наиболее острые социально-экономические проблемы, непосредственно касающиеся интересов населения. Инновационная направленность развития национальной экономики должна пониматься системно, комплексно и в духе модернизации. А следовательно, успешное решение проблемы лекарственного импортозамещения невозможно без соответствующего подъема химической промышленности, совершен-

¹ ВВП — валовой внутренний продукт страны; ИРЧП — индекс развития человеческого потенциала, считаемый в рамках специальной программы Организации Объединенных Наций.

² *GLP* и *GCP* — надлежущая лабораторная (доклиническая) и клиническая практика.

³ Скворцова предрекла выход эпидемии ВИЧ из-под контроля через пять лет [Электронный ресурс]. URL: <http://meta.kz/novosti/russia/1011070-skvorcova-predrekla-vyход-epidemii-vich-iz-pod-kontrolya-cherez-pyat-let.html> (дата обращения: 02.12.2015).

ствования биотехнологий, реанимации и восстановления отечественного машино- и станкостроения и многого другого.

Одна из самых актуальных задач, которую следовало решать еще вчера, — *модернизация* производственных мощностей отечественной промышленности. Но в последние 25 лет предприятия в стране жили за счет нещадной эксплуатации основных фондов, и промышленная сфера — один из ключевых секторов экономики, требующей инновационного подхода и постоянных долгосрочных инвестиций. Непреложным фактом остается и тот, что инновационные компании¹ оказываются более привлекательными для инвесторов разного рода, поскольку их бизнес-модель, при своей универсальной устойчивости, способна адаптироваться к изменяющимся запросам рыночных потребителей. Однако институциональная и инвестиционная среда в России сконструирована таким образом, что оказывается более выгодным (а инвесторы умеют считать) вкладывание денежных средств в операции с недвижимостью и в биржевые операции.

Стратегический потенциал финансовых инструментов, направленных на обновление основных фондов и модернизацию строения капитала экономического субъекта, например лизинг, используется далеко не в полной мере. В среднем доля промышленного оборудования в портфелях лизингодателей не превышает 5%. Одна из причин такого положения дел — низкая ликвидность промышленного оборудования на рынке вторичных материальных активов — в виде основных производственных фондов.

В последнее время в арсенале средств финансового рынка появились в российской интерпретации новые финансовые инструменты инвестиционного процесса такие, например, как структурированные продукты, которые служат одновременно и для привлечения капитала на этот рынок [4]. Фармацевтические кластеры, по мнению авторов, продуцируют товарную массу, которая в полной мере обладает характеристиками структурированного продукта для российского товарного рынка ЛС/ЛП. Тем более что по ним выявлено и проанализировано большинство проблем и коммерческих рисков, с которыми обычно сталкиваются инвесторы при принятии решения инвестировать в конкретный медико-фармацевтический бизнес или воздержаться от этого.

Бликие итоги вступления России в ВТО и кластеризация отрасли. Опыт стран Балтии и Восточной Европы свидетельствует, что при слиянии национального и международного товарных и финансовых рынков происходит, как правило, потеря национального контроля и даже суверенитета над целыми отраслями и подотраслями экономики. Подобная реальная угроза существует и для рассматриваемых отраслей РФ. Потеря же товарных рынков происходит во многом лишь по одной и той же, но главной причине — неконкурентоспособность отечественного, и к тому же весьма немногочисленного производителя, который остался на рынке, подчас случайно, после неудачно проведенной в свое время приватизации отраслевых экономик.

Безусловно, постепенное, заранее оговоренное снижение пошлин на импортируемые ЛС/ЛП и медицинскую технику приведет к соразмерному увеличению доли рынка импортной продукции и, соответственно, к сокращению доли рынка отечественной продукции, а кроме того, к частичному закрытию российских предприятий

---

¹ В современной статистике разделяются предприятия, имеющие целью следующие 12 различных видов инновационной деятельности: замена снятой с производства устаревшей продукции; расширение ассортимента продукции; сохранение традиционных рынков сбыта; создание новых рынков сбыта; снижение издержек производства за счет сокращения: затрат на заработную плату, материальных затрат, энергозатрат, других факторов; улучшение условий труда; улучшение качества продукции; снижение загрязнения окружающей среды; другие цели.

и/или их добровольному слиянию, дружественному поглощению и прочей трансформации экономических субъектов в интересах отдельных выгодоприобретателей.

Поэтому сейчас крайне важно найти такой управленческий подход, который также мог бы быть, по существу, инновационным и который бы способствовал быстрому переходу отечественных продуцентов от стадии регресса к интенсивному развитию, разработке и внедрению фармацевтических инноваций. Излишне определять и/или уточнять здесь, что есть настоящая *инновация* [5]. Но всегда возникает вовсе не риторический вопрос: может ли считаться инновационным прорывом регионального масштаба внедрение выявленного ранее новшества на конкретной территории?

Поддерживать отечественного продуцента нужно цивилизованными методами: создавать ему преференции, применять льготы, делать разумные налоговые послабления [6]. Но Минпромторг РФ по-прежнему выступает в качестве нерасторопного управляющего с жандармскими функциями и пытается отрегулировать рынок чисто административными методами, хотя именно это министерство должно заниматься поддержанием и развитием рыночной конкуренции, инвестиционных и инновационных процессов.

Сложилось устойчивое мнение, что кластеризация региональных экономик с учетом опыта зарубежных коллег и партнеров (Израиль, Германия, Австрия, Швейцария, Дания и др.) может послужить решением обозначенной проблемы. Государство просто обязано в режиме частно-государственного партнерства — ЧГП (менее правильно, по мнению авторов, *государственно-частного* — ГЧП) способствовать развитию кластерных инициатив в регионах¹. Результаты функционирования Особой Экономической Зоны (ОЭЗ) фармацевтического кластера в Санкт-Петербурге демонстрирует полезность и успешность такого партнерства.

Экономические субъекты одной отрасли, в частности фармацевтические предприятия, объединяются в кластер, со вполне определенными целью и функциями. Если обратиться к мировой практике, все развитые страны используют кластерную систему как один из эффективных инструментов развития экономики. Кластер с точки зрения статистики — *сгущение точек в выборке*. В экономике же это понятие обозначает сосредоточение предприятий одной отрасли и систем ее научного обслуживания со всей инфраструктурой на территории, ограниченной, скажем, масштабами конкретного региона. Сложившаяся и накопленная практика показывает, что результативность усилий при кластерной организации деятельности намного возрастает в силу тех же синергетических свойств системы управления.

В рамках инновационного научно-производственного кластера при поддержке региональных властей могут реализоваться выгодные для всех участников мероприятия и проекты — каждый участников может повысить свою конкурентоспособ-

¹ Схема ГЧП по-прежнему является малораспространенной формой сотрудничества в РФ. Однако с 01.01.2016 г. вступает в силу Федеральный закон ФЗ № 224 от 13 июля 2015 г. «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который, как полагают авторы статьи, сделает взаимодействие государства с частным бизнесом более понятным и прозрачным, что добавит сторонников такой схемы взаимодействия бизнеса и власти. Можно полагать, что этот нормативный акт внесет коррективы в некоторые сомнительные инициативы, создавшие, например, острую социальную напряженность в сфере дальних грузоперевозок тяжелым автотранспортом (дальнобойщиков большегрузов в стране насчитывающих около 150 тыс.) в связи с введением по существу налоговых платежей за пользование федеральными автотрассами. Бенефициантом этой новации в области обязательных платежей оказалась «дочка» Ростеха, принадлежащая фактически (25% акций) И. Ротенбергу — главному концессионеру проекта и налогового откупщика. К сожалению, этот случай как нельзя лучше иллюстрирует идею транспонирования ЧГП в российском варианте, правда, в период до введения в действие ФЗ-224.

ность, например, за счет снижения полных прямых затрат на производство. Например, обычно фармацевтические и медицинские отходы предприятия (довольно опасные и токсичные) вынуждены возить за 300–400 км. В подобных кластерах в обязательном порядке предусматривается в кратчайшие сроки создание завода по переработке отходов, что позволит резко снизить транспортные, т. е. самые динамично растущие издержки логистической природы. Также ощутимым плюсом участия в фармацевтическом и/или медицинском кластере оказывается возможность на законных основаниях получать субсидии и финансирование из федерального центра, не говоря уже о местных возможностях.

Говоря об особенностях фармацевтической отрасли, можно отметить, что только в региональных фармацевтических кластерах возможно реализовать полный производственный цикл, от открытия потенциального ЛС/ЛП до его серийного производства. И только при условии совместной работы ученых, медиков, технологов, производителей и местных чиновников станет возможным создание собственных ЛС/ЛП, т. е. полностью российских разработок. Возможно, что на первоначальном этапе взаимодействие бизнеса и власти в режиме ЧГП будет иметь и отрицательные результаты, которые следует тщательно подвергнуть анализу.

В отечественных средствах массовой информации широко обсуждается пример (в научно-практических обзорах называемый даже феноменом) успешной кластеризации в фармацевтической и медицинской промышленности региона. В Петербурге много лет функционирует некоммерческое партнерство «Кластер медицинского, экологического приборостроения и биотехнологий». Кластер образован в 2005 г., объединив малые и средние предприятия, работающие в медицинском приборостроении долгие годы еще с советских времен. Вошедшие в кластер предприятия имели общие интересы по линии научно-исследовательской, опытно-производственной кооперации, в строительстве производственных площадей и обустройстве транспортной и логистической инфраструктуры, при сбыте продукции и тем самым — в получении искомого синергетического эффекта.

Все перечисленные причинные факторы стимулируют добровольное и равноправное объединение инновационных по своей природе предприятий. Основа продукции Кластера — это научно-исследовательские разработки, доведенные разработчиками с начала 1990-х гг. до серийного продукта, но уже после 2005 г. Инновационный характер использованных при этом разработок подтверждают российские и зарубежные патенты, а их качество — различные авторитетные сертификаты, такие как *ISO*, *FDA*¹ и др. Но самое главное — это подтверждение конкурентоспособности продукции непосредственно рыночными потребителями. Можно отметить, что продукция кластера востребована как на отечественном рынке, так и на зарубежных рынках, при этом товарный экспорт по итогам 2015 г. осуществляется в 70 стран мира.

Мировой опыт развитых и развивающихся стран демонстрирует впечатляющие образцы повышения конкурентоспособности территорий путем реализации кластеро-ориентированных региональных (главным образом) стратегий. Этот опыт также свидетельствует о том, что использование кластерных технологий наиболее перспективно на тех территориях, где бизнес и власть заинтересованы в скорейшем создании конкурентоспособных отраслей промышленности. Разумеется, роль государства в создании кластера является в большей мере определяющей в организации и последующих успехах такого кластера. Поэтому во всех фармацевтических

¹ Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов (англ. *Food and Drug Administration, FDA, USFDA*) — агентство Министерства здравоохранения и социальных служб США, один из федеральных исполнительных департаментов. Управление занимается контролем качества пищевых продуктов, лекарственных препаратов, косметических средств, табачных изделий и некоторых других категорий товаров, а также осуществляет контроль за соблюдением законодательства и стандартов в этой области.

компаниях Кластера были введены должности заместителя генерального директора по работе с органами государственной власти. Но это, безусловно, важнейшее обстоятельство в истории появления кластера никак не гарантирует инновационного характера траектории в последующей деятельности участников.

Тем не менее, идея развития процесса кластеризации не должна восприниматься как универсальный инструмент государственного вмешательства в экономику, как некая госпрограмма по принудительному созданию кластеров. Кластер в регионе невозможно создать исключительно директивным путем, даже если регион обладает всеми предпосылками для его создания. Изначально инициатива, безусловно, должна идти как бы «снизу» — от интересов бизнеса, со стороны непосредственных участников будущего кластера, что подтверждает мнение авторов в отношении идеологии ЧГП.

И в этом смысле крупным промышленникам и малым/средним предпринимателям все равно предстоит тесно сотрудничать с региональными властями, становиться равноправными партнерами в вопросах развития своего региона за счет роста, в том числе, собственного бизнеса. Следовательно, следует организовывать эффективную работу с федеральными и региональными инструментами отраслевой поддержки в режиме реализации конкретных госпрограмм, кстати, немногих оставшихся в бюджетной росписи «целевиков» — ФЦП (федеральных целевых программ) в связи с проблемами формирования федерального бюджета на 2016 г. [1].

В целом для администрации регионов кластерная политика представляется наиболее современным, удобным инструментом реализации не только промышленной политики, но и бюджетно-налоговой, и даже кредитной политики. Кроме того, кластеризация инновационных производств фармацевтической отрасли — это хорошая площадка для взаимодействия власти с бизнесом. С точки зрения социально-экономического развития регионов, развитие кластеров положительно влияет на обеспечение занятости в регионе, положительное изменение ее структуры, повышение уровня средней заработной платы.

Следует вспомнить, что механизм распределения и перераспределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ на реализацию мероприятий, предусмотренных программами развития пилотных инновационных территориальных кластеров, определен Постановлением Правительства РФ № 188 «Об утверждении Правил распределения и предоставления субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ на реализацию мероприятий, предусмотренных программами развития пилотных инновационных территориальных кластеров». Можно надеяться, что принятое решение обеспечит реализацию программ развития инновационных территориальных кластеров, а государственная поддержка программ развития кластеров будет способствовать развитию выявленных инновационно активных регионов¹.

Именно кластерные образования породили новый для РФ тип быстрорастущих компаний, которые в сфере экономики принято называть «газелями» бизнеса и которые устойчиво демонстрируют поразительную динамику, т. е. увеличивают темпы своего роста примерно на 30% ежегодно за последние 5 лет. Так, среди этих компаний Северо-Западного Федерального округа, которые почти все представляют малый и средний бизнес, отмечена высокая доля видов деятельности инженеринговой сферы и промышленно-инфраструктурного строительства.

¹ Постановление Правительства РФ № 188 «Об утверждении Правил распределения и предоставления субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ на реализацию мероприятий, предусмотренных программами развития пилотных инновационных территориальных кластеров».

Во впервые составленном пятилетнем рэнкинге «Эксперта Северо-Запада» за период 2008–2012 гг. указана также компания по производству медицинских изделий ООО «Балтфармацевтика» со следующими характеристиками: выручка в 2011 и 2012 гг. соответственно 225,1 и 320,1 млн рублей; темп прироста — 42,2%; среднегодовые темпы прироста выручки с 2008 по 2012 г. — 33,5 и 39,5%; чистая прибыль в 2011 и 2012 г. соответственно 16,4 и 33,5 млн рублей; т. е. прирост чистой балансовой прибыли оказался равным 104,8%¹.

Кроме массы торговых и инжиниринговых компаний в список «газелей» попало несколько экономических субъектов, активно ведущих собственные инновационные разработки. По итогам 2012–2013 гг. к ним относится петербургская компания ООО «Крейт», которая 15 лет занимается разработкой и производством медицинских изделий, предназначенных для профилактики, лечения и реабилитации пациентов с заболеванием опорно-двигательного аппарата. Ассортимент товаров компании включает в себя бандажи, корсеты, товары для беременных и кормящих женщин, ортопедические изделия. В интеллектуальную собственность (*Intellectual Property*) предприятия входят 167 патентов на праве учтенных в бухгалтерском балансе нематериальных активов; все разработки прошли клинические испытания и сертифицированы [1]. В течение последних пяти лет «Крейт» ежегодно показывает темпы прироста валовой выручки в среднем на 47,3%, в 2014 г. достигла объемов продаж в 382 млн руб.

Важно понимать, что кластерный подход по своей сути направлен на решение тех проблем, которые на сегодняшний день являются центральными для экономики России и требуют своего срочного рассмотрения. *Во-первых*, реализация кластерного подхода в управлении региональной экономикой позволяет повысить конкурентоспособность отдельных компаний, отраслей и экономики региона в целом. *Во-вторых*, кластерный подход характеризуется повышенным вниманием властных структур к особенностям местных рынков и к уровню отдельно функционирующих компаний, что позволяет использовать местные ресурсы и разрабатывать адресные программы целевой государственной поддержки. *В-третьих*, реализация кластерного подхода всегда подразумевает развитие инновационного потенциала реального сектора экономики, в первую очередь, за счет субъектов малого и среднего бизнеса.

Но, как всегда, существует и обратная сторона кластеризации региональной экономики. Создаваемые на современных принципах управления в регионах динамичные кластеры, тем не менее, будут достаточно восприимчивы к глобальным кризисам и условиям внешней нестабильности. Последний мировой финансовый кризис еще раз подтвердил этот факт. При этом падение потребительского спроса на продукцию кластера может «утянуть на дно» экономику всего региона (скажем, небольшого субъекта федерации). Поэтому следует помнить, что кластерная политика является лишь одним из возможных путей повышения конкурентоспособности региональной экономики. И наибольший эффект от нее может быть достигнут только в совокупности с другими комплексными мероприятиями, проводимыми на все-таки замкнутой территории.

Становление и перспективы развития ОЭЗ «Санкт-Петербург» как территории новой экономики. Из десятка петербургских кластеров самым инновационным обещает стать *Life Science*, фактически созданный в 2014 г. путем объединения двух кластеров — медико-фармацевтического и радиационных технологий. Объединенный кластер вошел в настоящее время не только в перечень 25 приоритетных инновационных территориальных кластеров России, но и в число 15, которые должны получить софинансирование из федерального бюджета на ближайшие

¹ Волкова К. Торговать нельзя производить // «Эксперт Северо-Запад» № 45, от 11–17 ноября 2013. С. 21.

годы — до 2018 г. Хотя как это может быть осуществлено при фактическом переходе на одногодичное планирование федерального и региональных бюджетов, остается для авторов загадкой.

Фармацевтический кластер Санкт-Петербурга, сформированный в 2010 г. (еще при губернаторе В. И. Матвиенко — фармацевта по первому образованию, что объясняет успешность первых шагов кластера), начал с конкурентной борьбы за инвестора с фармкластерами Калужской области, которая с 2007 г. осуществляет сотрудничество с германскими и датскими компаниями, а также с Ярославской областью и Республикой Татарстан.

Правительство Петербурга «перенастроило» законодательные механизмы под потребности нового кластера: снизило порог для крупных инвестиционных проектов с 3 млрд до 800 млн руб., увеличило с трех до пяти лет срок предоставления налоговых льгот. Кроме того, мегаполис обеспечивает инфраструктурную подготовку перспективных территорий для создания производственных объектов в промышленной зоне «Пушкинская» и в Особой экономической зоне (ОЭЗ) на участках «Нойдорф» и «Новоорловская».

За прошедшие годы аналогичные фармацевтические кластеры появились в Кировской, Московской, Владимирской, Тобольской областях и кое-где еще. Но по совокупности предоставляемых условий Петербург обошел многие регионы-конкуренты. В частности, транснациональная фармацевтическая группа *Novartis*, первоначально проводившая переговоры с Ярославской областью, выбрала именно петербургскую площадку. Группа строит новое производство в отделении ОЭЗ «Ново-Орловское» (объем инвестиций — 15,4 млрд руб.). Здесь же возводят свои мощности «Вертекс», который воспользовался льготой на выкуп участка ОЭЗ за четверть его кадастровой стоимости, «Цитомед», «АрСиАй Синтез» и «Гем-стандарт» с общим объемом вложений около 5 млрд рублей. В «Нойдорф» ведется строительство завода фармацевтической компании «Биокад» (1,96 млрд руб.). Один из участников фармкластера компания «Полисан» в 2012 г. открыла на своей площадке вторую очередь предприятия полного производственного цикла.

Регионы, которые решили заняться созданием собственных фармкластеров, проходят практически все примерно одинаковый путь. Через год-два приходит понимание, в каком направлении нужно развиваться. При этом чаще всего делается ставка на развитие промышленного производства, причем, в самом простом его варианте — контрактное производство или производство инфузионных растворов. Но можно стремиться попасть в более высокодоходные ниши, связанные с настоящей научно-исследовательской деятельностью, проведением доклинических, т. е. лабораторных, и клинических испытаний, созданием новых ЛС/ЛП, формированием добротной инфраструктуры для малых и средних научно-технологических компаний.

Руководство Петербурга в лице своего отраслевого комитета по промышленной политике и инновациям выбрало второй путь становления (с отходом от изложенного выше традиционного способа), при котором участники кластера не ограничиваются размещением производств по «сборке» лекарств-дженериков, а сознательно делают упор на развитие *R&D*-составляющей (*Research&Development*). Так, по оценкам президента «Novartis-Россия», 350 из 500 млн долл. инвестиций в петербургский проект пойдут на запланированные НИОКР.

Первой глобальной фармацевтической компанией, открывшей собственные *R&D*-мощности в России, стала «Астра-Зенека». Ее центр по биоинформатике и прогностической медицине начал работать в Петербурге с марта 2012 г., сосредоточившись на развитии и внедрении компьютерных математико-статистических методов фортсайт-моделирования на всех этапах разработки и внедрения ЛС/ЛП, а также на обеспечении российской фармацевтической науки настоящими открытиями, способствующими улучшению здоровья и качества жизни пациентов.

В 2011 г. были открыты также *R&D*-центры российских компаний «Биокад» и «Фарм-Холдинг» (дочерняя организация «Герофарма»). Открытие *R&D*-производства «Герофарма» в декабре 2013 г. было для организаторов в некотором роде *terra incognita*. Однако после 4 месяцев работы стало очевидным, чего не хватает для обеспечения полноценного цикла исследований и разработок, и было принято управленческое решение о расширении уже построенного лабораторного центра, на что дополнительно было выделено еще 300 млн руб. Также у руководства ОЭЗ имеются сведения о намерении компании «Полисан» в ближайшие 3–5 лет возвести рядом с уже существующим заводом новый собственный лабораторно-исследовательский комплекс для расширения НИОКР¹.

На площадках «Новоорловская» и «Нойдорф» ОЭЗ в 2015 г. появились новые резиденты — например, компания «ЛС-инжиниринг», которая займет арендованные площади в административно-деловом центре. И это было первым прецедентом, когда кандидат в резиденты не проходил экспертный совет ОЭЗ, поскольку сумма инвестиций составляла меньше 30 млн руб. и законодательно руководство ОЭЗ было уполномочено самостоятельно принимать таких участников в состав участников зоны. Одновременно из ОЭЗ уходят старые резиденты — компании, которые за время своего резидентства не выполнили ничего из проектируемого и числились лишь как номинальные проекты. Уходят также компании, проекты которых либо потеряли актуальность, либо под них не были найдены инвестиции в необходимом объеме, либо участники зоны просто не проявляли признаков деловой активности.

Обмен накопленным опытом в деятельности фармкластеров — залог их рыночной эффективности. Ставка на НИОКР и высокотехнологичные производства формирует повышенные требования участников кластера к качеству трудовых ресурсов. Один из ключевых поставщиков кадров для отрасли — Санкт-Петербургская государственная химико-фармацевтическая академия (СПХФА). В академии активно внедряются программы обучения и повышения квалификации, разработанные при участии зарубежных экспертов, на базе меморандумов, подписанных с компаниями *Stada*, *Novartis* и *MSD* и др. Достигнута договоренность о включении вуза в программу *Tempus*, реализуемую Европейским союзом в России в сфере подготовки специалистов по *GMP*, *GLP* и *GCP*.

Производители тоже занимают активную позицию в выстраивании системы подготовки для себя квалифицированных кадров. Так, уже два года существует совместная образовательная программа «Биокада», *Pfizer* и СПХФА, направленная на воспитание нового поколения продвинутых специалистов фармацевтической отрасли. Программа «Больше, чем образование» предусматривает проведение в лабораториях и на производственных площадках компаний тренингов и мероприятий по повышению профессиональной квалификации для студентов и специалистов. В течение 2013–2014 гг. летом по 20 лучших представителей академии прошли производственную практику на площадках и в лабораториях «Биокада» и *Pfizer* в Ирландии и Турции. На базе *R&D*-Центра компании «Биокад» открыта первая в России базовая кафедра технологии рекомбинантных белков, где уже проходят обучение студенты СПХФА.

Другая компания ОЭЗ «Цитомед» также выразила готовность принимать студентов СПХФА на краткосрочные программы обучения, тренинги или практики на своей новой производственной площадке в Финляндии, построенной в 2012 г. по стандартам *GMP*. Меморандум о сотрудничестве с компанией «Цитомед» позволит СПХФА получить европейскую сертифицированную площадку, прежде всего, для

¹ Вердиев Ф. У нас практически не останется недобросовестных резидентов // Коммерсантъ Business Guide № 184 от 7.10.2015. С. 21.

подготовки специалистов в области контроля качества лекарственных средств¹. Известно, что все медико-фармацевтические кластеры формировались вокруг университетов, и самый яркий пример — это Бостонский фармацевтический кластер вокруг Гарварда, где присутствуют все представители инновационной сферы — бизнес-инкубаторы, научно-исследовательские институты, венчурные фонды и т. д. Именно вузовская наука в состоянии понять, что же, собственно, нужно для индустриального развития фармацевтики.

Поворотным моментом в становлении кластера стало принятое властями Петербурга еще в 2009 г. принципиальное решение не превращать город в цех по фасовке и упаковке зарубежных ЛС/ЛП. Ставка была сделана на занятие более высокодоходных рыночных ниш, связанных с научно-исследовательской деятельностью, проведением доклинических и клинических испытаний, созданием новых ЛС/ЛП, формированием устойчивой и разветвленной инфраструктуры для малых и средних научно-технологических компаний, с оптимизацией их работы в рамках системы государственного заказа.

О высокоэффективной работе в системе Госзаказа свидетельствует исключительно ценный опыт правительства Республики Татарстан во взаимоотношениях с вендорами. В данном субъекте федерации заведен образцовый порядок, при котором перед проведением государственных закупок ЛС/ЛП проводится консультативное совещание с местными предприятиями и проводится соответствующий ценовой и качественный мониторинг завозимой ими продукции.

Правительство СПб также образвало при себе координационный совет по развитию фармацевтического кластера. В настоящее время в структуре кластера значится более 150 компаний, в числе которых 87 производителей медицинской техники и изделий медицинского назначения, а также 30 научно-исследовательских институтов и образовательных учреждений. За январь–сентябрь 2015 г. объемы производства ЛС/ЛП в СПб составили около 13 млрд руб. Сейчас СЗФО за счет петербургских производителей занимает 4-е место по объему выпускаемых ЛС/ЛП и 1-е место в России по ежегодным темпам прироста их производства.

Более того, с увеличением рыночной потребности и покупательского спроса практически каждый производитель готов наращивать мощность своего предприятия и инвестировать в развитие бизнеса дополнительные средства. Городские же власти, в свою очередь, регулярно прорабатывают вопросы о возможных консультационных и организационных мерах поддержки региональных производителей ЛС/ЛП при их непосредственном участии в государственных закупках. А с привлечением специалистов городского комитета по здравоохранению планово проводится обстоятельный мониторинг закупаемых городом лекарств и анализируется наличие в этих списках продукции СПб фармацевтических предприятий.

К лету 2016 г. планируется завершить строительство второй площадки петербургской ОЭЗ и передать ее управление городу. В 2015 г. был зафиксирован фактический объем инвестиций от резидентов 2,8 млрд руб., а по итогам года прогнозируется, что эта сумма составит 3,2 млрд руб. Благоприятная в целом картина фактического инвестирования объясняется тем, что многие компании в текущем году вышли на стадию строительства, осуществляют капитальные затраты, а другие уже функционируют и начинают финансировать НИОКР. В этом же 2015 г. полномасштабно запустились компании «Новартис» и «Вертекс». Состоялось техническое открытие первой очереди компании «Цитомеда» (в основном складские площади), а в 2016 г. будет запущена ее вторая производственная очередь.

¹ Волкова К. Торговать нельзя производить // «Эксперт Северо-Запад» № 45, от 11–17 ноября 2013.

Состав фармацевтического кластера и направления деятельности. На сегодняшний день компании, входящие в СПб фармацевтический кластер, специализируются в следующих направлениях и по видам продукции. И с их перечнем полезно ознакомиться. Так, создание крупнейшего в СЗФО производства ООО «Новартис-Нева» изначально было ориентировано на выпуск инновационных патентованных фармацевтических препаратов и высококачественных современных дженериков (с возрастом не старше 30 лет).

Создание производства и научно-исследовательского комплекса ЗАО «Биокад» связано с разработкой и выпуском более 40 препаратов в соответствии со стандартами *GMP*, а также создание научно-исследовательского комплекса в сегментах «онкология/гематология», «гинекология/урология», «неврология», «вирусные инфекции», «сахарный диабет».

Целями создания производства ЛС/ЛП ООО «Герофарм» были выпуск инъекционных форм и суппозиторийев.

Организация производства ЛС/ЛП ЗАО «Фарм-Холдинг» изначально была ориентирована на создание и выпуск пептидных генно-инженерных препаратов нового поколения, современных диагностических систем и улучшенных дженериковых форм.

Создание производства лекарственных средств различных фармацевтических групп ООО «Неон» — это выпуск высококачественных отечественных препаратов различных фармацевтических групп учета.

Создание производства ООО «Самсон-Мед»: организация полного технологического цикла по выпуску активных фармацевтических субстанций и широкого перечня готовых лекарственных форм фармацевтических препаратов в соответствии со стандартами *GMP* по различным терапевтическим группам — кардиология, неврология, пульмонология, офтальмология, гастроэнтерология, гинекология.

Создание производства ООО «НТФФ «Полисан»: выпуск качественных инфузионных препаратов.

Создание производства и центра разработки инновационной продукции ЗАО «Вертекс»: выпуск готовых лекарственных форм.

Создание производства и научно-исследовательского центра ОАО «Фармацевтическая фабрика Санкт-Петербурга» (компания «Галено Фарм»): выпуск лекарственных препаратов для лечения бронхиальной астмы, хронических обструктивных заболеваний легких, а также БАД (биологически активные добавки) и косметических средств.

Создание производства ОАО «Фармасинтез»: выпуск импортозамещающих онкологических препаратов, включая отечественные разработки.

Строительство производства ЗАО «Иммуно-Гем»: выпуск препаратов человеческой плазмы крови.

Строительство производства ЗАО «Меделком» нацелено на выпуск медицинской ультразвуковой диагностической аппаратуры и датчиков.

Строительство производства группы компаний «Алкор Био» — производство реагентов для гормональной и аллерго-диагностики.

Как видно из перечня видов деятельности участников-резидентов СПб ОЭЗ, покрывается весьма широкий спектр производства ЛС/ЛП, медицинской техники, аппаратуры и пр., всего того, что крайне необходимо населению региона и страны. Также просматривается четко выстроенная политика государства в этой сфере, что, несомненно, обеспечивает рост эффективности лекарственной терапии, и самая удачная в этом плане схема — необходимый контроль за лекарственным обеспечением и грамотная система покрытия потребностей. По мнению экспертов *AIPM*, система лекарственного возмещения позволит уже в ближайшие 10 лет на 10% сократить смертность россиян.

К настоящему времени в стране были приняты самые разные программы, в частности, такие как дополнительного лекарственного обеспечения «Семь нозологий»¹ и другие менее известные. В свое время эти программы были довольно эффективными, но сейчас стало очевидным, что на бесплатное получение ЛС/ЛП россиянин имеет право, только если он является инвалидом (и то не всех групп), и эта своеобразная социальная селекция охватывает лишь 10% населения. Сами же льготные программы исчерпали себя в полной мере, и государству нужно искать новые формы лекарственного обеспечения своего населения в наступившие кризисные времена.

О разрешении этих весьма острых в социальном отношении и спорных в экономическом отношении вопросов, а также о необходимых авторских расчетах будет рассказано в продолжении данной статьи в следующем номере «Управленческого консультирования».

Литература

1. Воронов В. С. Финансовое посредничество на рынке интеллектуальной собственности: институты и инструменты. — СПб. : Изд-во Политехнического университета, 2011.
2. Клейнер Г. Б. Стратегия системной модернизации российских промышленных предприятий: тр. междунар. научно-практической конференции «Инновационная экономика и промышленная политика (ЭКОПОМ-2014)», 15–23 сентября 2014 г. СПб. : Изд-во СПбГПУ, 2014.
3. Куценко Е., Тюменцева Д. Кластеры и инновации в субъектах РФ: результаты эмпирического исследования // Вопросы экономики. 2011. № 9.
4. Скороход А. Ю. Проблемы и риски инвестирования в структурированные продукты // Теория и практика общественного развития. Международный научный журнал. Краснодар. 2014. № 3. С. 283–285.
5. Цацулин А. Н. Подходы к экономическому анализу комплексной инновационной активности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2013. № 2 (80). С. 12–21.
6. Цацулин А. Н., Скляр А. В. Моделирование налоговых поступлений в региональные бюджеты. Управленческое консультирование. 2012. № 1(45). С. 100–111.

References

1. Voronov V.S. *Financial mediation in the market of intellectual property: institutes and tools* [Finansovoe posrednichestvo na rynke intellektual'noi sobstvennosti: instituty i instrumenty]. SPb. : Publishing house of Polytechnic University [Izd-vo Politekhnicheskogo universiteta], 2011. (rus)
2. Kleyner G.B. *Strategy of system modernization of the Russian industrial enterprises. Works of the international scientific and practical conference «Innovative Economy and Industrial Policy (ECOPROM-2014)» on September 15–23, 2014* [Strategiya sistemnoi modernizatsii rossiiskikh promyshlennykh predpriyatii. Trudy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Innovatsionnaya ekonomika i promyshlennaya politika (EKOPOM-2014)» 15–23 sentyabrya 2014 goda]. SPb. : Publishing house SPbSPU [Izd-vo SPbGPU], 2014. (rus)
3. Kutsenko E., Tyumentsev D. *Clusters and innovations in territorial subjects of the Russian Federation: results of empirical research* [Klastery i innovatsii v sub'ektakh RF: rezul'taty empiricheskogo issledovaniya] // Economy Questions [Voprosy ekonomiki]. 2011. N 9. (rus)
4. Skorohod A.Yu. *Problems and risks of investment into the structured products* [Problemy i riski

¹ С 2008 г. в РФ реализуется государственная программа «Семь нозологий». В соответствии с ней лекарственными средствами, предназначенные для лечения больных семью редкими и наиболее дорогостоящими заболеваниями (гемофилия, муковисцидоз, гипофизарный низм, болезнь Гоше, миелолейкоз, рассеянный склероз, а также лица, нуждающиеся в иммунодепрессантах после трансплантации органов), централизованно закупаются за счет средств федерального бюджета. Препараты предоставляются в амбулаторных условиях в виде льготного обеспечения.

- investirovaniya v strukturirovannye produkty] // Theory and practice of social development. International scientific Journal [Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal]. N 3. 2014. P. 283–285. (rus)
5. Tsatsulin A. N. *Approaches to the economic analysis of complex innovative activity* [Podkhody k ekonomicheskomu analizu kompleksnoi innovatsionnoi aktivnosti] // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2013. N 2 (80). P. 12–21. (rus)
  6. Tsatsulin A. N., Sklyar A. V. *Modeling of tax revenues in regional budgets* [Modelirovanie nalogovykh postuplenii v regional'nye byudzhety]. Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2012. N 1(45). P. 100–111. (rus)

К вопросу о сетецентрическом формате гибридной войны XXI века

Чимаров Сергей Юрьевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой управления общественными отношениями
Доктор исторических наук, профессор
chimarov@szags.ru

РЕФЕРАТ

В статье исследуется место сетецентрической войны в структуре современной гибридной войны. Автор дает определение гибридной войны и подробно рассматривает когнитивные аспекты информационной сферы сетецентризма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

гибридная война, сетецентрическая война, теплая война, когнитивная сфера гибридной войны, концентрическая война

Chimarov S.Yu.

To the Issue of Network-Centric Format of Hybrid of War of the XXI Century

Chimarov Sergey Yuryevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head of the Chair of the Public Relations Management
Doctor of science (History), Professor
chimarov@szags.ru

ABSTRACT

The article focuses on the place of network-centric war in the structure of the modern hybrid war. The author gives a definition of hybrid war and examines the cognitive aspects of the information sector of network-centrism.

KEYWORDS

hybrid war, network-centric war, warm war, cognitive sphere of hybrid war, consciousness war

Традиционное понимание войны основывается на том, что война есть вооруженный конфликт между двумя или более странами. Важно заметить, что любая война преследует политические цели, а политика, по определению В. И. Ленина, есть «концентрированное выражение экономики»¹.

Исследуя диалектику войны, немецкий теоретик К. Клаузевиц исходил из того, что войну можно представить в образе «настоящего хамелеона, так как она в каждом конкретном случае изменяет свою природу» [5]. Отождествляя войну с хамелеоном, К. Клаузевиц усматривает в ней образ троицы, ипостасями которой являются:

- а) насилие, ненависть и вражда, как следствие слепого природного инстинкта;
- б) игра вероятностей и случая, выводящая войну «на арену свободной духовной деятельности»;
- в) орудие политики, посредством которого война подчинена «чистому рассудку» [5].

¹ Ленин В. И. XI съезд РКП (б). Заключительное слово по политическому отчету ЦК РКП (б). 28 марта 1922 г. / Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. М. : Издательство политической литературы, 1970. С. 123.

Анализируя войны второй половины XX — начала XXI вв., известный «советский диссидент», ученый-логик и социальный философ А. А. Зиновьев отмечает, что на смену «холодной» войне приходит «теплая» война: «когда к средствам „холодной“ войны стали присоединяться средства „горячей“ войны, новые средства, в особенности такие, как диверсионные операции глобального масштаба» [4]. По оценкам аналитиков, ярким примером «теплой» войны второго десятилетия XXI в. является противостояние США и Китая в Восточной и Юго-Восточной Азии. Наряду с этим отмечается изменение направленности атлантического вектора центра тяжести современной международной политики в пределы Индийского и Тихого океанов. Уже в ноябре 2009 г. во время своего первого визита в Восточную Азию, президент США Б. Обама, рожденный на Гавайях, возвел себя в токийской речи в ранг «первого тихоокеанского президента США». Американо-китайское противостояние с позиции «теплой» войны выражается в стремлении окружения Поднебесной кольцом военных баз, с одной стороны, и выстраивании ответной линии обороны в виде «нити жемчужин», с другой. Китайская стратегия «нити жемчужин» основана на построении сети портов и военных баз на территории таких стран, как Бангладеш, Иран, Мальдивы, Мьянма, Пакистан и Шри-Ланка. «Таким образом, Пекин делает все возможное, чтобы отстоять свои преимущественные права в Восточной и Юго-Восточной Азии. Однако это явно не стыкуется с западной концепцией сдерживания. И то, что китайцы считают вынужденной оборонительной мерой, на Западе могут трактовать, как акт агрессии. И наоборот, попытки Соединенных Штатов «сдержать» Китай в Пекине многие воспринимают как желание «варваров» зажать Поднебесную в тиски»¹.

Вовлечение в практику межгосударственного противостояния технологий «холодной», «теплой» и «горячей» войн наводит на мысль о сформированности нового гибридного (от лат. *Hibrida* — помесь) типа современных войн. В соответствии с выводом А. А. Зиновьева, мировой войной нового типа является глобализация, при которой совокупность инновационных средств коммуникации — «это, прежде всего, средства коммуникации культуры сверхобщества Запада» [4]. Что же касается гибридного характера войн XXI в., то здесь отчетливо просматривается корреляционная связь с отмеченной выше формулой «хамелеоноподобия» войны вообще. Другими словами, война подобна хамелеону (от лат. *Chamaeleon* — карликовый лев), постоянно готова к изменению «окраса» своего «тела» в угоду обстоятельствам переживаемого момента.

События Украины в феврале 2014 г. и последующие за ними кризисные проявления, сопровождающиеся кровавыми эпизодами на территории юго-востока Украины, события, связанные с «Крымской весной» и санкционным противостоянием между Россией и США (включая их союзников), породили всплеск размышлений представителей военно-теоретической мысли, политиков и дипломатов в отношении феномена гибридной войны (от англ. *Hybrid warfare*). К примеру, по определению обозревателя BBC по дипломатическим вопросам Д. Маркуса, «гибридная война — это сплав открытой и тайной военной мощи, комбинация провокаций и диверсий в сочетании с отрицанием собственной причастности, что значительно затрудняет полноценный ответ на них»².

Американский специалист и исследователь характера современных войн Д. Киллален, обобщая опыт американо-иракской войны 2003 г., отождествляет гибрид-

¹ Терентьев — мл. А. «Теплая война» США и КНР // Однако. 15 июня 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.odnako.org/magazine/material/teplaya-voyna-ssha-i-knr/> (дата обращения: 15.07.2015).

² Маркус Д. Гибридная война Путина — головная боль НАТО. [Электронный ресурс]. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2014/12/141106_nato_russian_strategy (дата обращения: 12.07.2015).

ный аспект войны с партизанской войной «по случаю» (от англ. Accidental guerillo). Так же обобщая опыт боевых действий многонациональных сил в Ираке с февраля 2007 по сентябрь 2008 гг., Д. Килкаллен акцентирует внимание на моменте «гибридности» изучаемой им войны, проявляемой в соединении различных элементов, включая некоторое подобие мятежа со стороны отдельных представителей местного населения в районе военного конфликта; терроризм, в который вовлечено местное население; элементы этнорелигиозной вражды местного населения, пребывающего в состоянии этнорелигиозного столкновения. При этом Д. Килкаллен обнаруживает «гибридность» войны в «мятеже-войне», существо которой заключено в «случайном моменте вовлеченности местного населения в иницилируемый извне конфликт по типу инфекционного заражения» [3].

В официальных документах блока НАТО и Пентагона концепция гибридной войны и гибридных угроз находится в одном ряду с концепцией асимметричных конфликтов и неконвенциональной войны. О гибридной войне заявляется в важнейшем документе американской военно-политической стратегии — «Четырехлетнем обзоре оборонной политики» (Quadrennial Defense Review): 2006, 2010, 2014 гг.

В концентрированном виде идея гибридной войны проработана в 2009 г. в статье министра обороны США (2006–2011 гг.) Р. Гейтса «Сбалансированная стратегия». Ссылаясь на мнение политолога К. Грея, Р. Гейтс признает «размытость» между современными способами ведения боевых действий и ожидает появление нового инструментария «тактики борьбы» с противником, в том числе применение в ходе военных конфликтов смешанных и более сложных форм ведения боевых действий. Отмечая «достаточно топорную, но убийственно действующую наступательную операцию российских войск в Грузии (август 2008 г.) и хорошо скоординированную пропагандистскую кампанию», Р. Гейтс безусловно соглашается с оценкой специалиста по обороне Ф. Хоффмана роли современных сценариев гибридности военных действий, сочетающих «смертоносность вооруженных конфликтов между государствами с фанатичным и неослабевающим рвением экстремистов, ведущих нетрадиционные боевые действия» [2].

Чрезвычайно значимым для понимания характера гибридной войны является апеллирование Р. Гейтса к метафоричному суждению американского военного специалиста М. Эванса, характеризующего современные войны в качестве войн, «в которых „Майкрософт“ соседствует с камикадзе» [там же].

Размышляя над вопросом обеспечения свободы, процветания и безопасности США на перспективу, Р. Гейтс в формате гибридной войны усматривает обязательность учета психологических, культурных, политических и гуманистических аспектов вооруженного противостояния, а также предоставление американским военным «колоссальных преимуществ и возможностей достижений в создании высокоточного оружия в информационных и спутниковых технологиях» [2].

Анализируя свод различных подходов к пониманию сущности современной гибридной войны, представляется целесообразным сформулировать более точное ее определение. В настоящей авторской трактовке под гибридной войной следует понимать комбинацию традиционных элементов обычной войны с нетрадиционными аспектами террора, подрывных действий, а также технологиями интенсивного управления общественным мнением личного состава Вооруженных Сил и населения противоборствующих сторон (государств) посредством сил и средств современного информационно-коммуникативного технологического уклада. Инновационный типологический ряд гибридной войны XXI в. включает в себя войны «сетевые», «информационные», «консциентальные», «молекулярные», а также анако-, мятеже-, и кибер-войны. По определению А. Кондратьева, «наиболее передовая технология ведения вооруженной борьбы имеет массу названий: «автоматизированная война», «сетевая война», «центрально-сетевая война», «сетевые»

военные действия», «ведение боевых действий в едином информационно-коммуникативном пространстве» и много других» [7].

Учитывая то обстоятельство, что центральным звеном гибридной войны является «сетевая агрессия», рассмотрим наиболее подробно сетевый формат гибридной войны. В концептуальном плане, сетевизм гибридной войны основан на обеспечении превосходства над вероятным противником за счет применения современных инфокоммуникационных систем, позволяющих интегрировать потенциальных участников боевых действий и всю совокупность звеньев боевого управления в единую сеть. В отечественной специальной литературе приоритет разработки идеи сетецентрической войны закреплен за маршалом Советского Союза Н. В. Огарковым, руководившим с 1977 по 1984 гг. Генеральным штабом Вооруженных Сил СССР и уделившим пристальное внимание внедрению в практику боевого управления войсками автоматизированных систем управления (АСУ). Впервые высокая эффективность АСУ в военном деле была продемонстрирована в период широкомасштабных учений Советской армии «Запад-81», проведенных по замыслу и при непосредственном руководстве Н. В. Огаркова. К середине 1990-х гг. вице-адмирал ВМС США А. Сребровски и военный эксперт профессор Дж. Гарстка, опубликовав серию своих статей по сетевизму боевого управления, обрели среди зарубежных авторов статус идеологов сетецентрической войны. Важно заметить, что сам термин «сетевизм» был введен в деловой оборот в американской компьютерной индустрии для объяснения принципа организации взаимодействия между компьютерами с различными операционными системами. Эволюционирование идеи сетевизма, применительно к области военного дела, в США проходило по пути, обозначенному концептуальными маркерами C3-C3I-C4I-NCW.

Концепция «Интеграция систем управления и связи» (C3-Command, Control and Communications) была разработана во второй половине 1970-х гг. и основывалась на обеспечении эффективности обмена данными между различными звеньями АСУ за счет инновационных решений по техническому сопряжению, унификации стандартов форматов сообщений, а также обеспечении устойчивости и оперативности боевого управления. К середине 1980-х гг. в США появилась концепция «Интеграция систем управления связи и разведки» (C3I-Command, Control, Communications and Intelligence), охватывающая, кроме АСУ, и другие сферы боевого обеспечения, включая решение задач по информационному сопровождению и анализ разведывательной информации. Начало 1990-х гг. характеризуется принятием концепции «Интеграция систем управления, вычислительной техники, связи и разведки» (C4I-Command, Control, Communications, Computers and Intelligence). Концептуальные положения C4I базировались на идее создания универсального комплекса информационно-вычислительных сетей, экспертных систем и различных средств моделирования боевых действий. Кроме того, согласно концептуальным воззрениям C4I, модернизированная система боевого управления начала 1990-х гг. предполагала активное задействование высокопроизводительной электронно-вычислительной техники, электронной почты, телеконференцсвязи.

Конец 1990-х гг. знаменателен появлением первой американской «сетевизм» концепции NCW (от англ. Network Centric Warfare — сетевизм способ ведения войны). В зарубежной литературе «сетевизм» гибридной войны маркируется обозначениями C4ISR и C4ISR. Структурными элементами первого обозначения C4ISR является Command, Control, Communications, Computers, Intelligence, Surveillance, Reconnaissance. В структуре второго обозначения C5ISR (по сравнению с обозначением C4ISR) новый, пятый элемент «С» именуется «боевые системы» (Combat Systems). «Обнаружив, какие предпочтения дает американский подход, в том же направлении потянулись и другие страны. Началась настоящая «сетевизм» лихорадка. В НАТО реализуется концепция «Комплексные сетевые возможности»

(NATO Network Enabled Capabilities), во Франции — «Информационно-центрическая война (Guerre Info Centre), в Швеции — «Сетевая оборона» (Network Based Defense), в Китае — «Система боевого управления, связи, вычислительной техники, разведки и огневого поражения» (Command, Control, Communications, Computers, Intelligence, Surveillance, Recognizance and Kill) и т. д. Именно в «сетевом центре» военные зарубежных стран видят инновационный инструмент повышения боевых возможностей Вооруженных Сил и вполне объективно рассчитывают на получение экономической выгоды», — констатирует А. Кондратьев [7].

Определяя сущность «сетевидной войны», следует согласиться с утверждением того, что «сетевидная война — это ориентированная на достижение информационного превосходства концепция организации управления действиями группировок войск (сил), предусматривающая увеличение их боевой мощи за счет создания единой информационно-коммуникативной сети, связывающей датчики (источники данных), лиц, принимающих решения и исполнителей, что обеспечивает доведение до участников действий необходимой информации об обстановке, ускорения процесса управления силами и средствами и повышение, вследствие этого, темпов операции и эффективности поражения противника» [6].

Вместе с тем, приведенная выше формула сетевидной войны имеет явно выраженное технократическое звучание и не учитывает когнитивных аспектов современной войны. Как известно, концептуальная модель сетевидной войны включает в себя три подсистемы: информационную, сенсорную (разведывательную), боевую (средства поражения, боевая техника, личный состав). При этом основу сетевидной системы составляет информационная подсистема, характер которой определяется характером и уровнем развития физической и когнитивной сфер. В данном случае под физической сферой (суша, вода, воздух, космос) следует понимать место развития ситуации, в пределах которой осуществляется вооруженное воздействие или демонстрация боевых возможностей физических платформ (боевой техники, средств разведки, авиационных и космических аппаратов, надводных и подводных сил флота и т. п.), объединенных паутиной коммуникационных сетей.

Формирование пределов когнитивной сферы осуществляется в сознании лично-го состава Вооруженных Сил и населения противоборствующих сторон (государств). «Когнитивная (рационально-ментальная) сфера складывается в умах участников конфликта и характеризуется, с одной стороны, такими понятиями, как представление, осознание, понимание, убеждения, ценности, и, с другой — процессом принятия решений. К этой же сфере относятся: лидерство, моральное состояние, сплоченность, уровень подготовки и боевого опыта, общественное мнение, мыслительные процессы командиров, способы принятия решений, интеллект и эрудиция» [6].

Резюмируя вышесказанное, целесообразно заметить, что идеология «сетевидности» базируется на активном применении в современной гибридной войне тактических приемов ареала социальных сетей и новых медиа: «традиционных СМИ, интегрированных в пространство интернет-коммуникаций; СМИ, изначально созданных как Интернет-медиа; в принципе всей системы контента сетевых ресурсов» [8, с. 113]. Фактор возрастания роли современных коммуникационных технологий в вопросах информационного противоборства и их воздействия на формирование «нового мира политических процессов», исследованных в 1920-х гг. мастером манипулятивных технологий и отцом-основателем современного PR Э. Бернейсом, по-прежнему актуален и для сетевидного формата гибридной войны XXI в. «Современные средства коммуникации — власть, которую дают нам печать, телефон, радио и прочие изобретения, способные быстро передать важнейшие стратегические или технические идеи множеству взаимодействующих центров одновременно, — открывает перед нами совершенно новый мир политических процес-

сов. Сегодня идея и фраза могут быть эффективнее любой личности и сильнее любых локальных интересов», — завещал в 1928 г. Э. Бернейс [1, с. 5].

Литература

1. Бернейс Э. Пропаганда. М. : Типография «Наука» АИЦ РАН, 2010.
2. Гейтс Р. Сбалансированная стратегия // Россия в глобальной политике. 2009. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/n-12823> (дата обращения 20.06.2015).
3. Громыко Ю. В. Консциентальная война по глобальному мироустройству [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/subject/karta_bud/10579-konscientalnaya-voyna-po-globalnomu-miropereustroystvu.html (дата обращения: 17.06.2015).
4. Зиновьев А. А. Глобализация есть новая мировая война [Электронный ресурс]. URL: <http://www.anti-glob.narod.ru/sbornik/zin1.html> (дата обращения: 23.06.2015).
5. Клаузевиц К. О войне. М.: Госвоениздат, 1934 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.milimera.lib.ru/science/clausewitz/index.html> (дата обращения: 01.07.2014).
6. Ковалев В. И., Малинский Г. Г., Матвиенко Ю. А. Концепция «сетевцентрической» войны для армии России: «множитель силы» или «ментальная ловушка»? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prytkovalexey.org/2014/09/08/концепция-сетевцентрической-войны/> (дата обращения: 27.06.2015).
7. Кондратьев А. Сетевцентрический фронт // Национальная оборона. № 9. Сентябрь 2015 [Электронный ресурс] URL: <http://www.oborona.ru/includes/periodics/maintheme/2011/0210/21125558/detail/shtml> (дата обращения: 10.05.2015).
8. Чумиков А. И. Медиарилейшнз: учебное пособие для студентов вузов. М. : ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2014.

References

1. Bernays E. *Propaganda*. M.: Tipografiya «Science» of Russian Academy of Sciences [Tipografiya «Наука» AITs RAN], 2010. (rus)
2. Gates R. *The balanced strategy* [Sbalansirovannaya strategiya] // Russia in global policy [Rossiya v global'noi politike]. 2009. N 2. [Electronic resource]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/n-12823> (date of the address 20.06.2015). (rus)
3. Gromyko Yu.V. *Consciential war on a global world order* [Konstsiental'naya voina po global'nomu miroustroistvu] [An electronic resource]. URL: http://www.intelros.ru/subject/karta_bud/10579-konscientalnaya-voyna-po-globalnomu-miropereustroystvu.html (date of the address: 17.06.2015). (rus)
4. Zinovyev A. A. *Globalization is new world war* [Globalizatsiya est' novaya mirovaya voina] [An electronic resource]. URL: <http://www.anti-glob.narod.ru/sbornik/zin1.html> (date of the address: 23.06.2015). (rus)
5. Clausewitz C. *On war* [O voine]. M.: State military publishing [Gosvoenizdat], 1934 [Electronic resource]. URL: <http://www.milimera.lib.ru/science/clausewitz/index.html> (date of the address: 01.07.2014). (rus)
6. Kovalyov V. I., Malinsky G. G., Matvienko Yu.A. *The concept of «network-centric» war for army of Russia: «force multiplier» or «a mental trap»?* [Kontseptsiya «setetsentricheskoi» voiny dlya armii Rossii: «mnozhitel' sily» ili «mental'naya lovushka»?] [Electronic resource] URL: <http://www.prytkovalexey.org/2014/09/08/kontseption-network-centric-voyny/> (date of the address: 27.06.2015). (rus)
7. Kondratyev A. *Network centric front* [Setetsentricheskii front] // National defense [Natsional'naya oborona]. N 9. September 2015 [An electronic resource] of URL: <http://www.oborona.ru/includes/periodics/maintheme/2011/0210/21125558/detail/shtml> (date of the address: 10.05.2015). (rus)
8. Chumikov A. I. *Media relations* [Mediarileishnz]: manual for students of higher education institutions. M. : JSC Publishing House Aspect Press [ZAO Izdatel'stvo «Aspekt Press»], 2014. (rus)

Гусейнова А. Б.

Культурное наследие азербайджанского народа как основа развития этнотуризма в республике

Афаг Бейук Ага гызы Гусейнова

Научный сотрудник Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджанской республики

Доктор философии по искусствоведению

Президент Ассоциации творческих женщин Азербайджана (Баку, Азербайджанская республика)

afag_h@yahoo.com

РЕФЕРАТ

Современная экономика включает важную отрасль – индустрию туризма. Эта отрасль играет значимую роль в социально-экономическом развитии стран, формировании их имиджа. В статье дана характеристика государственной программы развития индустрии туризма в Азербайджане, названы уникальные памятники и мероприятия, проводимые для туристов в республике. Особое внимание уделено анализу развития этнотуризма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Азербайджан, индустрия туризма, историко-культурное и природное наследие, этнотуризм

Huseynova A. B.

Cultural Heritage of the Azerbaijani People as a Basis of Development of Ethnotourism in the Republic

Afaq Boyuk Aga gyzy Huseynova

Researcher of Institute of Architecture and Art National Academy of Sciences the Republic of Azerbaijan

President of Creative Women Association of Azerbaijan

afag_h@yahoo.com

ABSTRACT

The modern economy includes important industry — tourism industry. This industry plays a significant role in the socio-economic development of countries, shaping their image. The author characterized the state program of development of the tourism industry in Azerbaijan, called unique monuments and activities carried out for the tourists in the country. Particular attention is paid to the analysis of ethno-tourism.

KEYWORDS

Azerbaijan, tourism industry, historical, cultural and natural heritage, ethno-tourism, prospects

В третьем тысячелетии все большее значение в социально-экономическом развитии различных государств играет индустрия туризма. Учитывая все расширяющуюся сферу этой отрасли экономики и культуры, Содружество Независимых Государств объявило 2014 г. годом туризма. В век глобализации и интеграции индустрия туризма вышла на передовой рубеж культурно-экономического развития современных стран. Туризм стал не просто познавательно-развлекательным. Он стал политико-социальным. Туризм превратился в важный аргумент в социально-экономической сфере развития стран, формировании их имиджа и статуса. Его аспекты охватывают столь широкий круг, что распространяются на многие актуальные сферы социально-политического, культурно-этнографического, исторического и др. развития стран мира.

Особую значимость в этой сфере приобретает этнотуризм, являющийся точкой соприкосновения историко-социальных, культурно-экономических, психо-адаптационных сфер индустрии туризма. Такой вид туризма подразумевает непосред-

ственное погружение туриста в среду коренного населения, внутреннее пребывание в местной национальной культуре.

Специалисты понимают под этнографическим туризмом особый вид познавательного туризма, основной целью его является посещение этнографического объекта для познания культуры, архитектуры, быта и традиций народа, этноса, проживавшего сейчас и проживавшего когда-либо на данной территории. Этнографический туризм основан на интересе туристов к подлинной жизни народов, к ознакомлению с народными традициями, обрядами, творчеством и культурой. В современном унифицированном мире человек стремится к самоидентификации, ищет и изучает свои этнические корни для того, чтобы почувствовать себя особенным, обладающим глубинной историей и собственными культурными традициями. А познание других культур и этнических особенностей позволяет ему составить целостную картину многообразного мира народов и народностей, уникальных в своей индивидуальности. Этнотуризм содействует более тесным связям между представителями этих народов, а также включению их культуры в мировое культурное наследие.

Что представляет этнотуризм в Азербайджанской Республике? В Азербайджане осуществляется разработанная государственная программа развития индустрии туризма, развернута широкая сеть ее инфраструктуры. Азербайджан находится на стыке Востока и Запада, имеет выгодное географическое и геополитическое расположение, чудесный климат, прекрасную инфраструктуру, и было бы крайне неблагоприятно не воспользоваться всеми перечисленными благами. Сегодня в стране функционирует свыше двухсот туристических компаний. Руслан Гулиев, глава компании Millennium Tourism & Congress DMC, считает, что этнотуризм — это не только познание ценностей, но и «большая дипломатия и патриотизм»¹. В качестве примера он приводит почти не встречающееся в других странах путешествие-визит к азербайджанским долгожителям в южную зону страны — Лерикский район. Этот уникальный тур уже не первый год пользуется неизменным успехом у иностранных туристов, посещающих Азербайджан. Именно в этом районе в горах проживают свыше ста человек в возрасте более ста лет и примерно пятьсот долгожителей, которым исполнилось 90 лет и больше.

Основной целью такой работы является пропаганда азербайджанской культуры, истории, традиций, экономического потенциала страны. Представители туристической индустрии Азербайджана предполагают обязательно пропагандировать и Новруз-байрамы, и национальную игру човган, вошедшие в Список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, привлекая для этого все ресурсы: местных и зарубежных туристов, своих партнеров, каталоги, рекламу на ТВ, интернет и др. Они считают, что в перспективе ни один масштабный региональный проект в сфере индустрии туризма не будет осуществляться без участия Азербайджана.

Не оставили без внимания проблемы развития этнотуризма и ученые республики. Даже археологи обсуждали на своей международной конференции по проблемам евразийской археологии перспективы развития археологического и этнографического туризма в Евразийском регионе². Следует отметить, что исследователи, принимая участие в различных конгрессах, симпозиумах и совещаниях, способствуют развитию такого вида туризма, как научный туризм, в последние годы занимающий все большее место в современном международном туризме. По име-

¹ Уникальный потенциал. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2014/04/29/etnoturism.html> (дата обращения: 12.12.2015).

² В Азербайджане будут обсуждены перспективы развития архео- и этнотуризма в Евразийском регионе. [Электронный ресурс] URL: <http://novosti.az/obsh/20120928/297920932.html> (дата обращения: 12.12.2015).

ющимся оценкам, участники подобных международных мероприятий составляют 6–7% общего количества иностранных временных посетителей, и на их долю приходится около 10% валютных поступлений от туризма [1, с. 152–155].

Ученые Азербайджана приняли участие в разработке государственных программ развития туристической деятельности в республике. Фаик Гурбатов, национальный координатор проекта «Развитие туризма в Азербайджане», отметил: «Опыт показывает, что в регионах туристам больше всего нравится останавливаться в сельских домах. Чаще всего их привлекают общение с местными жителями, домашняя еда, традиции и обычаи. Мы в свою очередь проводим тренинги с владельцами домов, чтобы они знали, как общаться с гостями, какие условия нужно для них создавать в своих домах и многое другое»¹.

Азербайджан, как известно, является древнейшей страной с интереснейшей историей и культурой. Здесь находится один из самых древних очагов мировой цивилизации: Азыхская пещера в Нахичевани (1 млн 200 тыс. лет до н. э.) и горный комплекс Гобустан на Апшероне около Баку (10–8-е тысячелетие до н. э., включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО). Его посетил Тур Хейердал в свою первую поездку в 1981 г. в Азербайджан. Ученый-путешественник изучил здесь наскальные изображения, в том числе и изображение лодок, «инопланетян», сцен охоты, животных, древнейшего кругового ритуального танца «Яллы». В Гобустане находятся «звучащие» камни — «Гавал-даши», гул которых распространяется на многие километры и некогда служил информационным «телеграфом».

Древняя культура Азербайджана взметнула на небосклон культурных мировых ценностей азербайджанский мугам, ковер, средневековую миниатюру, богатейшее фольклорное искусство песен, танцев, игр, ритуалов. Одно празднование Новруза — доисламского тюрского праздника (включен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО), астрономического Нового года, который проводится 20–21 марта в день весеннего равноденствия, — целое представление. Оно начинается за 50 дней до этого дня. Каждый вторник посвящается одному из 4 основных элементов природы: ветру, земле, огню, воде. Празднование обрамлено ритуалами, играми, закликаниями, праздничными блюдами, имеющими магические и целевые (практические) значения. Так, обилие сухофруктов, орехов на праздничном столе придает силы и здоровье после зимнего ослабления организма, а выпечные изделия (круглый гогал (символ солнца), шекер-бура (символ луны), пахлава (символ звезд) и др.) выражают также магическое поклонение космическим силам. Активное участие приезжих туристов в ритуальных празднествах Новруза, азербайджанских свадебных обрядах, Гурбан байрамы и др. открывает перед ними кладезь древней мудрости азербайджанского народа, его уклад, мышление, гуманистические воззрения (например, обязательное уважение к родителям, детям, гостям, столь присущее древним традициям), делает понятным многие психологические и бытовые особенности, присущие именно данной стране.

Симбиоз наслоений языческих, христианских, исламских, современных космополитических духовно-социальных веяний создают сложное синтезированное мировоззрение и повседневную жизнь современного азербайджанского общества. Познавая его изнутри, сквозь призму искусства, архитектуры, ритуалов и обычаев, присущих данному народу, понимаешь мотивацию и особенности данного этноса, возникает взаимопонимание и обогащение культурой народа Азербайджана.

На территории Азербайджана встречаются 9 из 11 климатических зон: субтропики и степи, леса и горы и др. Они представляют природную палитру страны, и, соответственно, флора и фауна Азербайджана удивительно разнообразны и на-

¹ В регионах туристам больше всего нравится останавливаться в сельских домах. [Электронный ресурс] URL: http://azeri.ru/papers/azerizv_az/483/ (дата обращения: 12.12.2015).

сыщенны. Железное дерево, каштанolistный дуб, лянкяранская акация, орешник (гоз), дзельква, инжир гирканский, леопарды в Талыше, розовые фламинго в Ленкорани, джейраны Мугани, фазаны, тураджи, бурые медведи, лисы и др. охраняются не только в национальных парках — Ширванском, Ордубадском, Аггельском, Гирканском (занесенном в Список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО). Некоторые из них обитают в дикой природе. Такое разнообразие в относительно небольшом территориальном регионе, где можно быстро попасть в контрастные климатические, географические, архитектурные, этно-фольклорные зоны (культуры). Все это создает насыщенную, впечатляющую картину быта и нравов, психологии и моральных ценностей азербайджанского народа.

Среди архитектурных памятников Азербайджана — мавзолей Момине-хатун в Нахичевани (XII в.), дворец шекинских ханов в Шеки (XVIII в.), «Гызгаласы» — Девичья башня (X век до н. э.), дворцовый комплекс Ширваншахов в Баку (XIII–XV вв.), древний храм огнепоклонников «Атешгях» в Сураханах (XVII в.), горящая земля «Янар-даг» на Апшероне, архитектура высокогорного Лагича и албанская церковь в селении Киш (II–IX вв.), воздвигнутая святым Елисеем, а также многое другое. Таков небольшой отрывок из перечня многочисленных архитектурных «жемчужин» Азербайджана, памятников, разбросанных по этой стране. Все эти реалии создают прекрасные условия для развития этнотуризма в Азербайджане.

Искусство, культура, природа являются источником «узнавания», проникновения в сущность данной страны, которые затмевают все словесные тирады. Личные наблюдения, непосредственное пребывание в интересующей тебя стране настолько поглощают туриста, тем более этно-туриста, что он приобщается к новой культуре, становится опосредованным ее носителем, как будто включает частичку культуры данного региона в свою сущность. Осуществляется процесс адаптации носителя одной культуры, психотипа к другой культуре. Можно сказать, что происходит смешение, проникновение, обогащение, синтезирование (интеграция) наций и, как следствие, их лучшее взаимопонимание, взаимопринятие, взаимовлияние и общее развитие как между отдельными индивидуумами, так и между мировыми социумами, конфессиями и т. д.

Разнообразие природных условий Азербайджана способствовало образованию своеобразных традиций народа, которые в ряде случаев сохранились до настоящего времени¹. Трудолюбие азербайджанцев в пространстве и времени — основные слагаемые этого успеха. Почти каждый город современного Азербайджана можно назвать «городом мастеров». Каждый из них в прошлом слыл далеко за пределами государства центром развития различных ремесел: ковроткачества, ювелирного дела, оружейного мастерства, ткачества и вышивки, резьбы по камню и пр. Богатство и разнообразие сырьевых ресурсов издавна способствовали развитию в Азербайджане различных ремесел и художественных промыслов. Ремесла народных мастеров: гончарное, шорное, кузнечное, оружейное, кустарная выделка бязи, шелка, сукна, так же как и выделка набивных шелковых тканей, ковроделие, изготовление ювелирных изделий, инкрустация и резьба по дереву, камню, металлу активно развиваются в настоящее время. Работы азербайджанцев поражают своим великолепием приезжающих туристов.

Всему миру известно азербайджанское ковроделие, являющееся одним из важнейших традиционных ремесел в республике. Наиболее широко оно было развито в Кубе, Ширвани, Гяндже, Казахе, Карабахе и в пригородных селениях Баку, в местах, где издавна разводили овец, шерсть которых шла на изготовление ковров. О зарождении этого вида традиционного декоративно-прикладного искусства Азер-

¹ Традиции народов Азербайджана. [Электронный ресурс] URL: http://azerbaijan.oregna.com/rus/azerbaijan_tradition.shtml (дата обращения: 12.12.2015).

байджана в глубокой древности свидетельствуют многочисленные данные археологических исследований, проводимых на территории Азербайджана, а также памятники классической литературы, исторические книги и фольклорные произведения, где неоднократно можно встретить упоминания о коврах и описания рукотворной гордости азербайджанского народа. Поскольку раньше каноны ислама не позволяли реалистически изображать людей и животных, в орнаменте ковров преобладали геометрические мотивы и стилизованное изображение растений, животных и птиц¹. Уникальные азербайджанские ковры хранятся в ведущих музеях мира. В ноябре 2010 г. «Традиционное искусство ковроделия в Азербайджане» внесено в репрезентативный список ЮНЕСКО по нематериальному культурному наследию человечества.

Широко была распространена в Азербайджане резьба по камню и дереву, украшавшая детали жилых домов. Для окон, например, делали специальные изящные решетки — шебеке. Их вырезали из одной доски или собирали без помощи гвоздей и клея из заранее подготовленных тонких деревянных пластинок. В резьбе по камню, так же как и в других видах традиционного прикладного искусства, преобладал геометрический орнамент и стилизованное изображение растений. Интерьеры богатых жилых домов тоже украшала резьба, но по алебастру. Резьба и роспись, некогда составлявшие важную часть народного художественного ремесла, широко используются и в современной архитектуре.

Из художественных ремесел, связанных с обработкой металлов, не утратило своего значения ювелирное дело. Ажурно-филигранные и эмалевые изделия азербайджанских мастеров, особенно женские украшения, пользуются большой популярностью в мире.

Культура Азербайджана настолько привлекательна для туристов, что иностранные граждане стремятся и сами приобрести навыки в том или ином виде азербайджанского национального искусства. Так, известен пример, когда американец Джефри, влюбившийся в азербайджанский тар, прекрасно освоил не только игру на нем, но и исполнение азербайджанских песен. «Ассоциация творческих женщин Азербайджана» имеет интересный опыт приобщения отдельных иностранных граждан через этнотуризм к культуре азербайджанского народа и, как результат, тонкое проникновение и понимание, принятие и обогащение своей сущности другой культурой. Так, французка Элиз, приехав в Азербайджан, осталась в понравившемся ей городе Лагич, известном своим медно-чеканными промыслом, обучилась этому ремеслу, параллельно живя в семье известного мастера и чудесного человека Ровшен-бея. Она приняла участие в нашем проекте «Курсы по традиционным декоративно-прикладным видам искусств» и так прониклась искусством, бытом, самим воздухом высокогорного древнего поселения, что по возвращении в Париж устроила фотовыставку о Лагиче. Произошло взаимопроникновение и взаимообогащение двух культур. Японка Томока, влюбившись еще у себя на родине в азербайджанский ковер, будучи в Баку, специально освоила технику азербайджанского ковра и выступила у нас в проекте на выставке со своими работами. Она первая создала сайт на японском языке об искусстве Азербайджана. Американка Наташа, находясь в Баку, захотела изучить азербайджанские народные танцы у нас в танцевальном ансамбле «Гобустан» и даже выступила в концерте. Во время репетиций, на концерте она влилась в наш коллектив и стала одной из нас и по темпераменту, и по пластике, и по внутреннему мироощущению.

Мы считаем, что этнотуризм дает возможность не просто окунуться в традиционный быт и уклад, праздники данного региона, нарядиться в национальные ко-

¹ Ковроделие в Азербайджане. [Электронный ресурс] URL:http://www.centralasia-travel.com/ru/countries/azerbaijan/carpet_craft (дата обращения: 12.12.2015).

стюмы, испробовать блюда национальной кухни, приобрести национальные сувениры, но и попробовать самому создать что-либо рукотворное. Интерес к особенностям какой-либо культуры создает мотивацию посещения данной страны. Часто не только памятники природы или историко-культурное наследие региона привлекают поток туристов, но и сакральные места рождают интерес к объектам этнотуристического пространства, как, например, Гямигая (гора «Ноев ковчег»), Бешбармаг (гора благословения) и др. Туристические бренды в Азербайджане включают в себя и маршрут «Великого шелкового пути», проходившего по территории древнего Азербайджана, и «Апшеронские замки», и «Азербайджанские традиционные промыслы» (Гянжа, Лагич, Шеки, Губа), и лечебно-туристический «Нафталан», грязевые вулканы и многое другое. В последние годы стал востребован и горнолыжный туризм. Его развитию способствовал Шахдагский проект в живописном Гусарском районе Азербайджана.

Можно сказать, что, давая возможность иностранцу освоить технику азербайджанского танца, пения мугама, ковра, чеканки, кялагаи (шелковые натуральные платки), керамики, шебеке (витражного стекла), хясирия (плетение) и т. д., мы вкладываем в него каждый ковровым стежком, каждым мугамным пассажем или резьбой по глине свой генетический код, культурно-мировоззренческую программную установку. Мы приобщаем его как к индивидуально специфической культуре, так и к общемировому культурному наследию, а через это — и к воспитанию и созданию космополитической высокоинтеллектуальной гуманистически развитой личности, могущей понять и принять всю палитру общемировых культурных достижений. Все это способствует укреплению толерантного отношения между представителями разных этносов, а значит и высоко цивилизованному развитию мировых социально-культурных процессов и экономических процессов.

Литература

1. *Александрова А. Ю.* Структура туристского рынка: учеб. пособие для вузов. М. : Соло-Пресс, 2002.

References

1. *Alexandrova A.Yu.* *Structure of the tourist market* [Struktura turistskogo rynka]: Manual for higher education institutions. M. : Solo Press, 2002. (rus)

Развитие неформального, информального и медиаобразования для целей развития критического мышления и формирования информационной безопасности личности

Демидов Алексей Александрович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва)
Научный сотрудник Центра экономики непрерывного образования Института прикладных экономических исследований
Межрегиональная общественная организация в поддержку построения информационного общества «Информация для всех» (Москва)
Председатель правления
aademidov@yandex.ru, demidov@ifap.ru

РЕФЕРАТ

В статье обозначены проблемы формирования российской национальной политики для целей развития критического мышления и формирования информационной безопасности личности через развитие неформального, информального образования и медиаобразования детско-юношеской аудитории в современных условиях развития информационного и гражданского общества и правового государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

информальное образование, инфраструктура, информационные ресурсы, информационная безопасность личности, критическое мышление, медиаобразование, неформальное образование, общества знаний, человеческие ресурсы

Demidov A. A.

Development of non-formal, informal and media education for development of critical thinking and formation of information security of the personality

Demidov Alexey Alexandrovich

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation)
Economics Fellow at the Center of Continuing Education Institute of Applied Economic Research
Interregional Public Organization to Support the Building of the Information Society «Information for All» (Moscow, Russian Federation)
Chairman
aademidov@yandex.ru, demidov@ifap.ru

ABSTRACT

The article marked the problems of formation of Russian national policy for development of critical thinking and the formation of the information security of the person through the development of non-formal, informal education and media education junior audience in modern conditions of development of information and of civil society and the rule of law.

KEYWORDS

Informal education, infrastructure, information resources, information security of the individual, critical thinking, media education, informal education, knowledge society, human resources.

С подписанием Указа Президента Российской Федерации от 29.10.2015 г. № 536 «О создании Общероссийской общественно-государственной детско-юношеской организации «Российское движение школьников»¹ в стране начинает формироваться

¹ Указ Президента Российской Федерации от 29.10.2015 г. № 536 «О создании Общероссийской общественно-государственной детско-юношеской организации „Российское дви-

новая национальная политика, целью которой является совершенствование государственной политики в области воспитания подрастающего поколения, содействия формированию личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей.

Во исполнение названного Указа Федеральному агентству по делам молодежи предписывается обеспечить представительство Российской Федерации в координационном совете организации «Российское движение школьников», а также принимать участие через координационный совет организации «Российское движение школьников» в формировании основных направлений ее деятельности, оказывать поддержку в реализации целей названной организации и контролировать выполнение возложенных на нее задач.

Одно из направлений деятельности для создаваемой структуры глава государства обозначил ранее. Открывая 25 сентября 2012 г. Заседание Совета по культуре и искусству при Президенте Российской Федерации В. В. Путин заявил, что «...школа, дошкольные учреждения, университеты не просто передают набор знаний и компетенций — они должны воспитывать личность, учить критически самостоятельно мыслить, четко проводить грань между добром и злом. Убежден, важнейшая задача образования — формировать внутреннюю культуру и вкус человека, его ценностные ориентиры и мировоззрение»¹.

Весь посыл и, особенно, последняя фраза определяют вектор деятельности Росмолодежи в части содействия формированию личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей.

Вопрос о механизмах формирования личности молодого россиянина, будущего гражданина своей страны в системе формального образования на сравнительно высоком уровне прорабатывается на протяжении последних лет.

Рассматривая проблематику участия институтов гражданского общества, бизнес-сообщества, традиционных конфессий и парламентских партий в решении проблем формирования именно *национальной политики* в рассматриваемой области, необходимо выходить на разработку и реализацию всего комплекса проблем как минимум по трем вполне прикладным векторам:

- 1) определению целей и задач в контексте международной политики развития обществ знаний в рамках направлений: образование для всех на протяжении всей жизни; всеобщего доступа к информации, являющейся общественным достоянием; культурного разнообразия; многоязычия; и свободы выражения;
- 2) разработке и внедрению наравне с формальным образованием средств и методов неформального и информального образования, а также медиаобразования;
- 3) организации сотрудничества по созданию фундамента национальной системы, состоящей из инфраструктуры, информационных и человеческих ресурсов, в том числе подготовка специалистов для школьных библиотек [3].

Представляется, что первый вектор можно и нужно развивать с учетом действующих в стране регуляторов социальных отношений в их логически связанных парах: нравственности/морали и этики; обычаях и традициях; вере и религии; праве и ответственности.

Анализируя вопрос использования наиболее ранних по времени инструментов для решения рассматриваемых проблем необходимо остановиться на *медиаобразовании*. Начиная с 1960-х годов XX в. ЮНЕСКО активно поддерживает и продвигает во всем мире концепцию медиаобразования, которое рассматривается как процесс развития личности с помощью и на материале средств массовой коммуникации с целью формирования культуры общения с медиа, творческих, коммуни-

«...школа» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/16530> (дата обращения: 11.11.2015).

¹ Заседание Государственного совета по культуре и искусству. 25 сент. 2012 г. [Электронный ресурс]. URL : <http://www.kremlin.ru/news/16530> (дата обращения: 21.08.2015).

кативных способностей, критического мышления, умения полноценного восприятия, интерпретации, анализа и оценки медиатекстов, обучения различным формам самовыражения при помощи медиатехники.

Способность критически осмысливать поступающую из различных источников информацию и есть основной результат медиаобразования — главная цель формирования медиакомпетентности и информационной безопасности личности. Таким образом, в процесс медиаобразования должны закладываться и знаниевая и компетентностная компоненты, но также и этические и правовые императивы, и понимание сущностей духовности и нравственности, и осознание ценностей обычаев и традиций. И только тогда будущий гражданин своей страны научится осознанно проводить ту самую грань между добром и злом, приобретет ценностные ориентиры и мировоззрение, позволяющие жить в гармонии с собой и окружающими в непростых условиях информационного и гражданского общества, правового государства.

В контексте изучения истории развития медиаобразования необходимо вспомнить, что первая в мире учебная программа по медиаобразованию была разработана знаменитым канадским ученым Маршалом Маклюэном (М. McLuhan) в 1959 г. для учащихся 11-го класса школ города Торонто [5].

До этого времени не существовало целостной концепции и системы медиаобразования: до конца 50-х годов XX в. образование на материале киноискусства, прессы, телевидения, радио и т. д. существовало в виде автономных направлений и программ, в развитии которых специалисты из дореволюционной России и СССР принимали самое активное участие.

США с давних пор является мировым лидером в области развития медиакультуры и формирования через нее ценностных ориентиров личности. Американская пресса, радио, звукозапись и особенно кинематограф, телевидение и Интернет практически доминируют в информационном поле большинства регионов планеты. Влияние средств массовой информации и коммуникации США на формирование сознания населения и, в первую очередь, подрастающего поколения всего мира — трудно переоценить. Система американского медиаобразования с помощью интернет-сайтов, публикаций, конференций оказывает влияние и на другие страны. Сегодня медиаобразование в США является составной частью школьных учебных планов и внешкольных программ, аналогичных отечественной системе дополнительного образования во всех 50 американских штатах.

В 1978 г. под эгидой ЮНЕСКО была разработана программа массового медиаобразования — General Curricular Model for Mass Media Education. ЮНЕСКО также проводит международные конференции по проблемам медиаобразования — в Грюнвальде (1982), Тулузе (1990), Париже (1997), Вене (1999), Севилье (2002), Париже (2007), Москве (2012), Париже (2014), Москве (2014) и других городах. В последнее время ЮНЕСКО также развивает в качестве отдельного направления медийную и информационную грамотность¹, как некую обновленную форму развития медиаобразования в условиях киберпространства.

Первое системное издание ЮНЕСКО для педагогов по медийной и информационной грамотности на русском языке² претворяет выступление заместителя Генерального директора ЮНЕСКО по коммуникации и информации Яниса Карклиньша: «Мы живем в мире, в котором качество получаемой нами информации в значительной степени определяет наш выбор и последующие действия, включая способность пользоваться фундаментальными свободами и правом на самоопределение и развитие. Данная программа обучения педагогов медийной и информационной грамотности — важный источник информации для государств-членов ЮНЕСКО и новое

¹ Медийная и информационная грамотность: программа обучения педагогов [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.iite.unesco.org/publications/3214706> (дата обращения: 11.11.2015).

² Там же.

слово в данной области. Во-первых, она рассчитана на перспективу и опирается на современные тенденции конвергенции радио, телевидения, Интернета, газет, книг, электронных архивов и библиотек на одну общую платформу, а также впервые представляет единый подход к МИГ. Во-вторых, она создана с учетом потребностей педагогов для интеграции в официальную систему их подготовки».

Исследуя вопрос развития медиаобразования в России, необходимо остановиться на том, что «Большая российская энциклопедия» [4] определяет медиаобразование (media education) как «процесс развития личности с помощью и на материале средств массовой коммуникации (медиа) с целью формирования культуры общения с медиа, творческих, коммуникативных способностей, критического мышления, полноценного восприятия, интерпретации, анализа и оценки медиатекстов, обучения различным формам самовыражения при помощи медиатехники, обретения медиаграмотности. Существует также точка зрения, согласно которой медиаграмотность — это часть более широкого и емкого понятия — информационная грамотность. Эта тенденция находит сегодня все больше сторонников, хотя и здесь есть мн. терминологические разночтения... Позитивным результатом медиаграмотности следует считать медиакомпетентность личности (media competence of personality) — совокупность ее мотивов, знаний, умений, способностей [показатели: мотивационный, контактный, информационный, перцептивный, интерпретационный (оценочный), практико-операционный (деятельностный), креативный], способствующих выбору, использованию, критическому анализу, оценке, созданию и передаче медиатекстов в различных видах, формах и жанрах, анализу сложных процессов функционирования медиа в социуме».

Медиаобразование можно разделить на следующие основные направления:

- 1) медиаобразование будущих и действующих профессионалов — журналистов (пресса, радио, телевидение, интернет), кинематографистов, редакторов, продюсеров и др.;
- 2) медиаобразование будущих и действующих педагогов в университетах, педагогических институтах, в процессе повышения квалификации преподавателей вузов и школ на курсах по медиакультуре;
- 3) медиаобразование как часть общего образования школьников и студентов, обучающихся в обычных школах, средних специальных учебных заведениях, вузах, которое, в свою очередь, может быть интегрированным с традиционными дисциплинами или автономным (специальным, факультативным, кружковым и т. д.);
- 4) медиаобразование в учреждениях дополнительного образования и досуговых центрах (домах творчества юных, научно-технического творчества детей и молодежи, центрах внешкольной работы, школах искусств, центрах эстетического и художественного воспитания, в клубах по месту жительства, спортивных школах и т. д.);
- 5) дистанционное медиаобразование школьников, студентов и взрослых с помощью телевидения, радио, системы Интернет (здесь огромную роль играет медиакритика). *Фактически это неформальное образование!*;
- 6) самостоятельное/непрерывное медиаобразование (которое теоретически может осуществляться в течение всей жизни человека). *Фактически это неформальное образование!*

На нормативно-правовом уровне необходимость развития медиаобразования в России в сфере образования и культуры заявлена в разделе ИКТ «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.»¹ наравне с дистанционным образованием.

Необходимость развития неформального и неформального образования в России

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» от 17 ноября 2008 г. № 1662-р [Электронный ресурс]. URL: http://www.economy.gov.ru/minrec/activity/sections/fcp/rasp_2008_n1662_red_08.08.2009 (дата обращения: 21.11.2015).

на нормативно-правовом уровне заявлена в постановлении Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 295 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы»¹.

В документе заявлено, что государственная образовательная политика России традиционно *в незначительной мере затрагивает процессы неформального образования, происходящие вне организаций, и не охватывает сферу неформального образования* (медиа сфера, сеть Интернет, музеи, индустрия досуга). В то же время в ведущих странах конкурентах растет внимание к возможностям этой сферы в социализации подрастающего поколения. Развивая указанное положение, сказано также о том, что Россия отстает от развитых стран мира по динамике доступности отдельных секторов, важных для удовлетворения потребностей граждан и развития человеческого потенциала: *раннее развитие, предшкольное образование, непрерывное образование, неформальное образование и неформальное образование*.

Также в тексте содержится положение о том, что передача полномочий по финансовому обеспечению дошкольного и дополнительного образования на уровень органов местного самоуправления *привела к межрегиональной и межмуниципальной дифференциации доступности услуг*.

При этом неформальное образование рассматривается в Государственной программе как любой вид организованной и систематической деятельности, которая не может не совпадать с деятельностью образовательных организаций, входящих в формальные системы образования, а неформальное образование рассматривается как общий термин для образования за пределами стандартной образовательной среды — индивидуальная познавательная деятельность, сопровождающая повседневную жизнь и не обязательно носящая целенаправленный характер.

Представляется, что указанные определения неформального и неформального образования явно недостаточны и размыты для целей развития критического мышления и формирования информационной безопасности личности. В связи с чем Росмолодежи и иным профильным структурам при формировании основных направлений деятельности «Российского движения школьников» в целях совершенствования государственной политики в области воспитания подрастающего поколения, содействия формированию личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей необходимо будет озаботиться решением указанной проблемы.

В то же время нельзя сегодня учить и переучивать лидеров движения школьников, воспитателей, учителей, журналистов, библиотекарей, а также руководителей органов управления сферы образования, культуры, коммуникации, социальной, информационной и молодежной политики без серьезного погружения их в тематику культуры информационной безопасности.

Страна серьезно вложила в создание инфраструктуры информационного общества на федеральном уровне. Но уровень подготовки и профильных информационных ресурсов, и самое главное — человеческих ресурсов, остаются сравнительно низкими. И особенно важно, что эти позиции не получают должного развития на муниципальном уровне — где проживает и реализуется тот самый народ, в интересах которого и должно создаваться и электронное государство, и информационное общество.

Можно сказать связное время программное интервью газете «Известия» министра связи и массовых коммуникаций И. О. Щеголева² содержало

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 295 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70379634> (дата обращения: 21.11.2015).

² Щеголев И. О. С информацией, как с едой, — надо быть осторожнее // Известия. 2009. № 103. [Электронный ресурс] URL: <http://www.fapmc.ru/rospechat/newsandevents/speech/2009/06/item7745.html> (дата обращения: 11.11.2015).

указание на *необходимость взаимосвязанной деятельности систем информации и коммуникации и образования по развитию согласованной деятельности в сферах медиаобразования и информационной безопасности*. Министр отметил: «Мы считаем очень важно как раз сейчас ввести специальную дисциплину. Называется «Медиаобразование». Суть — научиться вычислять для себя полезное и защищать себя от бесполезного. Вы ребенка, когда отпускаете на улицу, постепенно приучаете, что есть правила дорожного движения, надо через дорогу переходить на зеленый свет, смотреть направо, налево, к этим не подходить, с этим не заговаривать. А когда ребенок погружается в интернет, родители просто сами во многом этими технологиями не владеют и уберечь ребенка не могут»¹.

Развитие и реализацию логически связанных между собой концепций медиаобразования и информационной безопасности личности И. О. Щеголев предложил начать с системы высшего профессионального образования и школы. «В школе есть предметы ОБЖ и информатика. *Вместо того чтобы в фортране учить писать какие-то формулы, можно детей учить обращаться с информацией*. Это не упрек нашим коллегам, которые составляют эти программы, скорее, идея для развития. Может быть, имеет смысл просто давать людям навыки работы с информационной средой. У нас есть еще идея, которую мы пока вынашиваем, но еще не начали продвигать, — клубный интернет. Это добровольное объединение или ассоциация тех же родителей, которые от себя сертифицируют определенный набор сайтов и говорят, что на эти сайты заходить для детей безопасно. То есть если ваш ребенок пользуется этим набором сайтов, то вы можете быть спокойны. Следующим этапом может быть договор с провайдерами о том, что они на льготных условиях предоставляют доступ или какой-то информационный пакет. Эта идея родилась не в министерстве, она родилась в IT-сообществе»².

Необходимо отметить, что разработчики Федерального закона Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и развивающего его Федерального закона № 139-ФЗ от 28 июля 2012 г. «О внесении изменений в Федеральный закон „О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу ограничения доступа к противоправной информации в сети Интернет», к сожалению, не учли не только данный посыл профильного министра, но также и положения профильных документов ЮНЕСКО, Совета Европы и других структур.

Таким образом, как перед Минобрнауки России, Росмолодежью и органами управления образования и молодежной политики субъектов Российской Федерации, так и перед иными заинтересованными структурами в рамках организации межведомственного и межсекторного сотрудничества становится задача формирования целостной и системной национальной политики в области развития критического мышления и формирования информационной безопасности личности молодых россиян через организацию деятельности структур по развитию неформального, информального образования и медиаобразования, среди которых: ревизия и анализ устойчивых и качественных лучших практик, элементов инфраструктуры, информационных и человеческих ресурсов; организационно-правовое и методическое обеспечение деятельности; развитие инфраструктуры; разработка, развитие, актуализация и распространение новых профильных информационных ресурсов; подготовка кадров для работы по развитию указанных направлений образования; разработка типологии

¹ Там же.

² Щеголев И. О. С информацией, как с едой, — надо быть осторожнее // Известия. 2009. № 103. [Электронный ресурс] URL: <http://www.fapmc.ru/rospechat/newsandevents/speech/2009/06/item7745.html> (дата обращения: 11.11.2015).

и структуры технологических информационно-ресурсных и медиакомплексов; проведение на регулярной основе научных, методических, образовательных, воспитательных и иных мероприятий.

Сегодня очень важен вопрос синтеза неформального, информального образования и медиаобразования, в том числе и в непрерывном, «пожизненном» развитии медиакультуры людей, повышении уровня их медиакомпетентности, осознанного отношения к проблемам информационной безопасности личности, «живущей» в киберпространстве, где «должны и могут участвовать не только институты «формального» образования и просвещения, но и структуры гражданского общества, средства массовой коммуникации, журналисты и публицисты, располагающие большим потенциалом распространения знаний и развития коммуникационного опыта граждан. Особая роль принадлежит в этом медиакритике — области современной журналистики, осуществляющей критическое познание и оценку медиаконтента, всего комплекса проблем социального функционирования массмедиа [2].

Важным представляется, что именно российские журналистское и образовательное сообщества в последнее время на своих мероприятиях начинают объединяться и поднимать вопросы о состоянии указанных проблемных направлений и формировании согласованных подходов к развитию национальной стратегии в рассматриваемой области [1].

Литература

1. Демидов А. А. Неформальное, информальное образование и медиаобразование: политика и практика для целей развития критического мышления и формирования информационной безопасности личности // Информационное поле современной России: практика и эффекты : сб. ст. XII междунар. науч.-практ. конф., 15–17 дек. 2015 г. / под ред. Р. П. Баканова. Казань, 2015. С. 412–422.
2. Короченский А. П. Мировая журналистика: история, теория, практика. Белгород : Изд-во БГИК, 2015.
3. Старовойтова О. Р. Компетентностный подход к подготовке специалистов для школьных библиотек // Школьная библиотека. 2007. № 6–7. С. 56–61.
4. Федоров А. В. Медиаобразование // Большая российская энциклопедия. Т. 17. М., 2012. С. 480.
5. Федоров А. В., Новикова А. А. Медиаобразование в США: методические подходы // США и Канада: Экономика — Политика — Культура. 2006. № 1. С. 110–119.

References

1. Demidov A. A. *Nonformal, informal education and media education: policy and the practice for development of critical thinking and formation of information security of the personality* [Неформальное, информальное образование и медиаобразование: политика и практика для целей развития критического мышления и формирования информационной безопасности личности] // Information field of modern Russia: practice and effects: collection of articles of the XII international scientific and practical conference, on December, 15–17, 2015 [Информационное поле современной России: практика и эффекты : сб. ст. XII междунар. науч.-практ. конф., 15–17 дек. 2015–г.] / under the editorship of R. P. Bakanov. Kazan, 2015. P. 412–422. (rus)
2. Korochensky A. P. *World journalism: history, theory, practice* [Мировая журналистика: история, теория, практика]. Belgorod : Publishing house of Belgorod State Institute of Culture [Izd-vo BGIK], 2015. (rus)
3. Starovoytova O. R. *Competence-based approach to training of specialists for school libraries* [Компетентностный подход к подготовке специалистов для школьных библиотек] // School library [Shkol'naya biblioteka]. 2007. N 6–7. P. 56–61. (rus)
4. Fedorov A. V. *Media education* [Медиаобразование] // Grate Russian Encyclopedia [Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya]. V. 17. M. : 2012. P. 480. (rus)
5. Fedorov A. V., Novikova A. A. *Media education in the USA: methodical approaches* [Медиаобразование в США : методические подходы] // USA and Canada: Economy — Policy — Culture [SShA i Kanada: Ekonomika — Politika — Kul'tura]. 2006. N 1. P. 110–119. (rus)

Анализ социальной эффективности инвестиций в коммерческие проекты

Ковалев Николай Васильевич

ЕУ

Кафедра экономики и управления в сфере услуг Санкт-Петербургского государственного экономического университета
nickkovalev@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается понятие социальной эффективности инвестиций и способы ее оценки. Анализируется возможность применения критерия социальной эффективности к сугубо коммерческим проектам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

социальная эффективность инвестиций, SROI, социальный доход, социальная ценность

Kovalev N. V.

Analysis of the Social Efficiency of Commercial Projects Investments

Kovalev Nikolay Vasilyevich

ЕУ

Department of Economics and Management in the service sector Saint-Petersburg State Economic University
(Russian Federation)
nickkovalev@mail.ru

ABSTRACT

The article examines the concept of social efficiency of investments and methods to evaluate that social efficiency. The possibility of applying the criterion of social efficiency to purely commercial projects is analyzed.

KEYWORDS

social efficiency of investments, SROI, social value

В российских и иностранных исследованиях, посвященных социальной эффективности инвестиций, основной упор делается на анализ непосредственно социальных инвестиций, направленных исключительно на социальные цели, либо на анализ социально-экономических инвестиций, с четко выраженным социальным аспектом [1, 3, 5, 7]. При этом необходимость в таком анализе выявляется в основном у предприятий «третьего сектора» экономики¹. В то же время возможное влияние такого анализа на сугубо коммерческую деятельность практически не рассматривается. С точки зрения автора, анализу социальной эффективности инвестиций в коммерческие проекты уделено недостаточно внимания.

В настоящее время одним из наиболее популярных способов оценки социальной эффективности инвестиций является расчет показателя SROI (англ. Social Return on Investment), который именуют «социальная эффективность инвестиций», «социальный возврат на инвестиции», «социальная отдача от инвестиций» и др. SROI базируется на концепции определения и учета ценности, создаваемой или уничтожаемой в результате какой-либо деятельности. При этом понятие ценности оказывается

---

¹«Третий сектор» — это понятие, обобщающее в себе весь спектр существующих некоммерческих организаций. В одних странах их называют неправительственными, в других — общественными, в третьих — добровольными, благотворительными, неприбыльными.

гораздо шире величины, рассчитываемой с помощью рыночных цен. Цель SROI — повысить уровень благосостояния людей посредством учета ценности в ее наиболее широком смысле.

Впервые концепция SROI была представлена американским фондом Roberts Enterprise Development Fund (REDF)¹. Впоследствии она была доработана компанией New economics foundation (Nef)², а в 2005 г. международное сообщество The SROI Network³ согласовало единую методику анализа социальной эффективности [7], которая включает три вида дохода [3]:

1. Экономический доход, включающий все финансовые поступления от определенного проекта или организации.
2. Социально-экономический доход, являющийся экономией государства или общества при отказе от социальных трансфертов, а также увеличением личных доходов и налоговых поступлений при потреблении.
3. Социальный доход (социальная ценность) представляет собой менее ощутимые эффекты, например, такие как увеличение самоудовлетворения, повышение самооценки и личной независимости, а также уровня знаний и навыков.

Величины этих доходов выражаются в денежном, количественном или качественном виде. При этом несмотря на то, что два последних аспекта являются очень важными характеристиками концепции SROI, именно монетизация показателей играет доминирующую роль. Такую монетизацию, особенно в отношении социального дохода, очень сложно провести по всем его показателям, поэтому учет социального дохода методологически является более сложным процессом, чем учет экономического дохода.

Изначально концепция SROI разрабатывалась в большей степени для благотворительных организаций. Однако ее использование при разработке и анализе коммерческих проектов также может быть полезно. Например, для организаций из государственного сектора или с государственным участием, а также для организаций коммерческого сектора в случае необходимости прохождения общественных слушаний, экспертиз, при получении различных видов государственной поддержки, для организации или увеличения эффективности программ корпоративной социальной ответственности, при построении взаимоотношений с клиентами, контрагентами и персоналом.

О применении концепции SROI в коммерческих организациях говорится, например, в [2, 4, 5, 6], однако такое применение касается в основном сугубо социальных проектов. О возможном положительном эффекте использования SROI при анализе рисков воздействия бизнеса на общество или определении возможных путей выстраивания своих бизнес-целей в соответствии с целями общества в целом, который в свою очередь может привести к созданию возможностей для появления новых или улучшенных товаров и услуг, упоминается в [5].

Задача SROI — как можно точнее оценить создаваемую или теряемую стоимость, таким образом, в центре концепции SROI лежит оценка, инструментом которой выступает монетизация [7]. Инструмент SROI позволяет сопоставить позитивные социальные эффекты (в денежном эквиваленте), полученные от реализации отдельных инвестиционных проектов или ведения деятельности компании в целом, с соответствующими затратами всех заинтересованных сторон на эти проекты или деятельность.

Стоит отметить, что измерение социального дохода рыночными стоимостями воспринимаемых выгод (например методом contingent valuation — анализом субъ-

¹ Сайт: <http://redf.org/>

² Сайт: <http://www.neweconomics.org/>

³ Сайт: <http://www.thesroinetwork.org/>

активной оценки готовности платить или получать компенсацию за изменение какого-либо социального показателя в лучшую или худшую сторону соответственно) возможно только в случае, если рынок позволяет провести оценку воздействия всех факторов на всех заинтересованных лиц. Достичь этого сложно, но чрезвычайно важно. Именно из-за этой сложности и отсутствия точного метода учета социальных доходов логичным представляется расчет показателя SROI отдельно от расчета основных финансовых показателей.

Существуют трудности при определении рыночной стоимости, как наиболее вероятной цены, по которой товар или услуга могут быть проданы на открытом рынке¹, при отсутствии этого рынка как такового. Потенциал широкого использования стандартизированного анализа SROI состоит в том, что со временем рыночные цены могут начать отражать истинную ценность и стоимость социальных воздействий, либо будет создан соответствующий рынок для единиц социального воздействия, позволяя более точно определять социальный доход.

В некоторых источниках концепция SROI подвергается обоснованной критике [8]. В основном эта критика связана с невозможностью денежного выражения многих видов социального эффекта. Отмечается, что поскольку не существует единой прозрачной методики монетизации социальных эффектов, метод SROI не дает полноценной возможности для сравнения различных проектов. Кроме того, при использовании SROI возможно оппортунистическое поведение аналитиков, вследствие чего показатель эффективности может быть искажен. В то же время, стоит отметить, что концепция SROI по своей сути не предназначена для определения метода измерения. Хотя процесс проведения анализа SROI и требует измерения результатов, сама по себе эта концепция не отвечает на вопрос, как эти измерения должны быть сделаны. Указываются лишь основные принципы того как это должно быть сделано.

Гораздо чаще в различных исследованиях, посвященных концепции SROI, встречаются описания ее положительных характеристик. Анализ SROI несет в себе ряд существенных преимуществ, отмеченных, в том числе в [1, 7], среди которых есть преимущества, необходимые не только в «третьем секторе»:

- возможность принятия более эффективных решений. В случае использования концепции SROI для планирования, фокусирование внимания на влиянии на заинтересованные стороны, а также вовлечение их в анализ может помочь определить мероприятия с наиболее сильным синергетическим эффектом и увеличить планируемый социальный доход. Монетизация показателей позволяет заранее оценить результат при смене стратегии и определить лучшую стратегию с точки зрения социального дохода;
- ясность в управлении. Анализ SROI позволяет заранее оценить последствия каких-либо действий и сформулировать последующие необходимые шаги. Он также полезен при сценарном анализе или анализе чувствительности;
- простота использования результатов. Монетизация показателей позволяет сравнивать результаты анализа SROI с данными финансового и управленческого учета. Таким образом, можно сделать вывод, что анализ социальной эффективности инвестиций и анализ SROI в частности может использоваться самым широким кругом организаций, которые:
  - создают экономический, социально-экономический и социальный доход. Для них концепция SROI может использоваться как инструмент управления при прогнозировании, отслеживании расходов и улучшении показателей, выделении добавленной стоимости;

¹ Полное определение рыночной стоимости представлено в Федеральном законе «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» № 135-ФЗ.

- приобретают экономический, социально-экономический и социальный доход. Концепция SROI может использоваться как способ объективно оценить условия сделки. Она также может быть полезна при проведении тендеров и конкурсов;
- стремятся лоббировать свои интересы, воздействуя на общество через создание социального дохода.

Литература

1. Ситников А. П. Методы оценки эффективности инвестиций в социально экономические проекты // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2010. № 3(65).
2. Carroll A. Corporate Social Responsibility. In Visser W., Matten D., Pohl M. & Tolhurst N. (Eds.). The A to Z of corporate social responsibility: A complete reference guide to concepts, codes and organizations. Chichester : Wiley, 2008.
3. Krlev G., Dr. Munscher R., Mulbert K. Social Return on Investment (SROI): State-of-the-Art and Perspectives. A Meta-Analysis of practice in Social Return on Investment (SROI) studies published 2002–2012. 2013.
4. Maas K. Corporate Social Performance: From Output Measurement to Impact Measurement. Doctoral Thesis. Rotterdam : Erasmus University Rotterdam, 2009.
5. Nicholls J., Lawlor E., Neitzert E., Goodspeed T. A guide to Social Return on Investment. 2012.
6. Porter M., Kramer M. Strategy & Society: The Link Between Competitive Advantage and Corporate Social Responsibility. Harvard Business Review. 2006.
7. Scholten P., Nicholls J., Olsen S., Galimidi B. Social return on investment. A guide to SROI analysis. 2006.
8. Tuan M. T. Measuring and/or Estimating Social Value Creation: Insights into eight integrated cost approaches. Bill & Melinda Gates Foundation. 2008.

References

1. Sitnikov A. P. Socio-economic projects effectiveness assessment methods [Metody otsenki effektivnosti investitsii v sotsial'no ekonomicheskie proekty] // Bulletin of Samara State University of Economics [Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2010. N 3(65). (rus)
2. Carroll A. Corporate Social Responsibility. In Visser W., Matten D., Pohl M. & Tolhurst N. (Eds.), The A to Z of corporate social responsibility: A complete reference guide to concepts, codes and organizations. Chichester : Wiley, 2008.
3. Krlev G., Dr. Munscher R., Mulbert K. Social Return on Investment (SROI): State-of-the-Art and Perspectives. A Meta-Analysis of practice in Social Return on Investment (SROI) studies published 2002–2012. 2013.
4. Maas K. Corporate Social Performance: From Output Measurement to Impact Measurement. Doctoral Thesis. Rotterdam ^ Erasmus University Rotterdam, 2009.
5. Nicholls J., Lawlor E., Neitzert E., Goodspeed T. A guide to Social Return on Investment. 2012.
6. Porter M., Kramer M. Strategy & Society: The Link Between Competitive Advantage and Corporate Social Responsibility. Harvard Business Review. 2006.
7. Scholten P., Nicholls J., Olsen S., Galimidi B. Social return on investment. A guide to SROI analysis. 2006.
8. Tuan M. T. Measuring and/or Estimating Social Value Creation: Insights into eight integrated cost approaches. Bill & Melinda Gates Foundation. 2008.

К вопросу об историографии электрификации СССР 1920–1930-х годов

Лушин Александр Иванович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры истории и политологии
Доктор исторических наук
lushinai@mail.ru

Авданин Владимир Владимирович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Аспирант кафедры истории и политологии

РЕФЕРАТ

В статье осуществлен анализ научной литературы, посвященной электрификации СССР в 1920-х — начале 1930-х годов, показаны основные направления в развитии отечественной и зарубежной историографии по данному вопросу. Большинство работ отечественных исследователей о нэпе и индустриализации не содержат упоминаний о планах комплексной электрификации промышленности и сельского хозяйства. В этой связи авторы статьи анализируют основополагающую роль электрификации в развитии экономики страны. Они отмечают, что за гранью научного анализа в российской историографии остался целый комплекс проблем, связанных с репрессивной политикой государства в отношении работников энергетической отрасли, с поиском участников «троцкистского заговора» на предприятиях энергетики в начале 1930-х годов. Актуальность статьи заключается в том, что проблемы развития энергетического комплекса в СССР, имевшие место на рубеже 1930-х годов, с новой остротой возникли в современной энергетической отрасли России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

историография, электрификация, энергетика, электростанция, план, Государственная комиссия по электрификации России (ГОЭЛРО), Генеральный план электрификации СССР, Госплан СССР, пятилетний план, нэп, индустриализация

Lushin A. I., Avdanin V. V.

On a Question of a Historiography of Electrification of the USSR 1920–1930 Years

Lushin Alexander Ivanovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of History and Political Science
Doctor of Science (History), Professor
lushinai@mail.ru

Avdanin Vladimir Vladimirovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Graduate student of the Chair of History and Political Science

ABSTRACT

This article deals with an analysis of research literature focused on the electrification of the country in the 1920s — early 1930s and the main directions in the development of foreign and domestic historiography on the given subject. Most sources on the New Economic Policy (NEP) and industrialization do not mention the plans of comprehensive electrification of industry and agriculture. In this respect, the article analyzes the fundamental role of electrification in the country's development. Despite the prevailing opinion in the literature that the high industrial potential of pre-revolutionary Russia was the critical factor in the electrification of the country, the article demonstrates the de-

termining role of the executive corps. Because the entire array of issues related to the repressive politics of the government toward technical specialists and executives in the energy field has remained outside of the scientific analysis in Russian historiography, the article addresses questions concerning the mass use of prison labor during the construction of energy facilities and the search for participants in the subversive conspiracy at the energy enterprises in the early 1930s. The significance of the article consists in the fact that the challenges in the development of the energy complex in the USSR at the turn of the 1930s have emerged with new intensity in the contemporary energy sector of Russia.

KEYWORDS

historiography, electrification, energy sector, power station, State Committee for the Electrification of Russia (GOELRO), general plan of electrification of the USSR, State Planning Committee of the USSR (Gosplan), five-year plan, NEP, industrialization

---

Анализ отечественной историографии позволяет сделать вывод о том, что несмотря на наличие значительного количества работ, посвященных электрификации страны, далеко не все ее аспекты представлены должным образом. Являясь комплексной научной проблемой, электрификация России требует более всестороннего подхода к своему рассмотрению. Основная часть исследователей, занимавшихся изучением ее истории, ограничивались, как правило, рассмотрением лишь отдельных ее аспектов, не затрагивая проблему в целом.

Вместе с реализацией плана ГОЭЛРО, начиная с 1930-х годов, в стране начала формироваться источниковедческая база по итогам выполнения плана и истории электрификации.

Исследование электрификации страны в довоенный период условно можно разделить на два основных аспекта: изучение истории разработки первых планов электрификации (планов ГОЭЛРО, Генплана электрификации, пятилетних планов), которые одновременно являлись и первыми планами экономического развития СССР, и процесса реализации этих планов, с учетом всех особенностей социально-экономических условий и научно-технических достижений в 1920-х — начале 1930-х годов.

Степень исследования этих аспектов оказалась в советской историографии неодинаковой. Наиболее изученной оказалась история осуществления электрификации, наименее — разработка планов, связанная с ней полемика и изучение комплекса проблем электрификации (социальные, экономические и научно-технические). Такое положение можно объяснить тем, что для исследователей благодаря «усилиям» советской цензуры долгое время были доступны только отдельные первые работы энергетиков и экономистов, участников разработки плана ГОЭЛРО. Документы, связанные с массовыми репрессиями в энергетической отрасли в начале 1930-х годов, до сих пор отсутствуют в открытом доступе. С другой стороны, ограниченный подход к изучению проблемы, характерный для того периода, вполне объясним, поскольку исторический отрезок времени, в продолжение которого осуществлялась электрификация, являлся еще незначительным, и многие процессы, связанные с ней, находились в стадии зарождения и становления. Тем не менее работы участников составления плана ГОЭЛРО (Г. М. Кржижановский, И. Г. Александров, Д. Г. Жимерин), относящиеся к 1920-м и началу 1930-х годов, внесли существенный вклад в изучение проблемы электрификации.

В их работах содержатся данные о состоянии экономики страны в 1920-х годах, о путях перестройки его технико-экономических основ, о создании первых электрических станций. Однако в них практически отсутствуют сведения о применяемых методах управления, о повсеместном использовании низкопроизводительного труда армии заключенных, об условиях их труда и быта, о социально-экономических последствиях электрификации страны.

Для советской историографии характерным является рассмотрение индустриализации и новой экономической политики в отрыве от изучения планомерной электрификации страны. В своем большинстве исследования о нэпе и индустриализации не содержат даже упоминаний о планах комплексной электрификации страны.

Следует отметить, что электрификация СССР не ограничивается только планом ГОЭЛРО. Она являлась непрерывным процессом, лежащим в основе технического и экономического развития страны. За планом ГОЭЛРО последовали Генеральный план электрификации СССР, пятилетние планы комплексного развития народного хозяйства, каждый из которых содержал программу энергетического строительства, безусловно превосходящую план ГОЭЛРО по масштабам решаемых задач.

На смену плану ГОЭЛРО, выполненному по основным показателям, но не выполненному по второстепенным, пришел пятилетний план, а вслед за тем амбициозный генеральный план электрификации. Преемственность планов внешне сохранялась. Действительно, основные направления развития электрификации в годы первой пятилетки (централизация выработки электроэнергии, создание единой эксплуатационной службы, использование местных энергетических ресурсов) были заимствованы из плана ГОЭЛРО.

В отечественной историографии реализации плана ГОЭЛРО до настоящего времени не раскрыт вопрос о том, что же заставило ведущих российских энергетиков, которые в большинстве своем не были сторонниками революции, взаимодействовать с большевиками. На этот счет существуют различные точки зрения исследователей. Критически относясь к новой власти, руководители плана, вероятно, считали, что власть большевиков — это временное явление. Были среди них и те, которые являлись не только патриотами своей страны, но и технократами, в течение долгих лет не имевшими возможности воплотить свои идеи в жизнь. Возможность реализовать давно разработанные проекты сыграла решающую роль в их выборе. После выполнения плана во второй половине 1930-х годов большинство руководителей проекта были репрессированы, в том числе по обвинению в троцкизме.

Стремясь к широкой популяризации идей электрификации, В. И. Ленин предложил И. И. Скворцову-Степанову написать книгу, чтобы раскрыть в ней все стороны электрификации с целью «увлечь массу рабочих и сознательных крестьян великой программой на 10–20 лет» [11, с. 8]. Поручение было выполнено, работа написана, и в 1923 г. в Москве она увидела свет. Автором была раскрыта сущность новой экономической политики, раскрыта суть общего плана восстановления народного хозяйства и роль в нем плана ГОЭЛРО. Рассматривая вопрос о своевременности планов и осуществления электрификации России при имеющихся в стране ресурсах, И. И. Скворцов-Степанов отмечал, что «представления о плане электрификации очень туманны и по большей части ошибочны, ибо в них электрификация является жесткой, окончательной программой, по которой, ни с чем не считаясь, надо быстро и решительно ломать все наши экономические отношения... Ценность плана электрификации и состоит в том, что он должен мыслиться не обособленно от плана восстановления нашего хозяйства, а в неразрывной связи с ним» [15, с. 136]. Таким образом автор, выражая официальную точку зрения, подчеркивал роль использования электроэнергии в создании новых производительных мощностей, в формировании новых общественных отношений и в тех социально-исторических изменениях, которые должны были произойти благодаря электрификации.

Завершение работ в 1931–1935 гг., предусмотренных планом ГОЭЛРО, дало возможность проанализировать многие его положения, в дальнейшем акцентировать внимание на комплексе содержащихся в нем вопросов. Технический прогресс, вызванный бурными темпами первых пятилеток, потребовал дальнейшего всестороннего изучения и развития технико-экономических принципов, лежащих в осно-

ве плана ГОЭЛРО. В связи с этим статьи, появившиеся в середине 1930-х годов, рассматривали технико-экономические стороны плана ГОЭЛРО.

Наиболее характерной в этой связи является работа Э. Ратнера, в которой раскрыта роль электрификации в технико-экономических преобразованиях народного хозяйства в годы первой пятилетки [13]. Приводимые автором данные из заданий плана ГОЭЛРО сравнивались с заданиями пятилетки, что подчеркивает преимущество первого пятилетнего плана по отношению к плану ГОЭЛРО.

Большой объем фактического материала по истории создания плана ГОЭЛРО и его реализации содержится в сборниках, периодической печати, монографиях, посвященных юбилеям плана ГОЭЛРО. В них рассматриваются главные стратегические направления развития электроэнергетики. Подчеркивается важная особенность электростроительства в период 1920-х годов: энергетики и инженеры с самого начала реализации плана ГОЭЛРО работали в сложнейших условиях, когда почти все оборудование для районных электростанций приходилось приобретать за границей. Изучая зарубежный опыт, специалисты обеспечивали проектирование и строительство ТЭС и ГЭС на высоком техническом уровне [7].

Во многих статьях создателей плана и строителей объектов электроэнергетики в периодической печати дана научно-техническая оценка строительства первых районных станций как первых лабораторий научно-исследовательской мысли отечественной электроэнергетики, подтверждена научность и обоснованность программы электрификации, ее технико-экономических принципов. Авторами справедливо отмечается, что горький опыт технологической зависимости был учтен в детальной программе по замещению импортных комплектующих в составе генплана электрификации. На основе обобщения опыта по сжиганию низкосортных видов топлива при заказе оборудования иностранным фирмам, советские теплотехники, выдавая технические задания, являлись инициаторами новых решений, положивших начало созданию рациональных котельных агрегатов, мощных паровых котлов [8].

Работы Г. М. Кржижановского, С. А. Кукель-Краевского, В. И. Межлаука, С. Г. Струмилина, И. Г. Александрова и др. по проблемам текущего и перспективного планирования, путей и методов осуществления плана ГОЭЛРО содержат много ценных указаний и разработок по методологии планирования перспективного развития тепло- и электроэнергетики.

В послевоенный период наиболее обобщенный материал по истории создания плана и его выполнению был представлен в ряде монографий И. А. Гладкова [4], в которых приведен подробный анализ технико-экономического планирования, положенного в основу программы работы комиссии ГОЭЛРО, анализ этапов составления плана, его основных задач, принципиальная критика противников плана ГОЭЛРО. Автором раскрыты многие аспекты решения задач, сформулированных в плане, в частности, показана история разработки отечественных аналогов энергетического оборудования с целью замещения оборудования иностранного производства, история строительства отдельных теплоэлектростанций, также рассмотрены вопросы управления электроэнергетической отраслью. Отдельно проанализированы вопросы создания собственной материально-технической базы электрификации.

Значительный интерес представляют работы старейшего автора по истории электрификации В. Ю. Стеклова, который систематически обращался к анализу итогов выполнения плана электрификации [16]. Ценный материал по истории электрификации содержится в работах известного энергетика Д. Г. Жимерина, где электрификация рассматривается как основа развития производительных сил и технического прогресса, показана роль электроэнергетики в индустриализации страны [5].

В монографии Л. М. Гатовского представлен анализ научно-технического прогресса в электроэнергетике, подчеркивается, что необходимость учета долгосрочной перспективы коренится в самой природе науки и техники [3].

Интересный материал по проблемам истории развития технико-экономических принципов электроэнергетики содержится в работах М. А. Виленского, который уделяет значительное внимание методологическим вопросам экономики электроэнергетики [2].

Осуществлению электрификации посвящены многие работы видного энергетика страны П. С. Непорожного [12], в которых он уделяет большое внимание обобщению итогов выполнения плана ГОЭЛРО, теоретическим проблемам развития методологии технико-экономических принципов электроэнергетики на современном этапе и в перспективе в условиях научно-технической революции. Автор обосновал вывод о том, что электроэнергетика — одно из основных звеньев научно-технического прогресса в условиях научно-технической революции, что основные принципы развития электроэнергетики остаются ведущими стратегическими направлениями технической политики.

В целом в советской историографии электрификации страны большое внимание уделено принципам и темпам развития электроэнергетики, организации и структуре электромашиностроения.

Однако, несмотря на значительное количество работ по развитию электроэнергетики в СССР, в литературе преобладает тенденция замалчивания или преуменьшения результатов развития гидроэнергетики в довоенный период. Следует отметить, что не только в литературе довоенного периода, но и в работах авторов постсоветского времени отсутствует анализ значительных экономических сдвигов в период реализации плана ГОЭЛРО.

В современной российской историографии, тем не менее, достаточно подробно рассмотрены вопросы подготовки профессиональных кадров в ходе реализации плана ГОЭЛРО, представлен анализ использования зарубежного опыта советскими энергетиками.

Так, М. Г. Меерович и Д. А. Хмельницкий рассматривают вопрос организации подготовки специалистов по проектированию энергетических объектов [10]. Авторы отмечают, что для получения опыта проектирования промышленных объектов в 1927–1928 гг. значительное число советских инженеров было направлено в командировки за рубеж. В соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 августа 1928 г. в 1929–1930 гг. планировалось привлечь от 1 до 3 тыс. иностранных специалистов. Замысел создания «образцовой» проектной конторы с функцией «учебно-производственного предприятия» при участии иностранцев получил воплощение в Госпроектстрое. Исследование авторов дает представление о том, что иностранцы не умели участвовать в «авралах» и «ускоренном перевыполнении плана», не хотели привыкать к бесхозности, к нерациональной организации проектных работ, были неспособны понять причины слепого подчинения указаниям парторга проектной мастерской, а не решениям главного инженера. Экономия на заработной плате, практиковавшаяся в Госпроектстрое, привела к отъезду из страны значительной части иностранных специалистов в 1932–1934 гг. Официальная «программа индустриализации» рассматривается авторами как программа создания военно-промышленного комплекса страны, которая не имела прямого отношения к экономическим потребностям населения страны.

До настоящего времени слабо изучен вопрос «троцкистского заговора» и «вредительства» в энергетической отрасли в конце 1920-х — начале 1930-х годов. В историографии периода доминирует мнение, что так называемое «вредительство» — надуманный предлог для обвинений невинных людей в ходе массовых «сталинских репрессий». Такая позиция является следствием идеологической установки советского руководства, принятой после смерти И. Сталина в отношении трагических результатов жестокой внутрипартийной борьбы первых десятилетий советской власти. Объективный анализ этой проблемы в литературе не представ-

лен. Архивные источники по данной проблематике до сих пор отсутствуют в открытом доступе, что не позволяет исследователям ознакомиться с многими тысячами судебных дел.

Таким образом, за гранью научного анализа в отечественной историографии остался целый комплекс проблем, связанных с репрессивной политикой государства в отношении технических специалистов и директорского корпуса. Поэтому не удивительно, что именно в зарубежной русистике начали оформляться основные методологические подходы и концепции в области истории подготовки и деятельности технических специалистов и руководителей советской промышленности и энергетики, которые впоследствии стали активно заимствоваться и развиваться уже в отечественной постсоветской историографии.

Постоянный партийный и государственный контроль за развитием советской исторической науки во многом сдерживал совершенствование ее теоретико-методологического инструментария, способствовал ограничению тематики исследований, преобладанию статистических подсчетов над качественным анализом, известной предопределенности выводов.

Историография энергетического строительства в последние десятилетия дополнена целым рядом работ, посвященных вопросам применения труда заключенных. Так, например, в сборнике «Заключенные на стройках коммунизма. ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР» публикуются новые материалы о применении труда заключенных на строительстве объектов электроэнергетики в СССР в 1930-е — начале 1950-х годов [17]. В последние годы опубликованы документы НКВД, МВД, Совета министров и Прокуратуры СССР, характеризующие общие показатели и тенденции развития энергетики в целом и строительства отдельных объектов. Отражена история восстановления и возведения силами заключенных под управлением НКВД и личным контролем Л. П. Берию более 160 объектов энергетики. Новые материалы дают представление о масштабах труда советских заключенных, как правило, обреченных на смерть на многочисленных «стройках коммунизма».

Зарубежные исторические исследования, посвященные развитию советского общества 1920–1930-х годов, по своей структуре и тематике отличаются от отечественных научных работ. Они преимущественно рассматривают положение и роль различных политических, социальных и профессиональных групп, в том числе технических специалистов и директоров энергетических предприятий. Для многих исследователей является характерной позиция классического тоталитарного подхода к анализу советской довоенной действительности. Зарубежная историография, в отличие от советской, пытается найти ответы на многие вопросы, в том числе на вопрос о пополнении номенклатуры из числа инженеров как одной из самых устойчивых традиций кадровой политики советского руководства, начиная с 1930-х годов.

В 1950-е годы в США вышли несколько работ, посвященных директорскому корпусу и инженерно-техническому персоналу советских предприятий промышленности и энергетики [18]. Их авторы указали на существование скрытого сопротивления советского директорского корпуса экономической политике советского правительства в 1930-е годы, выражавшегося в занижении производственных мощностей, противодействии повышению эффективности производства, сокрытию аварий и брака и т. п. В частности, обращено внимание на значительную степень самостоятельности советских директоров, на создание ими на предприятиях собственных маленьких империй. В советских условиях директору приходилось быть, прежде всего, предпринимателем, руководствоваться собственными инициативой и здравым смыслом, чтобы выполнять противоречивые требования и приказы, нарушать различные правила ради поддержания работы своего завода. Отмечено, что массовое использование директорами предприятий в течение всей советской истории незаконных приемов (увеличение различного рода резервов на предприятии, стремление занижить плановые

показатели, симулирование выполнения планов, использование личных связей) вызвано невозможностью качественного выполнения завышенных плановых заданий, неудовлетворительным снабжением производственными и финансовыми ресурсами и берет свое начало в период индустриализации. По мнению ряда исследователей, государство было вынуждено мириться с подобной неформальной практикой, лишь удерживая ее в приемлемых границах, для того, чтобы не разрушить всю экономическую систему [19]. Подобные исследования противоречили многим общепринятым за рубежом представлениям о советской экономической и политической системе, как и многим положениям тоталитарной схемы.

В иностранной историографии в 1970-х годах появилось новое направление как ответ на неспособность тоталитарной концепции удовлетворительно объяснить советскую историю. Часть зарубежных исследователей подошли к предмету своего исследования как социальные историки, стремясь к пониманию исторического процесса как результата взаимодействия социальных сил, решительно отвергая концепцию всемогущего советского государства [14].

Таким образом, в 1970-е годы в зарубежной историографии советской индустриализации наметился отход от тоталитарной модели. Это позволило показать социально-экономическую подоплеку действий советского правительства, которые рассматривались теперь не как беспричинные проявления абсолютной власти, а как ответ на проблемы социального порядка.

Таким образом, социально-политическая ситуация в СССР в 1930-х годах в современной западной историографии рассматривается как борьба государства против множества частных интересов, саботирующих государственный курс на форсированную индустриализацию, причем это был не только конфликт между государством и обществом, но и между различными органами и уровнями государственной власти, между элитами. Внутрипартийная борьба означала отсутствие тотального контроля не только за обществом, но и за государственным аппаратом, расколотом в борьбе за власть на два непримиримых лагеря.

В зарубежной и постсоветской российской историографии доминирует единое мнение о том, что составление и выполнение плана ГОЭЛРО стало возможным исключительно благодаря значительному промышленно-экономическому потенциалу дореволюционной России, высокому уровню ее научно-технической школы, сосредоточению в одних руках всей экономической и политической власти, а также традиционному соборно-общинному менталитету российского народа и его послушно-доверительному отношению к верховным правителям.

В противовес данному мнению необходимо привести следующие слова, которые на современном историографическом фоне данной проблемы позволяют рассмотреть ее под другим историческим углом зрения.

В предисловии к своему труду, трезво оценивая его, работники ГОЭЛРО писали: «За нами придут другие люди, которые в более спокойное время с более совершенным запасом сил и средств смогут продолжить наш научный анализ, исправить наши ошибки и развернуть более широкие перспективы. Нам же приходилось работать в трудное время, и мы с глубокой болью ощущали те удары, которые направлялись против трудящихся нашей Родины со всех концов враждебного мира... Наша работа — только начало» [8].

Литература

1. *План электрификации РСФСР. Доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России.* М. : Государственное издательство политической литературы. 1955. С. 663.
2. *Виленский М. А. Экономические проблемы электрификации СССР.* М., 1975. С. 200.

3. Гатовский Л. М. Экономические проблемы научно-технического прогресса. М., 1971. С. 374.
4. Гладков. И. А. От плана ГОЭЛРО к плану шестой пятилетки. М., 1956. С. 351.
5. Жимерин Д. Г. История электрификации СССР. М., 1962. С. 80.
6. Зvezdin З. К. От плана ГОЭЛРО к плану первой пятилетки. (Становление социалистического планирования в СССР). М., 1979. С. 269.
7. Зелёв М. В. Сталинские инженеры и хозяйственники в зарубежной историографии // Известия ПГПУ. 2012. № 27. С. 638–647.
8. Кржижановский Г. М. К 35-летию плана ГОЭЛРО // План электрификации РСФСР. Доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. М. : Государственное издательство политической литературы. 1955. С. 5–10.
9. Кржижановский Г. М. Вредительство в энергетике. Доклад на заседании секции техники Комакадемии 19/XI 1930 г. // Плановое хозяйство. 1930. № 10–11. С. 5–26.
10. Меерович М. Г., Хмельницкий Д. А. Американские и немецкие архитекторы в борьбе за советскую индустриализацию // Вестник Евразии. 2005. № 2(28). С. 92–123.
11. Некрасова И. М. Основные аспекты электрификации СССР в советской историографии // Историографический ежегодник. М., 1973. С. 408.
12. Непорожний П. С. Принципы плана ГОЭЛРО и развитие энергетики // Вопросы истории. 1970. № 12. С. 3–9.
13. Ратнер Э. И. Ленинский план электрификации в действии. Итоги первой пятилетки. М. : Партиздат, 1933. С. 64.
14. Розенберг У. Г. История России конца XIX — начала XX века в зеркале американской историографии. М., 1996. С. 8–28.
15. Скворцов-Степанов И. И. Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства. М., Л., 1923. С. 352.
16. Стеклов В. Ю. К 50-летию плана ГОЭЛРО. М., 1970. С. 14.
17. Заключенные на стройках коммунизма. ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР. Собрание документов и фотографий. М., 2008. С. 448.
18. Granick D. The Management of the Industrial Firm in the USSR. New York, 1954.
19. Berliner J. S. Factory and Manager in the USSR. Cambridge (Mass.), 1957.

References

1. Plan of electrification of RSFSR. Report to the VIII congress of Councils of the State Commission on electrification of Russia [Plan elektrifikatsii RSFSR. Doklad VIII s"ezdu Sovetov Gosudarstvennoi Komissii po elektrifikatsii Rossii]. М. : State publishing house of political literature [Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury]. 1955. P. 663. (rus)
2. Vilensky M. A. *Economic problems of electrification of the USSR* [Ekonomicheskie problemy elektrifikatsii SSSR]. М., 1975. P. 200. (rus)
3. Gatovsky L. M. *Economic problems of scientific and technical progress* [Ekonomicheskie problemy nauchno-tekhnicheskogo progressa]. М. : 1971. P. 374. (rus)
4. Gladkov. I. A. *From the GOELRO plan to the plan of the sixth five-year period* [Ot plana GOELRO k planu shestoi pyatiletki]. М., 1956. P. 351. (rus)
5. Zhimerin D. G. *History of electrification of the USSR* [Istoriya elektrifikatsii SSSR]. М., 1962. P. 80. (rus)
6. Zvezdin Z. K. *From the GOELRO plan to the plan of the first five-year period (Formation of socialist planning in the USSR)* [Ot plana GOELRO k planu pervoi pyatiletki (Stanovlenie sotsialisticheskogo planirovaniya v SSSR)]. М., 1979. P. 269. (rus)
7. Zelyov M. V. *Stalin engineers and executives in a foreign historiography* [Stalinskie inzhenery i khozyaistvenniki v zarubezhnoi istoriografii] // News of PSPU [Izvestiya PGPU]. 2012. N 27. P. 638–647. (rus)
8. Krzhizhanovsky G. M. *To the 35 anniversary of the GOELRO, plan* [K 35-letiyu plana GOELRO] // Plan of electrification of RSFSR. Report to the VIII congress of Councils of the State Commission on electrification of Russia [Plan elektrifikatsii RSFSR. Doklad VIII s"ezdu Sovetov Gosudarstvennoi Komissii po elektrifikatsii Rossii]. М. : State publishing house of political literature [Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury]. 1955. P. 5–10. (rus)
9. Krzhizhanovsky G. M. *Wrecking in an energy. The report at a meeting of section of equipment of Komacademy on 19/XI 1930* [Vreditel'stvo v energetike. Doklad na zasedanii sektsii tekhniki Komakademii 19/XI 1930 g.] // Planned economy [Planovoe khozyaistvo]. 1930. N 10–11. P. 5–26. (rus)

10. Meerovich M. G., Khmelnytsky D. A. *The American and German architects in fight for the Soviet industrialization* [Amerikanskie i nemetskie arkhitektory v bor'be za sovetskuyu industrializatsiyu] // *Messenger of Eurasia* [Vestnik Evrazii]. 2005. N 2 (28). P. 92–123. (rus)
11. Nekrasova I. M. *The main aspects of electrification of the USSR in the Soviet historiography* [Osnovnye aspekty elektrifikatsii SSSR v sovetskoi istoriografii] // *Historiographic year-book* [Istoriograficheskii ezhegodnik]. M., 1973. P. 408. (rus)
12. Neporozhniy P. S. *Principles of the GOELRO plan and development of power* [Printsiipy plana GOELRO i razvitie energetiki] // *History Questions* [Voprosy istorii]. 1970. N 12. P. 3–9. (rus)
13. Ratner E. I. *Lenin plan of electrification in operation. Results of the first five year period* [Leninskii plan elektrifikatsii v deistvii. Itogi pervoi pyatiletki]. M. : Partizdat, 1933. P. 64. (rus)
14. Rosenberg U. G. *History of Russia of the end XIX — the beginning of the XX century in a mirror of the American historiography* [Istoriya Rossii kontsa XIX — nachala XX veka v zerkale amerikanskoi istoriografii]. M. : 1996. P. 8–28. (rus)
15. Skvortsov-Stepanov I. I. *Electrification of RSFSR in connection with a transitional phase of the world economy* [Elektrifikatsiya RSFSR v svyazi s perekhodnoi fazoi mirovogo khozyaistva]. M., L., 1923. P. 352. (rus)
16. Steklov V.Yu. *To the 50 anniversary of the GOELRO plan* [K 50-letiyu plana GOELRO]. M., 1970. P. 14. (rus)
17. *Prisoners on buildings of communism. GULAG and objects of power in the USSR. Collection of documents and photos* [Zaklyuchennyye na stroikakh kommunizma. GULAG i ob"ekty energetiki v SSSR. Sobranie dokumentov i fotografii]. M., 2008. P. 448. (rus)
18. Granick D. *The Management of the Industrial Firm in the USSR*. New York, 1954.
19. Berliner J. S. *Factory and Manager in the USSR*. Cambridge (Mass.), 1957.

С. М. Соловьев как лектор: угол зрения В. О. Ключевского

Александров Владимир Борисович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры философии и культурологии
Доктор философских наук, профессор
vladboralex@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье представлена характеристика лекторского мастерства великого русского историка С. М. Соловьева, данная другим великим историком — В. О. Ключевским. Отмечается особое внимание В. О. Ключевского к личности педагога, мировоззренческому и нравственному наполнению содержания лекций, формированию культуры мышления — тем чертам, которые отличали лекторскую работу С. М. Соловьева. На основе анализа мыслей В. О. Ключевского в статье делается вывод о сохранении значения лекции как формы педагогической работы в современных условиях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

лекция, личность преподавателя, «гармония мысли и слова», «методологическое влияние», нравственная установка

Alexandrov V. B.

S. M. Solovyev as Lecturer: Angle of View of V. O. Klyuchevsky

Aleksandrov Vladimir Borisovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of Chair of Philosophy and Cultural Science
Doctor of Science (Philosophy), Professor
vladboralex@mail.ru

ABSTRACT

The characteristic of lecturing skill of the great Russian historian S. M. Solovyov given by other great historian — V. O. Klyuchevsky is presented in this article. The special attention of V. O. Klyuchevsky to the identity of the teacher world outlook and moral filling of the content of lectures, formation of culture of thinking — to those lines which distinguished lecturing work of S. M. Solovyov is noted. On the basis of the analysis of thoughts of V. O. Klyuchevsky in article the conclusion about preservation of value of lecture as forms of pedagogical work in modern conditions is drawn.

KEYWORDS

lecture, identity of the teacher, «harmony of thought and word», «methodological influence», moral installation

Считается, что рефлексия на тему методики преподавательской деятельности должна завершаться некоторыми универсально значимыми рекомендациями, следование которым поможет принципиально улучшить качество этой деятельности каждого, кто ими воспользуется. Однако, как показывает опыт, успешность педагогической работы трудно поддается выражению через какие-либо правила и алгоритмы, в равной мере пригодные для всех преподавателей. Приемы, которые дают положительный результат у одного педагога, будучи использованы другим, могут оказаться совершенно неэффективными.

Не отрицая полностью полезности поиска некоторых общих методических основ педагогической деятельности, мы, вместе с тем, полагаем, что важнейшим резуль-

татом изысканий в области методики должно стать формирование у всех, кто занимается этой деятельностью, вкуса к рефлексии на тему успешности *собственной* педагогической работы. Подобная рефлексия предполагает осознание своей личностной уникальности, которая может продуктивно реализоваться в педагогическом процессе только через вполне конкретную интерпретацию общепринятых методик. Личность преподавателя может обуславливать неповторимый стиль общения со студентами, как непосредственно в учебном процессе, так и во внеаудиторной работе, который может привлечь внимание студентов и вызвать интерес к дисциплине, которую он преподает. Все это означает, что успех работы преподавателя во многом определяется его готовностью видеть свою работу как непрерывно совершающийся творческий процесс.

Импульсом для такого рода рефлексии могут стать размышления выдающихся педагогов об условиях успешности преподавательской деятельности. Для вузовской педагогики особенно важны те случаи, когда такой педагог оказывается еще и выдающимся ученым, благодаря чему его педагогическая практика освещена светом глубокого понимания науки, идеи и достижения которой он стремится донести до студенческой аудитории. Ученые такого уровня, осмысливая собственный педагогический опыт, с большим вниманием и уважением изучают опыт работы в этой сфере своих коллег, обращая внимание, конечно, на педагогическое творчество наиболее значительных персон.

Одним из таких ученых-педагогов в истории российского университетского образования был выдающийся историк В. О. Ключевский. Главной формой учебной деятельности профессора, в которой проявляется его педагогическое мастерство, для Ключевского является лекция. Будучи сам неординарным педагогом, Ключевский внимательно присматривается к тому, каким образом крупные ученые его времени достигали успеха в лекторской работе, вызывали интерес студенческой аудитории к излагаемому материалу, к тому, что они видели наиболее значимым в этой форме своей работы. При этом Ключевский отчетливо осознает, что «в преподавательской деятельности много индивидуального, личного, что трудно передать и еще труднее воспроизвести» [1, с. 320].

Лекторское творчество преподавателя выступает особого рода искусством, обнаруживая свою неповторимую ценность только в его непосредственном проявлении; будучи записанной, представленной в печатном тексте, лекция перестает быть тем, чем была во время ее прочтения. «Учитель — что проповедник: можно слово в слово записать проповедь, даже урок; читатель прочтет записанное, но проповеди и урока не услышит» [Там же]. Эту мысль Ключевского очень важно помнить сегодня, в связи с печальной тенденцией заменить реальное общение преподавателя со студентом предоставлением ему различными способами тиражированного лекционного материала, пусть даже подготовленного самим лектором.

Другой стороной понимания лекторской деятельности как искусства является принципиальная установка для тех, кто ищет пути усовершенствования собственного педагогического мастерства, ориентируясь на опыт выдающихся представителей преподавательского дела. На этом пути значимым оказывается не формулирование некоторых формальных правил, а вдохновенное следование искусству наставника. В этой связи характерно замечание Ключевского о том, что для формирования преподавательских навыков важны не только общие правила, но и «наблюдение, предание, даже подражание». Данная установка перекликается с размышлениями известного исследователя XX в. М. Полани о феномене личностного знания. Вот некоторые из его мыслей, в полной мере относящиеся и к преподавательскому искусству: «Искусство, процедуры которого остаются скрытыми, нельзя передать с помощью предписаний, ибо таковых не существу-

ет. Оно может передаваться только посредством личного примера, от учителя к ученику... наблюдая учителя и стремясь превзойти его, ученик бессознательно осваивает нормы искусства, включая и те, которые неизвестны самому учителю. Этими скрытыми нормами может овладеть только тот, кто в порыве самоотречения отказывается от критики и всецело отдается имитации действий другого» (3, с. 86–87).

Удивительны и загадочны те средства, с помощью которых лектор завоевывает внимание аудитории. Ключевский набрасывает ряд странных стилистических особенностей чтения лекций известными историками России, которые, тем не менее, имели неизменный успех в студенческой аудитории. Один из них (П. М. Леонтьев) на протяжении всей лекции с помощью странного жеста правой руки с «вилкообразно вытянутыми пальцами» всю лекцию помогает «усиленно искавшему слов, как будто усталому языку». Другой (Ф. И. Буслаев) читает подготовленный заранее текст, написанный крупными и кривыми строками, «сопровождая чтение ударами о кафедру правой руки с зажатым в ней карандашом». Третий (С. М. Соловьев) читает лекцию «с закрытыми глазами, немного раскачиваясь на кафедре взад и вперед». При этом, по собственному признанию Соловьева, которое воспроизводит Ключевский, «он никогда не видел студента в своей аудитории» [Там же, с. 322]. Сила его убежденности в значимости излагаемого материала была такова, что ему не нужна была обычно искомая преподавателем обратная связь с аудиторией. По словам Ключевского, «он принадлежал к числу людей, готовых проповедовать в пустыне» [2, с. 334].

Лекторское творчество С. М. Соловьева стало предметом особого внимания его великого ученика В. О. Ключевского. Наблюдения над работой С. М. Соловьева как лектора отражены в его статье «С. М. Соловьев как преподаватель». Здесь Ключевский не стремится определить универсальные принципы «хорошего» чтения лекций. Ценность данной статьи — в другом. В ней Ключевский обозначает темы, над которыми полезно рефлексировать лектору, стремящемуся овладеть студенческим вниманием, продвинуть молодых людей в деле освоения ими своей профессией.

Наверное, первое и самое главное, что отличало лекции Соловьева, и что увидел в них бывший студент Ключевский, — это стремление лектора заставить размышлять студента. Данная цель достигалась им через способ чтения лекций, который Ключевский определил как «говорящее размышление». «С кафедры слышался не профессор, читающий в аудитории, а ученый, размышляющий вслух в своем кабинете» [Там же, с. 323].

При этом он отказывает лекциям Соловьева в таких качествах, которые обычно принято считать весьма значимыми для лекции — эмоциональность, стремление задействовать юношеское воображение. «Чтение Соловьева не трогало и не пленяло, не било ни на чувства, ни на воображение, но оно заставляло размышлять» [Там же]. Слушание таких лекций не было легким развлечением, но студенты выходили из аудитории без чувства утомления, поскольку в их сознании формировалось ясное понимание нити развивавшихся перед ними мыслей.

Можно ли полагать, что такой способ чтения лекций представляет собой универсальную модель, могущую определить «методические рекомендации», на которые следует опираться в педагогическом творчестве? Очевидно, нет. Большинство тех, кто занимается педагогической работой, скажут, что без эмоционального заряда, посылаемого преподавателем в аудиторию, сконцентрировать ее внимание, вызвать интерес к излагаемому материалу вряд ли удастся. Приведенное наблюдение Ключевского показывает лишь один из возможных способов достижения успеха, который накрепко сопряжен с личностными особенностями Соловьева, определявшими его отношение к науке и педагогической деятельности.

Следующая важнейшая особенность лекторского дара Соловьева, увиденная Ключевским, — гармония мысли и слова. Достижение этого в высшей степени значимого для лекции качества оказывается весьма непростым делом. Сам Ключевский по этому поводу замечает: «Гармония мысли и слова! Как легко произнести эти складные слова и как трудно провести их в преподавании. Думаю, что возможность этого находится за пределами преподавательской техники, нашей дидактики и методики» [Там же, с. 324]. Иными словами, Ключевский вновь отказывается от каких-либо универсальных рекомендаций. Можно лишь констатировать, что достижение упомянутой гармонии, как явствует из дальнейшего изложения, есть следствие общей высокой культуры, огромной эрудиции Соловьева. Будучи историком, он, вместе с тем, интересовался литературой самого разного рода — географической, политической, художественной, отчетами путешественников и пр. Его лекции были результатом неутомимого труда над тем материалом, который готовится для произнесения в студенческой аудитории. Именно поэтому мысли, которые он стремился донести до студентов, обретали богатое и тонкое словесное выражение, находили необходимые понятийные средства, способствовавшие их адекватному восприятию.

Еще одной чертой лекций Соловьева была мировоззренческая цельность, концептуальная проработка излагаемого материала. Соловьев не сводил лекцию к изложению того, что было, он стремился обобщать факты, в свете принятой им концепции исторического процесса. «Обобщая факты, Соловьев вводит в их изложение осторожной мозаикой общие исторические идеи, их объяснявшие» [Там же, с. 326]. При этом общие идеи не навязывались им как нечто изначально данное — они сами «органически выростали из объясняемых ими фактов» [Там же, с. 328]. Он учил видеть закономерность исторического процесса, внутреннюю логику событий. Это делало лекции, кроме всего прочего, уроками *исторического мышления*, имевшими, как отмечал Ключевский, сильное «методологическое влияние», формировало не только знание, но и понимание того, о чем идет речь на лекциях.

Очень важным следствием такого изложения материала было формирование у студентов чувства соучастия в получении выводов, к которым подводил лектор. Над умами студентов не довлел авторитет преподавателя, заставляющий принимать ту или иную концепцию. Казалось, что выводы, предложенные лектором, являются полученными собственным размышлением.

Введение в лекцию общих идей не делало ее сухой и отвлеченно умозрительной. Соловьев всегда стремился сделать свое рассуждение живым и вызывающим конкретное представление о прошлом. «Соловьев так рассуждал со студентами о былом, что они живо представляли, как это происходило» [Там же].

Эту сторону его педагогического творчества, которую Ключевский называет «прагматической», всегда дополняла другая сторона, «моралистическая». Не противопоставляя ее первой стороне, Ключевский полагает, что «моралистика у Соловьева была та же прагматика, только обращенная к сознанию своею нравственной стороной, та же научная связь причин и следствий, только приложенная к явлениям добра и зла, помышления и воздействия» [Там же, с. 327]. Эта моральная сторона имела вполне определенный вектор — она была направлена на формирование чувства ответственности человека перед обществом, судьбой страны и государства. Ключевский, по его словам, запомнил на всю жизнь один из таких нравственных комментариев Соловьева: «„общество“ может существовать только при условии жертвы, когда члены его сознают обязанность жертвовать частным интересом интересу общему» [Там же].

Данная нравственная установка выражала глубинные основы его личности, ее органическую связь с русской культурной традицией, для которой ценность общего всегда была выше ценности индивидуального. Эта установка обладала даже

существенно большей значимостью, чем его научные взгляды. «Соловьев не допускал сделок в нравственных отношениях; осторожный в решении научных вопросов, он был решителен в вопросах нравственных» [2, с. 334]. Все его творчество, как научное, так и педагогическое, определялось твердыми нравственными убеждениями. Его «энергия умственных интересов поддерживалась единственно нравственной бодростью» [Там же].

Обе названные стороны его лекторской практики получали свое усиление с помощью такого приема, как интерпретация общих положений через жизнь отдельного человека. Так, например, свою мысль о жертвенности, как необходимом условии общественной жизни, он поясняет семейными отношениями, которые предполагают, что отец и мать, создавшие семью, перестают жить для самих себя, имея в виду, в первую очередь, интересы семьи. Думается, что этот прием имеет значение не только для изложения исторического материала, но и для всех дисциплин, призванных нести большие социально значимые идеи: философии, политологии, правоведения и др.

Отмеченные Ключевским особенности чтения лекций С. М. Соловьевым и высказанные им оценки его педагогического мастерства не являются, естественно, исключительным достоянием педагогики XIX в. Конечно, современные средства оснащения педагогического процесса, насыщенная и разнообразная информационная среда многое меняют в методике чтения лекций и ее роли в учебном процессе. Однако думается, что главные черты лекторского мастерства Соловьева должны находиться в поле методической рефлексии и в наши дни. Это касается и понимания им общей направленности педагогического процесса как формирования знания внутренней закономерности изучаемых явлений, и на этой основе высокой методологической культуры, необходимости развития мировоззрения, смыслом которого являются приоритеты сохранения целостности общества, понимания связи личных и общественных интересов. При этом, конечно, не следует забывать такие условия успешности лекции, как постоянная работа лектора в области той науки, которая стала предметом преподаваемой им учебной дисциплины, широкая эрудиция, являющаяся результатом серьезного освоения смежных дисциплин, хорошего знания литературы и искусства.

Существуют, конечно, и некоторые «организационные» обстоятельства, отличающие условия лекторской деятельности современного педагога от тех, которыми располагали лекторы XIX в. и во многом снижающие возможность того, чтобы студенты «не замечали, как пролетают отведенные на лекцию минуты». В частности, это длительность современной лекции, которая существенно усложняет задачу удержания студенческого внимания на всем ее протяжении. И действительно, если выдающиеся историки, о которых пишет Ключевский, читали лекцию 40 мин, то современный преподаватель, в своем большинстве человек средних способностей, читает лекцию на протяжении 3 часов (с одним перерывом). Естественно, подобная длительность лекции создает гораздо более серьезные трудности для поддержания внимания аудитории, ее готовности работать на протяжении всей лекции, чем это было во времена Соловьева и Ключевского.

Тем не менее и сегодня на фоне разговоров о необходимости увеличения в учебном процессе доли самостоятельной работы, о роли активных методов обучения, использования информационных технологий, думается, что оправданным будет утверждение о необходимости сохранения лекции как важнейшей формы учебного процесса. Именно на лекции студент вводится в лабораторию творческой мысли в осваиваемой им специальности, воспринимает изучаемый материал в его преломлении через личность преподавателя, и, тем самым, приобретает к конкретной научной традиции, определенному видению данного материала, как в концептуальном, так и в мировоззренческом отношении.

Литература

1. *Ключевский В. О.* С. М. Соловьев как преподаватель // Ключевский В. О. Соч. в 9 т. Т. 7. М., 1989.
2. *Ключевский В. О.* Памяти С. М. Соловьева // Ключевский В. О. Соч. в 9 т. Т. 7. М., 1989.
3. *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1985.

References

1. Klyuchevsky V. O. *S. M. Solovyov as teacher* [S.M. Solov'ev kak prepodavatel'] // Klyuchevsky V. O. Compositions in 9 volumes [Sochineniya v devyati tomakh]. V. 7. M., 1989. (rus)
2. Klyuchevsky V. O. *In Memory of S. M. Solovyov* [Pamyati S. M. Solov'eva] // Klyuchevsky V. O. Compositions in 9 volumes [Sochineniya v devyati tomakh]. V. 7. M., 1989. (rus)
3. Polanyi M. *Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy* [Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoi filosofii]. M., 1985. (rus)

Роль индийской диаспоры в американо-индийских отношениях

Привалова Ангелина Юрьевна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Аспирант кафедры международных отношений
almondwinsford@mail.ru

РЕФЕРАТ

Цель статьи — анализ роли индийской диаспоры в развитии двусторонних американо-индийских отношений. Основным тезисом данной статьи выступает следующее положение: индийская диаспора является значимым фактором развития взаимовыгодного сотрудничества США и Индии. В связи с поставленной целью в статье решаются следующие задачи: во-первых, проводится анализ политики Индии, направленной на упрочение контактов с национальной диаспорой, во-вторых, проводится анализ генезиса индийской диаспоры в США, в-третьих, рассматриваются новые инициативы США и Индии в области укрепления контактов граждан обоих государств.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

США, Индия, диаспора, миграция, двустороннее сотрудничество

Privalova A.Yu.

The Role of the Indian Diaspora in the US-India Bilateral Relations

Privalova Angelina Yurievna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Graduate Student of the Chair of International Relations
almondwinsford@mail.ru

ABSTRACT

The purpose of the article is the analysis of the importance of the Indian diaspora in the development of the US-India bilateral relations. The hypothesis of the article is the following statement: the Indian diaspora is a significant factor in the US — India cooperation.

In accordance with the above stated purpose, the following tasks are accomplished: firstly, the analysis of the Indian policy aimed at the consolidation of the relations with the Indian diaspora; secondly, the research of the genesis of the Indian diaspora in the USA; thirdly, the analysis of the new initiatives, both from the US and India, aimed at the strengthening of people-to-people ties.

KEYWORDS

USA, India, diaspora, migration, bilateral cooperation

В условиях современных международных отношений, которым свойственны такие процессы и явления, как интенсивная интеграция, глобализация, транспарентность границ, высокий уровень миграционных потоков, мультикультурность, взаимозависимость, важным компонентом внешнеполитической стратегии государств выступает фактор мягкой силы. Одним из ключевых ресурсов мягкой силы в индийской внешней политике позиционируется диаспора. Индийская диаспора занимает второе место в мире по численности и насчитывает около 25 млн человек¹.

¹См.: Remittances from Indian diaspora on the rise. [Электронный ресурс] // The Economic Times. Feb. 19. 2014. URL:http://articles.economicstimes.indiatimes.com/2014-02-19/news/47489867_1_indian-diaspora-remittances-overseas-indians (дата обращения: 05.09.2015).

Американо-индийская диаспора играет важную роль в выстраивании двусторонних отношений США и Индии и построении их взаимовыгодного сотрудничества. На данный момент индийская диаспора в США насчитывает более 3 млн человек. Как заметил М. Десаи, старший советник помощника государственного секретаря США по делам Южной и Центральной Азии, «как и сами двусторонние отношения США и Индии развиваются в многочисленных областях, так и отношения с индийской диаспорой многовекторно развиваются. Индо-американцы вносят большой вклад в двусторонние проекты во всех областях, начиная с исследований в области медицины и чистой энергии до высшего образования и сотрудничества в космической сфере. Индийская диаспора стратегически продумывает, как улучшить двустороннюю торговлю между штатами и городами, а также в области малого и среднего предпринимательства»¹.

Правительство современной Индии рассматривает национальную диаспору как важнейший фактор успешного развития Индии и в области внутренней политики, и во внешнеполитическом контексте. Премьер-министр Н. Моди большое внимание уделяет значению и влиянию индийской диаспоры для развития Индии. В 2014–2015 гг. Н. Моди провел череду знаковых выступлений перед представителями индийской диаспоры в ряде государств мира, включая США, Австралию, Канаду, Францию, ОАЭ, где подчеркивалась значимость индийской диаспоры для Индии, а также важность раскрытия и использования мощного потенциала индийской диаспоры для дальнейшей модернизации Индии.

Либерализация американского закона об иммиграции от 1965 г. под названием «Immigration and Naturalization Act», означающая отмену иммиграционных квот, послужила отправной точкой к интенсификации притока иммигрантов из Индии. Анализируя динамику притока индийских иммигрантов в США после 1965 г., представляется возможным структурировать его следующим образом: первым был приток высококвалифицированных индийцев со знанием английского языка по т.н. special skill provisions. «К началу 1970 гг. небольшая, но уже влиятельная индийская диаспора насчитывала самый высокий уровень дохода на душу населения среди других этнических групп в США» [1, р. 11]. Следующим этапом можно считать приток иммигрантов из Индии в 1980-х годах по линии воссоединения семей (family reunification provisions). Третий этап характеризуется притоком индийских мигрантов в 1990-е годы по линии перспективной и наукоемкой отрасли информационных технологий (IT). На данный момент эта сфера продолжает оставаться одной из наиболее заметных областей, демонстрирующих интеллектуальный потенциал индийской диаспоры.

Ряд лиц индийского происхождения занимают ключевые позиции в крупнейших компаниях в сфере IT. К примеру, С. Наделла является главой корпорации Microsoft, Ш. Нараен возглавляет Adobe, а С. Пичаи с 10 августа 2015 г. назначен генеральным исполнительным директором корпорации Google. Визит премьер-министра Индии Н. Моди в сентябре 2015 г. в Сан-Хосе — столицу Кремниевой долины — является подтверждением значимости достижений индийской диаспоры в этой наукоемкой отрасли. Одним из практических результатов этого визита явилось введение с декабря 2015 г. такого важного средства сообщения, как прямые трансатлантические рейсы из ряда городов Индии до западного побережья США.

В начале XXI в. в связи с курсом на либерализацию и проведением экономических реформ, усиливающейся интеграцией Индии с мировым сообществом, а также возрастающим влиянием индийской диаспоры в мире, был дан старт политике,

¹Amb. Karl F. Inderfurth, Persis Khambatta. The Indian-American Diaspora: Ties that Bind. [Электронный ресурс] // US-India Insight. Vol. 2. Is. 9. Sep. 2012. URL: http://csis.org/files/publication/120927_WadhvaniChair_USIndiaInsight.pdf (дата обращения: 05.09.2015).

призванной консолидировать отношения Индии с представителями национальной диаспоры, проживающими в различных государствах мира. С этой целью был создан ряд механизмов. Для комплексного анализа подходов к оптимизации сотрудничества с национальной диаспорой в Индии в 2000 г. был учрежден Комитет высокого уровня по вопросам индийской диаспоры (High level Committee on Indian Diaspora). К 2002 г. данным комитетом был подготовлен доклад, содержащий рекомендации, на основе которых была сформирована новая стратегия по обеспечению многовекторного взаимодействия с соотечественниками за рубежом.

Важным институциональным изменением было учреждение в 2004 г. ведущего профильного механизма, нацеленного на углубление всестороннего сотрудничества с индийской диаспорой — Министерства по делам индийцев, проживающих за рубежом (MOIA, Ministry of Overseas Indian Affairs). Под эгидой этого министерства разработан ряд институтов, нацеленных на планомерное расширение и укрепление связей с соотечественниками за рубежом. В 2008 г. был создан Глобальный консультативный совет при премьер-министре (PMGAC, Prime Minister's Global Advisory Council), совещания которого проводятся два раза в год и призваны служить эффективной дискуссионной площадкой для обмена опытом и знаниями, обеспечивать синергию и использовать интеллектуальный капитал индийцев в целях инновационного роста в различных сферах. В том же году были учреждены Индийский фонд развития индийцев, проживающих за рубежом (IDF, India Development Foundation of Overseas Indians), цель которого — содействие благотворительной деятельности; Индийский центр по миграции (ICM, India Centre for Migration), деятельность которого направлена на обеспечение трудоустройства соотечественников за рубежом. Также важным механизмом для взаимодействия с национальной диаспорой является созданная в 2010 г. инновационная площадка для обмена профессиональным опытом и знаниями — электронная платформа Глобальная индийская сеть знаний (Global — INK, Global Indian Network of Knowledge). Примером сотрудничества правительства и частного сектора является учрежденный в 2007 г. совместно с конфедерацией индийской промышленности Центр содействия зарубежным индийцам (OIFC, Overseas Indian Facilitation Centre), в компетенцию которого входит содействие обеспечению экономического взаимодействия представителей индийской диаспоры с Индией. Структуру механизмов, способствующих упрочению отношений с диаспорой, дополняют Центры по делам индийцев, проживающих за рубежом (OIC, Overseas Indian Centres), которые расположены в Вашингтоне, Абу-Даби и Куала-Лумпуре.

Особую роль в деле построения диалога с индийской диаспорой и обсуждения многочисленных вопросов индийцев, проживающих за рубежом, играет конференция индийской диаспоры (PBD, Pravasi Bharatia Divas). Начиная с 2003 г., эта конференция, проводимая в различных городах Индии, ежегодно приурочивается к 9 января — исторической дате возвращения М. Ганди на родину. В 2015 г. в г. Гуджрат состоялась самая представительная по количеству делегатов конференция PBD, где было отмечено столетие возвращения М. Ганди в Индию. Ежегодно на этой конференции вручается премия, которой награждаются граждане Индии, внесшие весомый вклад в развитие своей родины. В 2015 г. эту награду получили три представителя индо-американской диаспоры: С. Наделла, являющийся генеральным исполнительным директором Microsoft с 4 февраля 2014 г.; К. Лулла — ведущий исследователь НАСА и Н. Тандон — специалист в сфере здравоохранения и IT. В дополнение к данной конференции также успешно проводятся региональные конференции по вопросам диаспоры. Такие региональные конференции проводились в Нью-Йорке, Сингапуре, Гааге, Дурбане, Торонто, Маврикии, Сиднее, Лондоне, а в ноябре 2015 г. — в Лос-Анджелесе.

В США создана прочная институциональная основа для взаимодействия с диаспорами. Выделим ключевые механизмы, формирующие абрис этого взаимодействия.

Одним из основных институтов, нацеленных на усиление интеграции с этническими сообществами, выступает Агентство США по международному развитию (USAID, US Agency for International Development). В 2011 г. был создан дополнительный инструмент для выстраивания эффективного и конструктивного диалога с диаспорами — Международный альянс по взаимодействию диаспор (IDEA, International Diaspora Engagement Alliance). В США наблюдается двухпартийная поддержка на выстраивание отношений с индийской диаспорой: существует Совет Конгресса по Индии (Indian Caucus in the US Congress), созданный в 1993 г., а также Совет Сената по Индии (Indian Caucus in the US Senate), созданный позднее, в 2004 г.

Индийская диаспора в США высокообразованна, состоятельна, активна и обладает высоким уровнем квалификации в широком спектре областей. Стоит отметить, что «на сегодняшний день индийские граждане находятся на первом месте по количеству полученных временных виз H-1B для высококвалифицированных работников»¹. Анализируя генезис и становление индийской диаспоры в США, нельзя не сказать о крупнейших организациях индийской диаспоры в США, которые являются проводниками ее интересов. Среди наиболее влиятельных можно выделить следующие: Всемирная организация лиц индийского происхождения (GOPIO, Global Organization of People of Indian origin), учрежденная в Нью-Йорке в 1989 г., и Национальная Федерация индо-американских ассоциаций (NFIA, National Federation of Indian-American Associations), созданная в 1980 г. Последняя является крупнейшей в США индо-американской «зонтичной» организацией, включающей в себя порядка 200 ассоциаций.

В марте 2015 г. в Калифорнии под эгидой данной организации состоялось значительное для индийской диаспоры в США мероприятие — 18-й Конвент. Данный форум, проводимый раз в два года, является еще одной заметной платформой, объединяющей представителей индийской диаспоры. В текущем году тема Конвента звучала следующим образом: «Влияние индо-американцев в Америке» (Indian Americans making an Impact in America).

В контексте наукоемких областей следует указать следующие организации: Американская ассоциация врачей индийского происхождения (AAPI, American Association of Physicians of Indian origin), Общество индо-американских инженеров и архитекторов (STAEA, Society of Indo-American Engineers and Architects), Ассоциация индийских профессионалов Кремниевой долины (SIPA — Silicon Valley Indian professionals), Ассоциация ученых индийского происхождения в Америке (ASIOA — Association of Scientists of Indian origin in America).

Одной из важнейших областей двусторонних отношений Индии и США является сфера образования, где диаспора играет значительную роль. «Согласно отчету ООН Индия является государством с самым высоким процентом молодого населения»², что сказывается на динамике миграционного потока по линии образования. «Индия находится на втором месте после Китая по количеству студентов, обучающихся в США: примерно 103 тыс. индийских студентов было зачислено в американские вузы в 2013–2014 учебном году»³. Отметим, что значительная часть индийских студентов в США учатся в области STEM-образования, это указывает на то, что приоритетным для индийских студентов является обучение по научным и техническим специальностям.

¹ Zong J., Batalova J. Indian Immigrants in the United States. [Электронный ресурс] // Migration Policy Institute. May 6. 2015. URL: <http://www.migrationpolicy.org/article/indian-immigrants-united-states> (дата обращения: 05.09.2015).

² India has world's largest youth population: UN report. [Электронный ресурс] // The Economic Times. Nov. 18, 2014. URL: http://articles.economictimes.indiatimes.com/2014-11-18/news/56221890_1_demographic-dividend-youth-population-osotimehin (дата обращения: 20.10.2015).

³ Zong J., Batalova J. Indian Immigrants in the United States. [Электронный ресурс] // Migration Policy Institute. May 6. 2015. URL: <http://www.migrationpolicy.org/article/indian-immigrants-united-states> (дата обращения: 05.09.2015).

Принимая во внимание колоссальный объем уже реализованных двусторонних инициатив в области образования, а также учитывая общую тенденцию современных международных отношений на формирование единого образовательного пространства, можно утверждать, что сфера образования действительно является перспективной для дальнейшего углубления двустороннего сотрудничества. Представители индийской диаспоры занимают видное место в системе образования США, среди которых авторитетные специалисты престижных вузов и различных образовательных организаций, например, Д. Бхагвати — экономист, профессор Колумбийского университета, А. Диксит — экономист, профессор Принстонского университета, В. Джейн — председатель и исполнительный директор образовательного и исследовательского института US-India World Affairs Institute.

Необходимо подчеркнуть, что создан целый ряд обменных и стипендиальных программ, инициировано сотрудничество по линии общественных колледжей, разработаны партнерские программы между крупными университетами обеих стран, что является важным шагом на пути консолидации отношений граждан обоих государств. На постоянной основе совершенствуются и преобразуются уже действующие проекты, а также разрабатываются новые в этой сфере взаимодействия США и Индии. Одной из новых инициатив в области образования является предложенное в 2014 г. сотрудничество под эгидой GIAN (Global Initiative of Academic Networks), в рамках которого более тысячи профессоров американских университетов ежегодно смогут преподавать в университетах Индии.

Еще одним динамичным направлением развития двусторонних отношений США и Индии, где активно проявляется потенциал диаспоры, выступает торгово-экономическое сотрудничество. Оборот взаимной торговли на 2014 г. оценивается в 66,9 млрд долл., что является рекордным показателем в области торгово-экономических отношений США и Индии¹. Предпринимательская активность индийской диаспоры в США является неотъемлемой составляющей двусторонних экономических отношений. В этом направлении предпринимаются шаги для стимулирования и поощрения предпринимательской деятельности. Так, в августе 2015 г. президент США Б. Обама высоко оценил профессиональную деятельность трех представителей индийской диаспоры в США, являющихся начинающими предпринимателями, при этом был отмечен их инновационный и прогрессивный подход к бизнес-проектам². Двустороннее сотрудничество по поддержке и развитию МСП является императивом для прогрессивного развития двусторонних отношений. Одной из новых совместных инициатив является Инвестиционная инициатива индийской диаспоры (Indian Diaspora Investment Initiative), которая стартовала 9 октября 2015 г. Это программа направлена на стимулирование инвестиционной активности индийской диаспоры США и призвана стать эффективным инструментом, способным помогать индо-американцам направлять свои денежные средства на финансирование важных социальных отраслей и проектов Индии.

Одной из важных тенденций двусторонних отношений, непосредственным образом влияющих на упрочение контактов гражданского общества двух государств, является разработка инициатив в области упрощения процедуры визового режима. С ноября 2014 г. Индия расширила список государств с 12 до 43, согласно которому граждане США также смогут воспользоваться программой выдачи туристических виз «визы по прибытии» («Tourist Visa on Arrival» Program). Данная инициатива уже демонстрирует хорошие показатели увеличения туристического потока

¹См.: India — US Bilateral Trade. [Электронный ресурс] // Embassy of India. Washington, D. C., USA. URL: <https://www.indianembassy.org/pages.php?id=42> (дата обращения: 20.10.2015).

²См. Barack Obama honours three Indian-American startup entrepreneurs for path-breaking start-ups. [Электронный ресурс] // TheEconomic Times. Aug. 5. 2015. URL: http://articles.economicstimes.indiatimes.com/2015-08-05/news/65243880_1_president-barack-obama-mobile-phones-start-ups (дата обращения: 10.09.2015).

в Индию. В январе 2015 г. по визе данного образца Индию посетили более 25 тыс. туристов, в то время как за аналогичный период прошлого года эта величина составляла 1903¹. Также важным шагом в данном контексте явилось проведение первого технического совещания по вопросу получения Индией членства в программе США «Global Entry Trusted Traveller Network Programme»², программе, предусматривающей максимальное упрощение процедуры въезда в США. Несомненно, эти инициативы способны не только стимулировать туристический поток, но и в целом благоприятно сказаться на упрочении контактов граждан обеих стран.

Подводя итог, на основе вышесказанного, представляется возможным сформулировать следующие выводы:

- диаспора как феномен имеет большое влияние и позиционируется как самостоятельный значимый актор в системе современных международных отношений;
- консолидация отношений с национальной диаспорой, для упрочения сотрудничества с которой разработана разветвленная система механизмов с многоплановой функциональной нагрузкой, является важным аспектом политики современной Индии;
- индийская диаспора является существенным фактором в построении конструктивного диалога и служит катализатором укрепления взаимовыгодного сотрудничества в широком спектре отраслей двустороннего взаимодействия США и Индии;
- индийская диаспора в США является проводником укрепления диалога граждан обоих государств (people-to-peoples), что проявляется в разработке ряда программ в различных сферах деятельности.

Литература/References

1. *Sahay A.* Indian Diaspora in the United States. Brain Drain or Gain. Lexington Books, 2010.

---

¹См.: Implementation of visa on arrival: Tourist count up by 1,215%. [Электронный ресурс] // The Times of India. Feb 25. 2015. URL: <http://timesofindia.indiatimes.com/india/Implementation-of-visa-on-arrival-Tourist-count-up-by-1215/articleshow/46371387.cms> (дата обращения: 05.09.2015).

²См.: Joint Statement during the visit of President of USA to India — «Shared Effort; Progress for All». Jan. 25., 2015. [Электронный ресурс] // Ministry of External Affairs. Government of India. URL: http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/24726/Joint_Statement_during_the_visit_of_President_of_USA_to_India_____Shared_Effort_Progress_for_All (дата обращения: 05.09.2015).

Дорогой К. Б.

Реформа государственного управления в России в критериях системности

Дорогой Константин Борисович

Санкт-Петербургский государственный университет
Аспирант факультета социологии
kdorogoy@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются потенциальные возможности и реальное воплощение в современном государственном управлении России реформ, отвечающих критериям системности. От кадрового управления и обеспечения общественного участия автор переходит к рассмотрению реформы механизмов функционирования системы государственного управления. Предпринята попытка применить к этим вопросам положения системной теории, в результате по многим параметрам реформы делаются выводы об имитационном характере преобразований.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

российские реформы, системный анализ, государственное управление

Dorogoy K. B.

Reform of the Russian System of Public Administration According to the System Theory

Dorogoy Konstantin Borisovich

Saint-Petersburg State University Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Graduate student of the Faculty of Sociology
kdorogoy@gmail.com

ABSTRACT

The article is devoted to a potential and actual implementation in the system of modern public management in Russia reforms that meet the criteria of system theory. From personnel management and social participation the author proceed to the consideration of the reform of the mechanisms of functioning of public administration system. It was made an attempt to apply to these the reforms models of systems theory, and it was drawn conclusions about the nature of the simulation changes.

KEYWORDS

Russian reforms, system analysis, public administration

Вопросы реформы государственного управления во взглядах современных исследователей связываются как с институциональным, так и с функциональным срезом. Так, В. В. Лобанов описывает институциональные проблемы с разделением реформирования государственного управления при помощи трех независимых направлений — административной реформы, реформы государственной службы и бюджетной реформы [2]. В большей степени политически ориентированного подхода придерживается А. И. Соловьев. Он выделяет три сферы государственного управления, развитие которых позволяет добиться не только внутренней трансформации органов власти и управления, но и изменить характер их отношений с гражданским обществом. Речь идет о таких конституирующих природу государственного управления областях, как система представительства интересов, политический режим и административная система [4]. В данном структурном ракурсе акцентируются важнейшие области вза-

имодействия политической системы и институтов государственного управления, что позволяет понять не только природу, но и возможности, а также пределы целенаправленного воздействия на основных управленческих акторов и отношения между ними. Изучение данных сфер помогает уйти от технократизма при определении характера и направлений реформирования государственного управления.

В контексте рассмотрения данного вопроса можно выделить ряд этапов реформирования государственного управления в постсоветской России [3]. Такие этапы представлены двумя большими блоками, первый из которых в основном пришелся на 1990-е гг. Второй этап увязывался с сущностным (политическим) аспектом и предполагал реформирование по нескольким направлениям:

1. Новая попытка административной реформы 2003–2004 гг.
2. Централизация системы политического управления и федеративная реформа 2003–2007 гг.
3. Кампания по укрупнению регионов 2003–2007 гг.
4. В качестве одного из витков можно обозначить попытки Д.А. Медведева, во время его пребывания на президентском посту перейти к новой форме «открытого» или «большого правительства», следы этой деятельности имеют место в нынешней системе государственного управления.

Итак, можно утверждать, что два этапа реформ совершенно очевидно представляли собой и две концепции, связанные с переходным периодом в российском обществе. В некоторой мере с начала новой административной реформы в 2003 г. дан старт и пересмотру достигнутых промежуточных результатов в отношении системы политического управления.

23 июля 2003 г. президент Путин подписал указ № 824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 годах», который определил ключевые направления реформы. Было обозначено ограничение вмешательства правительства в экономику и государственное регулирование, устранение дублирующих функций, очерчивание правительственных функций и разделение обязанностей между федеральными и региональными исполнительными органами власти. Для этих целей создавалась Правительственная комиссия по проведению административной реформы в Российской Федерации.

Важнейшим направлением действий Комиссии был обозначен обзор правительственных функций. Обзор проводился несколькими рабочими группами с сотнями экспертов, представлявших федеральные и региональные органы власти, а также академические и деловые круги. Комиссия проанализировала 5634 правительственные функции, из которых 1468 были признаны избыточными, 263 дублирующими и 868 требовали различных изменений¹.

Результаты функционального обзора, выполненного Комиссией, использовались, когда было принято решение о новой структуре российского правительства. Согласно Указу Президента № 314 от 9 марта 2004² российское правительство представлено трехуровневой системой: министерства, службы и агентства. На федеральные министерства была возложена ответственность за определение политики, включая стратегическое планирование, развитие федеральных программ, регулирующих деятельность и финансирование в их сфере. Федеральные службы должны были стать ответственными за контроль, наблюдение, правоохранительные функции, реализацию политики, утверждаемой министерствами, и одобренной правительством. Федеральные агентства обязаны управлять принадлежащими государству

¹ Распоряжение Правительства РФ от 25.10.2005 № 1789-р (ред. от 10.03.2009) «О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах».

² Указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 (ред. от 22.06.2010) «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти».

активами, осуществлять государственные программы и предоставлять социальные услуги.

В 2005 г. Министерство экономического развития и торговли подготовило проект Концепции административной реформы¹. Российское правительство одобрило Концепцию в конце того же года. Согласно Концепции, главные цели административной реформы в России состояли в том, чтобы включить:

- улучшение качества и доступа к государственным услугам;
- уменьшение деловых затрат, следующих из государственного регулирования экономики;
- улучшение правительственного выступления.

Чтобы достигнуть этих целей, ключевые инициативы реформы состояли в том, чтобы сосредоточиться на исполнительском управлении, принятии административных норм и стандартов государственных служб, оптимизации правительственных функций, развитии мер по увеличению правительственной прозрачности и антикоррупционной стратегии.

В 2006 г. группа экспертов, представлявшая Общероссийскую общественную организацию малого и среднего предпринимательства «Опора России», Российскую торгово-промышленную палату, Российский союз промышленников и предпринимателей и Министерство экономического развития и торговли, рассмотрела 253 предложения от фондов поиска федеральных и региональных правительств, чтобы начать или расширить административные проекты реформы в России. Эксперты одобрили 102 проектных предложения, представленных 19 федеральными и 29 региональными органами власти².

Среди проектов почти 50% должны были включить развитие административных постановлений, 23% проектов, сосредоточенных на развитии и внедрении исполнительных управленческих механизмов, в то время как другие проекты сосредоточились на судебных решениях, аутсорсинге и антикоррупционной деятельности³. В 2007–2008 гг. российское правительство продолжало уделять внимание усилиям, связанным с административными постановлениями и стандартами социальных услуг. Эти усилия были расширены через включение развивающихся многофункциональных центров и поддержку интернет-присутствия, чтобы обеспечить информацию о правительстве и предоставление услуг через интернет⁴.

По большому счету такая концептуализация реформы имела характер стремления к «новому общественному управлению», который бросал вызов веберовской модели [6] и выдвигал на первый план цель замены «административных, иерархических, и профессиональных культур „частной, коммерческой, культурой рынка“» [9]. Сэхлин-Андерсон [11] указывает на то, что новая форма управления, предлагаемая модель нового общественного управления часто объяснялась «с точки зрения того, что это не есть старое государственное управление и бюрократия»⁵.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 25.10.2005 № 1789-р (ред. от 10.03.2009) «О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах».

² Шаронов А. В. Об итогах реализации федеральными органами исполнительной власти и высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации программ, планов и проектов в рамках административной реформы в 2006 году. [Электронный ресурс]. URL: http://pnzreg.ru/files/penza.ru/admin_reform/the_outcome_implementation_power.pdf (дата обращения: 20.01.2016).

³ Там же.

⁴ Попова А. В. О приоритетных направлениях административной реформы в 2008–2010 годах. [Электронный ресурс]. URL: http://www.smb.ru/analytics.html?id=td_Popovoy (дата обращения: 20.01.2016).

⁵ Ibid. p. 57.

Россия в этом плане не является уникальной страной, напротив, в современном мире некоторые государства описываются в литературе как «неовеберинские» [10]. Как новый подход к административной реформе или новому понятию модернизации, модель неовеберинского государства, которая появилась в Европе, делает «акцент на государстве как незаменимой интегральной силе в обществе с юридическими лицами и действующей системой ценностей, которая не может быть уменьшена до эффективности частного сектора, конкурентоспособности и потребительской удовлетворенности» [10, р. 98].

В качестве продолжения начавшейся с 2003 г. административной реформы можно обозначить некоторые корректировки в этом плане, появившиеся во время пребывания Д. А. Медведева на посту президента России. Так, в середине октября 2011 г. Д. А. Медведевым был предложен концепт «Большого правительства», основным мотивом создания которого была объявлена потребность «реально поменять систему госуправления»¹, «принципиально иначе построить работу органов власти, сделать ее современной, опирающейся на инициативу с мест»². Подтверждая принципиальность сделанного выбора и акцентируя стратегический характер предстоящих преобразований, в апреле 2012 г. покидающий свою высокую должность Д. А. Медведев подчеркнул, что «в основе должны быть прозрачные, понятные и справедливые правила, приходящие на смену ручным методам государственного администрирования» и что «в формировании правил игры должно участвовать все заинтересованное общество»³.

Первоначально именно интернет-среда виделась той почвой, на которой планировалось выращивать и апробировать новые управленческие подходы. Предполагалось, что интерактивные информационные технологии позволят практически любому социально или политически активному гражданину донести до руководства страны свои мысли и инициативы, обратиться с проблемами, поучаствовать в осуществлении публичного (государственного) управления⁴.

Глубинный смысл этих технологий сводился к тому, чтобы, используя современные коммуникативные каналы: а) значительно усилить экспертную проработку предполагаемых государственных решений и б) заметно расширить степень публичности в работе государственных органов. Если в первом случае вполне можно рассуждать о модернизации технологий государственного управления, то во втором — лишь о симуляции общественного участия в нем. О последнем говорит наметившаяся тенденция в строительстве «Большого правительства»: изначально работа по институционализации идеи велась группой сторонников действующего главы государства на общественных началах, но менее чем через полгода процесс во все возрастающей степени стал осуществляться посредством привычных бюрократических механизмов. В частности, основную нагрузку официально стала нести Администрация Президента РФ, руководитель которой выразил готовность «использовать весь теоретически возможный потенциал для эффективной работы «Открытого правительства», в том числе Администрацию главы государства и Правительство РФ⁵.

¹ Официальная стенограмма встречи Дмитрия Медведева со сторонниками 15 октября 2011 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://президент.рф/выступления/13065> (дата обращения: 20.01.2016).

² Медведев Д. А. Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2011. 23 декабря.

³ Медведев Д. А. Свобода как ответственность: Выступление на расширенном заседании Государственного совета Российской Федерации 24 апреля 2012 года // Российская газета. 2012. 25 апреля.

⁴ Делягин М. Сурков назначит Зюганова Жириновским? [Электронный ресурс] URL: <http://ej.ru/11506> (дата обращения: 20.01.2016).

⁵ Рабочая встреча с Сергеем Ивановым, Аркадием Дворковичем и Михаилом Абызовым 8 февраля 2012 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/14465> (дата обращения: 20.01.2016).

Создаваемую институцию планировалось наделить совещательными полномочиями, но вместе с тем состоящим в Общественном комитете деятелям авансом были обещаны посты в реальном правительстве. Как показали дальнейшие события, один из наиболее заметных участников процесса образования «Большого правительства», М. Абызов, действительно стал членом Правительства РФ — «министром по связям с «Открытым правительством»». На него были возложены обязанности по организации работы Правительственной комиссии по координации деятельности «Открытого правительства»¹.

В начале пути предлагаемый концепт являл собой принципиальную альтернативу существующей модели организации публичного политического управления, поскольку задумывался как широкий по составу и представленным в нем взглядам экспертный «мозговой центр», подкрепленный ресурсообеспеченной организационной структурой и имеющий развитую периферию активных сторонников. Но уже вскоре «Открытое правительство» стало видаться лишь как совещательный орган при обычном «узком» правительстве². Можно предполагать, что в критериях системной теории данная реформа приобрела имитационный характер [7] в соответствии с воззрениями Д. Истона, однако попытка их осуществления собственно носила сдерживающий характер по отношению к требованиям общества.

В конечном итоге российское «Большое/Открытое правительство» так и не смогло стать по-настоящему инновационным концептом преобразования используемой властью управленческой практики. В своей интернет-составляющей этот проект сильно напоминает уже известную схему «электронного правительства», тогда как в структурно-организационном отношении являет собой привычную и хорошо известную форму совещательного органа. Такой проект не принес в себе принципиальных новшеств, обращенных в сферу публичного управления. Более всего оно походит на широко разрекламированный PR-продукт, не меняющий существа привычных подходов организации и осуществления взаимодействия власти с обществом. В критериях системности он ушел в имитационную область, дополнив нашу социально-политическую реальность группой новых кодов, которые в значительной мере подменяют целевые установки реформирования в этом аспекте [8].

Необходимо отталкиваться от того факта, что в идеальном варианте предполагается, что реформаторы имеют четкое понимание основных компонентов построения дизайна государственного управления, что и является ключевым признаком системности реформы, для этого необходимо иметь в виду ответы на следующие вопросы:

- какие формы управления должны быть внедрены, включая степень коррекции, которой они могут подвергаться в ходе реформы;
- как благодаря новому дизайну улучшится функционирование системы государственного управления и снизится разрыв между желаемым и реальным состоянием дел;
- какой тип изменений адаптирует систему государственного управления к целям реформаторов и требованиям окружения и создаст желаемую институциональную структуру, соответствующую ценностям основных акторов.

Вместе с тем системные реформы по многим причинам могут вызвать сопротивление, стремление защитить статус-кво или создание альтернативных программ изменений, включающих соперничающие требования и предложения о том, какие институты важны и какие соответствующие причинные связи и нормативные критерии будут полезными для оценки институтов. В таких условиях институциональ-

¹ О структуре федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента Российской Федерации от 21 мая 2012 года № 636 // Российская газета. 2012. 22 мая.

² Маргелов М. У бюрократов не останется тайн // Российская газета. 2012. 13 февраля.

ное изменение и его эффективность становятся неопределенными, т. е. могут быть непредсказуемыми и нежелательными.

При этом особое внимание должно уделяться тем группам, которые в настоящее время имеют наибольшую выгоду от использования действующих правил. Очевидно, что речь идет, прежде всего, об адекватных правилах, коллективных интересах, субъектами которых являются группы интересов. Именно те группы, для которых существующая структура институтов является оптимальной, могут благодаря своим политическим и экономическим возможностям блокировать потенциально эффективные нововведения. Эффект блокировки заключается в создании препятствий к изменению институтов группами и организациями, получающими распределительные выгоды от использования действующих правил, т. е. политическую ренту.

Способы блокировки потенциально эффективных институциональных изменений, используемые на практике, весьма разнообразны: от идеологических обоснований недопустимости этих изменений со ссылками на традиции, национальный менталитет и до прямого подкупа законодателей или руководителей исполнительной власти, в чьей компетенции находится осуществление соответствующего институционального изменения [1, с. 291].

Таким образом общественный выбор, ориентирующийся на эффективность операциональных правил и разрешающий дилемму, будут или нет трансформационные процессы улучшением для индивидов, участвующих в них, зависит от конкретных структурных характеристик институциональных решений. Однако концепция эффективности расплывчата, когда связана с выбором института или институциональной структуры на макроуровне (коллективные и конституционные правила), где интересы и ценности больших групп людей невозможно просто редуцировать до индивидуального уровня [12, р. 61].

Здесь выбор институтов кажется проблематичным, так как набор возможных институциональных альтернатив не сформировался и эволюционирует во времени. В силу этого в каждый период времени следует выбирать наиболее продуктивные условия для управленческой практики из множества существующих или известных возможностей. Однако такой статичный и формальный подход кажется не очень подходящим применительно к институциональным вопросам, тем более в процессе реформы. Как одна из альтернатив возможна ориентация на Парето-оптимальные институты, обеспечивающие результаты, изменение которых всегда будет приводить к уменьшению благосостояния одной из групп при увеличении благосостояния другой. Но такой рациональный критерий эффективности не всегда действует при выборе институтов, управляющих процессом создания институтов.

В любом случае институциональное строительство в процессе реформы имеет альтернативы не только с позиций конкретных институциональных траекторий, но и организации проведения реформы в целом. Каждый институциональный проект должен включать оценку соответствующих издержек, а возможно, и выигрышей. Так, например, показатель трудности реформы рассчитывается как отношение дохода, перераспределяемого в процессе реформирования, к выигрышу, возникающему вследствие увеличения эффективности системы. Иначе этот показатель называется «политические издержки/коэффициент выгоды» («political cost/benefit ratio»).

Еще один фактор, оказывающий влияние на выбор институтов, связан с морально-психологическими аспектами. Так, по мнению ученых, проводящих лонгитюдное исследование отношения российских граждан к осуществляющимся реформам, в последнее время наблюдается снижение общественного внимания к формам политических институтов. На первое место выходят несколько иные аспекты, связанные с работоспособностью органов государственного управления, определяемые через ценностные категории: гарантия стабильности, порядка, соблюдения законов, социального равенства и эффективности. Эти же категории представляются участ-

никам социологических опросов наиболее существенными достижениями в периоды пребывания на посту президента В. В. Путина и Д. А. Медведева [5].

В то же время сохраняется обратная зависимость удовлетворенности целевыми ориентирами на построение «сильного государства» и соблюдением демократических ценностей [там же, с. 150]. То есть в годы реформ население заявляет о стремлении к наведению порядка посредством усиления государства (путем консолидации общества и власти), но при этом не готово к отказу от демократических ориентиров в стране.

Таким образом, системность осуществляемых реформ может быть оценена через призму целеполагания, что определяется через соответствие результатов заявленным ориентирам до начала реформ.

Реформа государственного управления не предполагает формирования на своем завершающем этапе эффективных равновесий, эта идея вполне вписывается в парадигму исторического институционализма. Тем не менее огромное значение имеют наличие у реформаторов понимания перспективной траектории системных изменений, правильный выбор последовательности преобразований и способности предпринять необходимые усилия по деэтизации институционального строительства. Необходимо также учитывать, что успех реформ во многом определяется институциональным дизайном государственного управления, его зависимостью от предшествующего развития. Одновременно с этим важную роль играет набирающая силу профессионализация управления реформированием, которая включает внедрение механизмов, регулирующих процесс формирования правил разного уровня, что снижает риски появления институциональных ловушек. В свою очередь оценка регулирующего воздействия предполагает опору на участие, т. е. учет мнения адресатов соответствующей нормы и экспертного сообщества, что повышает адаптивность проектируемых форм.

Литература

1. Аузан А. А. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория. М., 2003.
2. Лобанов В. В. Модернизация государственного управления: проблемы и решения // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. № 2. С. 136–145.
3. Реформа государственной службы России. История попыток реформирования с 1992 по 2000 год / А. Г. Барабашев, Х. А. Беков, Т. В. Зайцева и др.; под ред. Т. В. Зайцевой. М.: Весь Мир, 2003.
4. Соловьев А. И. Институты власти и управления в стратегии российской модернизации: проблемы и перспективы // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2010. № 3. С. 3–20.
5. Шестопал Е. Б. Четверть века политических реформ в России с точки зрения психологии // Полис. Политические исследования. 2015. № 1. С. 136–150.
6. Christensen T. & Lægreid P. New public management: The transformation of ideas and practice. Ashgate, 2001.
7. Easton D. A Systems Analysis of Political Life. New York: Wiley, 1965.
8. Luhmann N. Why Does Society Describe Itself as Postmodern? // Cultural Critique (The Politics of Systems and Environments. Part I). Spring, 1995. № 30.
9. Lynn L. E. Globalization and administrative reform: What is happening in theory? Public Management Review, 2001. 3(2). P. 192–193.
10. Pollitt C. & Bouckaert G. Public management reform: a comparative analysis. Oxford University Press, 2004.
11. Sahlin-Andersson K. National, international and transnational constructions of New Public Management. In T. Christensen and P. Lægreid (Eds.) New Public Management. The transformation of ideas and practice (P. 43–72). Aldershot: Ashgate, 2001.
12. Stone D. Policy Paradox: The Art of Political Decision Making. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2002.

References

1. Auzan A.A. *Institutional economy: new institutional economic theory* [Institutsional'naya ekonomika: novaya institutsional'naya ekonomicheskaya teoriya]. M., 2003. (rus)
2. Lobanov V.V. *Modernization of public administration: problems and decisions* [Modernizatsiya gosudarstvennogo upravleniya: problemy i resheniya] // Questions of the public and municipal administration [Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya]. 2010. N 2. P. 136–145. (rus)
3. *Reform of public service of Russia. History of attempts of reforming from 1992 till 2000 years* [Reforma gosudarstvennoi sluzhby Rossii. Istoriya popytok reformirovaniya s 1992 po 2000 god] / A.G. Barabashev, H.A. Bekov, T.V. Zaytseva etc.; under the editorship of T.V. Zaytseva. M. : Whole world [Ves' Mir], 2003. (rus)
4. Solovyov A.I. *Institutes of the power and management in strategy of the Russian modernization: problems and prospects* [Instituty vlasti i upravleniya v strategii rossiiskoi modernizatsii: problemy i perspektivy] // Bulletin of the Moscow University. Ser. 21. Management (state and society) [Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)]. 2010. N 3. P. 3–20. (rus)
5. Shestopal E.B. *Quarter of the century of political reforms in Russia from the point of view of psychology* [Chetvert' veka politicheskikh reform v Rossii s tochki zreniya psikhologii] // Political researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2015. N 1. P. 136–150. (rus)
6. Christensen T. & Laegreid P. *New public management: The transformation of ideas and practice*. Ashgate : 2001.
7. Easton D. A *Systems Analysis of Political Life*. New York : Wiley, 1965
8. Luhmann N. *Why Does Society Describe Itself as Postmodern?* // Cultural Critique (The Politics of Systems and Environments, Part I). Spring, 1995. N 30.
9. Lynn L.E. *Globalization and administrative reform: What is happening in theory?* // Public Management Review, 2001. 3(2). P. 192–193.
10. Pollitt C. & Bouckaert G. *Public management reform: a comparative analysis*. Oxford University Press, 2004.
11. Sahlin-Andersson K. *National, international and transnational constructions of New Public Management*. In T. Christensen and P. Læg Reid (Eds.) *New Public Management. The transformation of ideas and practice*. P. 43–72. Aldershot : Ashgate, 2001.
12. Stone D. *Policy Paradox: The Art of Political Decision Making*. N.Y. : W.W. Norton & Company, 2002.

Административно-правовое регулирование рынка ценных бумаг

Таранов Игорь Евгеньевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Аспирант кафедры «Административное право и административный процесс»
taranov_i@inbox.ru

РЕФЕРАТ

В статье на основе анализа финансового, административного, гражданского законодательства, а также теоретических административно-правовых положений рассмотрены и исследованы понятия «финансовый рынок» и «финансовая услуга», определены основные функции финансового рынка, представлена классификация финансовых рынков по определенным признакам, исследованы субъекты и объекты финансового рынка, содержание административных правоотношений, возникающих между участниками рынка ценных бумаг, а также контроль и надзор в сфере финансовых рынков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

финансовый рынок, финансовая услуга, рынок ценных бумаг, административно-правовое регулирование рынка ценных бумаг, финансовые активы, финансовые инструменты

Taranov I. E.

Administrative-Legal Regulation of Securities Market

Taranov Igor Evgenievich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Graduate Student of the Chair «Administrative law and Administrative process»
taranov_i@inbox.ru

ABSTRACT

In the article on the basis of the analysis of financial, administrative, civil law and theory of administrative-legal provisions considered and investigated the concept of «financial market» and «financial services» identifies the main functions of financial market classification of financial markets according to certain criteria, researched the subjects and objects of the financial market, the content of administrative legal relations arising between the participants of the securities market, as well as control and supervision in the financial markets.

KEYWORDS

financial market; financial services, securities market, administrative-legal regulation of securities market in financial assets, financial instruments.

По мнению автора, понятия «финансовый рынок» и «рынок финансовых услуг» (с юридических позиций) являются тождественными, если в нормативно-правовых актах нет специального указания на другое толкование этих категорий. Законодательное закрепление понятия «финансовый рынок» отсутствует, но, вместе с тем, Федеральный закон «О защите конкуренции»¹ дает определение финансовой услуги, которой в соответствии с абзацем третьим ст. 4 названного закона признается банковская услуга, страховая услуга, услуга на рынке ценных бумаг, услуга по договору лизинга, а также услуга, оказываемая финансовой организацией и связанная с привлече-

---

¹ О защите конкуренции: Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.

нием и (или) размещением денежных средств юридических и физических лиц. Отсюда финансовый рынок — это совокупность отношений, связанных с предложением и оказанием субъектами предпринимательской деятельности финансовых услуг определенного вида или нескольких видов, объединяемых по признакам единства правового регулирования указанных отношений.

Михайленко М. М. полагает, что с экономической точки зрения «финансовый рынок — это совокупность экономических отношений между участниками сделок (продавцами, покупателями, посредником) по поводу купли-продажи финансовых активов и услуг» [6, с. 19]. В качестве финансового актива выступает высоколиквидный рыночный товар, т. е. товар, который можно легко реализовать, превратить в деньги. В перечень финансовых активов входят: валюта Российской Федерации и иностранная валюта; внутренние и внешние ценные бумаги; документы, представляющие безусловное долговое обязательство страховых компаний и социальных страховых фондов (страховое свидетельство, медицинский полис, страховой полис); драгоценные металлы и драгоценные камни (за исключением ювелирных изделий и бытовых изделий из них); объекты недвижимого имущества.

Для достижения цели динамичного развития экономики требуется мобилизация временно свободных денежных средств физических и юридических лиц и их перераспределение на коммерческой основе между секторами экономики. Эта цель реализуется посредством эффективного функционирования финансового рынка. Финансовый рынок — это специфическая сфера совершения денежных операций, где объектом сделок служат свободные денежные средства субъектов хозяйствования, государственных структур, населения, предоставляемые пользователям в обмен на финансовые активы. Работать финансовый рынок может только при условии наличия в экономике страны реальных собственников.

В современной России становление финансового рынка связано с массовыми приватизационными процессами, проходившими в начале 1990-х гг. двадцатого века. Необходимость его формирования была обусловлена целью обеспечить приток капитальных вложений на предприятия реального сектора экономики. Финансовому рынку присущи следующие пять основных функций:

- 1) привлечение временно свободных денежных средств и их эффективное распределение между субъектами инвестиционного процесса;
- 2) установление рыночных цен на финансовые инструменты и услуги;
- 3) осуществление качественного посредничества между продавцами и покупателями финансовых активов и услуг;
- 4) создание условий для минимизации рисков продавцов и покупателей финансовых активов, связанных с резким изменением цен на них;
- 5) содействие активизации экономических процессов в стране.

Финансовый рынок — это сложная организационно-экономическая система, имеющая в своем составе отдельные, тесно взаимосвязанные между собой звенья, которые участвуют в едином технологическом цикле, а именно: эмитентов, инвесторов и посредников, являющихся профессиональными участниками рынка ценных бумаг [10, с. 181]. В структуру общественного производства встроен финансовый рынок, где ему принадлежит центральное место, обеспечивающее движение денежных средств в форме сбережений от домашних хозяйств к предприятиям. Выступая связующим звеном между рынком факторов производства и рынком товаров и услуг, финансовый рынок также выполняет и регулирующую функцию, показатели которой определяются государством в форме нормативов обращения финансовых инструментов.

Таким образом, главная экономическая функция финансовых рынков состоит в осуществлении преобразования временно свободных денежных средств, в инвестициях посредством финансовых инструментов. Чалдаева Л. А. полагает, что «за

потенциальным инвестором остается свобода принятия решений, учитывающая не только предполагаемую доходность, но и другие критерии выбора, важнейшие из которых — надежность и ликвидность вложений в финансовые инструменты» [10, с. 187].

Финансовые рынки могут быть классифицированы по определенным признакам, основным из которых выступает вид финансового инструмента как объекта отношений. По данному критерию выделяют: кредитный рынок, валютный рынок, рынок ценных бумаг, рынок драгоценных металлов.

По мнению Михайленко М. М., «рынок ценных бумаг (или фондовый) составляет наиболее значительную часть финансового рынка по объему совершаемых сделок» [6, с. 21]. Объектом купли-продажи здесь служат ценные бумаги, эмитированные финансовыми институтами, предприятиями и государством. На этом рынке с учетом специфики функционирования его механизма операции купли-продажи совершаются более оперативно и по более справедливым ценам, чем на других видах финансовых рынков.

Объектом экономических отношений кредитного рынка выступают кредитные ресурсы, обращение которых предполагает условия возвратности, срочности и платности. Этот рынок представлен банковским сектором, традиционно привлекающим свободные денежные средства и осуществляющим иные кредитные операции.

Операции с валютой или же с финансовыми инструментами совершаются на валютном рынке. В России объектами данного рынка являются национальная денежная единица Российской Федерации (монеты и банкноты Банка России, средства на банковских счетах и в банковских вкладах) и иностранная валюта (денежные знаки в виде банкнот, казначейских билетов, монеты, находящиеся в обращении и являющиеся законным средством наличного платежа на территории соответствующего иностранного государства (группы иностранных государств), средства в банковских вкладах и на банковских счетах в денежных единицах иностранных государств и международных денежных или расчетных единицах). Валютный рынок призван удовлетворять потребности хозяйствующих субъектов в валюте для осуществления внешнеэкономических операций, обеспечить минимизацию связанных с этими операциями валютных рисков, установить реальный валютный курс.

В соответствии с положениями Федерального закона от 26.03.1998 № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях»¹, рынок драгоценных металлов и драгоценных камней представляет собой экономические отношения по поводу операций с золотом, серебром, платиной и металлами платиновой группы (палладием, иридием, родием, рутением и осмием), а также с природными алмазами, изумрудами, рубинами, сапфирами, александритами, природным жемчугом в сыром (естественном) и обработанном виде. К драгоценным камням также приравниваются уникальные янтарные образования в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации².

В современных условиях расширяется процесс постоянного перехода финансовых ресурсов из одних сегментов рынка в другие, например, перемещение кредитных операций с кредитного рынка на рынок ценных бумаг, что обеспечивает уменьшение расходов по привлечению кредитных ресурсов [9, с. 294]. Объектами финансового рынка являются различные финансовые инструменты, в качестве которых выступают денежные средства, драгоценные металлы и ценные бумаги.

¹Федеральный закон от 26.03.1998 № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» // Собрание законодательства РФ, 30.03.1998, № 13, ст. 1463.

² См.: Постановление Правительства РФ от 05.01.1999 № 8 (ред. от 16.12.2014) «Об утверждении Порядка отнесения уникальных янтарных образований к драгоценным камням» // Собрание законодательства РФ, № 2, 11.01.1999. Ст. 310.

Участники финансового рынка — это лица, выполняющие на нем определенные операции, осуществляющие различные функции и вступающие при этом в экономические отношения друг с другом, а именно: продавцы и покупатели финансовых инструментов; финансовые брокеры и дилеры; фондовые и валютные биржи; расчетные центры; депозитарии; финансовые консультанты; органы государственного регулирования и контроля финансового рынка.

Центральный банк Российской Федерации является органом, осуществляющим регулирование, контроль и надзор в сфере финансовых рынков за некредитными финансовыми организациями и (или) сфере их деятельности. Согласно положениям ст. 76.1 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»¹ некредитными финансовыми организациями являются следующие лица: профессиональные участники рынка ценных бумаг; специализированные депозитарии инвестиционного фонда, паевого инвестиционного фонда и негосударственного пенсионного фонда; управляющие компании инвестиционного фонда, паевого инвестиционного фонда и негосударственного пенсионного фонда; акционерные инвестиционные фонды; клиринговые организации; осуществляющие функции центрального контрагента; организаторы торговли; центральный депозитарий; субъекты страхового дела; негосударственные пенсионные фонды; кредитные потребительские кооперативы; микрофинансовые организации; бюро кредитных историй; жилищные накопительные кооперативы; актуарии; рейтинговые агентства; ломбарды; сельскохозяйственные кредитные потребительские кооперативы.

Основной функцией финансового рынка, который представляет собой симбиоз национальных и международных рынков, является накопление и перераспределение денежных капиталов при помощи таких структур, как пенсионные, страховые, валютные фонды, банки. Административно-правовое регулирование финансового рынка за последнее время претерпело существенные изменения. В соответствии с Указом Президента РФ № 645 с 01.09.2013 г. полномочия Федеральной службы по финансовым рынкам РФ по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков переданы Центральному банку РФ². Банк России юридически и фактически приобрел статус мегарегулятора финансовых рынков страны. В нормативно-правовых актах нет определения понятия «мегарегулятор финансового рынка», хотя именно так называют Банк России специалисты в области финансов в своих публикациях [1]. Мегарегулятор финансового рынка — это специализированный независимый государственный орган, действующий как юридическое лицо публичного права, осуществляющий функции регулирования и надзора во всех секторах финансового рынка.

Порядок передачи полномочий Федеральной службы по финансовым рынкам РФ по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков Центральному банку РФ установлен Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 251-ФЗ³, согласно положениям которого: лицензии, разрешения, аттестаты, аккредитации,

¹ О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ (ред. от 05.05.2014) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 28. Ст. 2790.

² Об упразднении Федеральной службы по финансовым рынкам, изменении и признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации: Указ Президента РФ от 25 июля 2013 г. № 645 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 30 (ч. II). Ст. 4086.

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков: Федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 251-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 30 (ч. I). Ст. 4084.

статус, выданные Федеральной комиссией по рынку ценных бумаг (ФКЦБ России), ФСФР России, Инспекцией негосударственных пенсионных фондов при Министерстве труда и социального развития РФ, Комиссией по товарной бирже, Федеральной службой страхового надзора (Росстрахнадзором), действительны до окончания срока их действия; Центральный банк РФ выполняет начатые ФСФР России процедуры, связанные с предоставлением государственных услуг и выполнением государственных функций, а также принимает решения по результатам выполнения таких процедур; Центральный банк РФ является правопреемником ФСФР России в отношении, связанных с учреждением юридических лиц или участием в организациях, в том числе в иностранных и международных организациях; Центральный банк РФ является процессуальным правопреемником ФСФР России в арбитражных судах и судах общей юрисдикции, Банк России является правопреемником ФСФР России по гражданским обязанностям и правам ФСФР России; Центральный банк РФ не вправе участвовать в капитале ЗАО «Санкт-Петербургская Валютная Биржа» и ОАО «Московская Биржа ММВБ-РТС» с 01.01.2016 г., за исключением случаев, предусмотренных ст. 39 Закона о Банке России.

К Центральному банку РФ как к мегарегулятору перешли не только полномочия ФСФР России, но и некоторые новые полномочия. К этим новым полномочиям относятся: осуществление официального статистического учета прямых инвестиций в РФ и прямых инвестиций из РФ за рубеж в соответствии с российским законодательством; утверждение планов-счетов бухгалтерского учета и отраслевых стандартов для некредитных финансовых организаций; проведение анализа и прогнозирование состояния российской экономики, публикация статистических данных и соответствующих материалов¹.

В составе центрального аппарата Банка России с 03.03.2014 г. в соответствии с решением² Совета директоров Центрального банка РФ начали работу 9 новых структурных подразделений, отвечающих за функционирование и развитие финансовых рынков: Департамент допуска на финансовые рынки, Департамент развития финансовых рынков, Департамент страхового рынка, Департамент сбора и обработки отчетности НФО, Департамент коллективных инвестиций и доверительного управления, Департамент рынка ценных бумаг и товарного рынка, Служба Банка России по защите прав потребителей финансовых услуг и миноритарных акционеров, Главное управление противодействия недобросовестным практикам поведения на финансовых рынках, Главное управление рынка микрофинансирования.

Одной из важных задач государства является административно-правовое регулирование финансового рынка. Контроль за законностью и целесообразностью деятельности финансовых рынков обеспечивает успешное функционирование и развитие экономики страны. В мировой практике регулирования финансовых рынков можно встретить два подхода к упорядочиванию деятельности на них. В рамках первого способа наблюдается преимущественно административно-правовое регулирование с участием государственных органов, а саморегулируемые организации профессиональных участников рынка имеют в данной сфере незначительный объем компетенции. При втором способе основные функции на рынке осуществляют саморегулируемые организациями, а за государственными органами сохраняются исключительно контрольно-надзорные полномочия.

Регулирование финансового рынка и рынка финансовых услуг в России главным образом осуществляется государственными органами. Упразднение ФСФР России и передача полномочий этой Службы Банку России является логичным шагом

¹См.: ст. 4ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России).

²Информация Банка России от 29.11.2013 «О реорганизации Службы Банка России по финансовым рынкам» // Вестник Банка России, № 70, 04.12.2013.

в рамках стратегии развития российского финансового рынка и создания в Москве мирового финансового центра (МФЦ) по аналогии с Лондоном, Нью-Йорком, Токио, Франкфуртом-на-Майне, Парижем, Гонконгом¹. Следовательно, можно сделать вывод, что административно-правовое регулирование финансового рынка на данном этапе развития российской государственности является одной из важных задач государства, решение которой призвано обеспечить успешное функционирование и развитие экономики страны.

Уяснению внутреннего содержания административно-правового регулирования на рынке ценных бумаг способствует характеристика правоотношений, возникающих, изменяющихся и прекращающихся в этой сфере. Важным является определение роли и места этих правоотношений в административно-правовом регулировании рынка ценных бумаг, основной целью которого является выстраивание стройной системы правоотношений, обеспечивающей действенность государственного управления. При этом следует обратить внимание на верное указание ряда ученых-административистов [3, с. 57; 8, с. 21], что сущность государственного управления обнаруживается, прежде всего через управляющее воздействие субъекта управления на управляемый объект в соответствии с поставленными целями и задачами.

Трудность управления рынком ценных бумаг в частности и экономикой вообще заключается в необходимости достижения единства между такими внутренне противоречивыми целями, как поддержание макроэкономического равновесия и стимулирование экономической активности. Развитие экономики невозможно при неизменности условий ее функционирования, что приводит к нарушению баланса. Поэтому в экономике, и на рынке ценных бумаг в особенности, проблему поддержания динамического равновесия между обозначенными целями нельзя решить только с помощью классических методов государственного управления, так как в рыночной экономике главную роль играют сами участники хозяйственных отношений [4, с. 324]. В сфере экономики действие административно-правовых норм должно в общем и целом способствовать совершенствованию качества государственного управления и, в частности, улучшению функционирования механизма рынка ценных бумаг.

Правовая природа общественных отношений, регулируемых нормами административного права, может быть определена, в частности, посредством такого метода научного познания, как классификация. При этом, как справедливо отмечают некоторые ученые [2, с. 35; 7, с. 95], необходимо верно определиться с критериями классификации норм права: по способам защиты, предмету и методу регулирования, юридической силе, характеру диспозиции.

Административно-правовое регулирование предполагает наличие таких общественных отношений, в которых, как правило, отсутствует юридическое равенство их участников. Это субординационные отношения власти и подчинения. Специфика имущественных отношений административно-правового характера на рынке ценных бумаг основывается на положениях, закрепленных в п. 3 ст. 2 Гражданского кодекса РФ² и устанавливающих, что к имущественным отношениям, основанным на властной подчинении одной стороны другой, в том числе к административным и финансовым отношениям, гражданское законодательство не применяется.

Таким образом, административно-правовое регулирование имущественных отношений на рынке ценных бумаг осуществляется как законодательными, так и подзаконными актами уполномоченных государственных органов. В частности, в ч. 1 ст. 39

¹ Центральный Банк РФ (Банк России) — мегарегулятор финансовых рынков [Электронный ресурс]. URL: www.idekart.ru/articles/75312 (дата обращения: 17.06.2014).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32. Ст. 3301.

Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»¹ закреплено, что практически все виды профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг осуществляются на основании лицензии, выдаваемой Центральным банком РФ.

Федеральный закон «О рынке ценных бумаг», устанавливая основы регулирования рынка ценных бумаг, в ст. 38 делает специальный акцент на преимущественном государственном регулировании отношений, возникающих на этом рынке. Регулирующая роль уполномоченных государственных органов обеспечивается силой государственно-правового принуждения, что свидетельствует о публичном характере правоотношений на рынке ценных бумаг. Когда административно-правовые отношения складываются в сфере государственного управления, то в них реализуются интересы государства, выразителем которых является действующий от имени государства орган государственного управления.

Административно-правовые отношения, по общему правилу, возникают при непосредственном участии в них субъекта административной власти (органа государственного управления либо его должностного лица), наделенного государственно-властными полномочиями. При этом административная правосубъектность государственного органа на рынке ценных бумаг выражается в его компетенции (например, в предоставлении ему законом права единолично квалифицировать ценные бумаги и производные финансовые инструменты, устанавливать обязательные для профессиональных участников рынка ценных бумаг нормативы достаточности собственных средств, в случае неоднократного нарушения в течение одного года профессиональными участниками рынка ценных бумаг законодательства Российской Федерации о ценных бумагах принимать решение о применении таких административно-пресекательных мер, как приостановление действия или аннулирование лицензии).

Взаимодействуя между собой по поводу заключения гражданско-правовых сделок на рынке ценных бумаг, профессиональные участники данного рынка являются участниками гражданско-правовых отношений, а взаимодействуя с органом государственного управления выступают преимущественно обязанной стороной административно-правовых отношений. Вместе с тем, в ряде случаев государственные органы могут передавать принадлежащие им отдельные функции негосударственным организациям². При наличии таких обстоятельств правоотношения возникают без участия органа государственного управления [5] и становятся административно-правовыми. Таковыми являются отношения между саморегулируемой организацией профессиональных участников рынка ценных бумаг и ее членами.

Следует также отличать объект административно-правового регулирования на рынке ценных бумаг от объекта гражданско-правового регулирования на данном рынке. В первом случае в качестве объекта выступает деятельность по совершению операций с ценными бумагами, а во втором — сделки, заключаемые на рынке ценных бумаг.

Литература

1. Адамбекова А. А. Центральный банк страны как мегарегулятор финансового рынка // Деньги и кредит. 2012. № 10. С. 12–15.
2. Бахрах Д. Н. Предмет административного права РФ // Административное право РФ: вопросы предмета и системы административного права. Административный процесс и ад-

¹ Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства РФ, № 17, 22.04.1996. Ст. 1918.

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2005 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А. Г. Меженцева» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 1.

- министративная юрисдикция. Вопросы государственного регулирования в сфере экономики (по материалам конференции) / под общ. ред. Н. Г. Салищевой. Великий Новгород, 1999.
3. Бельский К. С. Феноменология административного права. Смоленск, 1995.
  4. Буренин А. И. Рынки производных финансовых инструментов. М., 1996.
  5. Козлов Ю. М. Предмет советского административного права. М., 1967. С. 104–107.
  6. Михайленко М. М. Финансовые рынки и институты / под ред. А. Н. Жилкиной. М. : Юрайт, 2014.
  7. Петров Г. И. Сущность советского административного права. Л., 1959.
  8. Советское административное право. Методы и формы государственного управления / ред. Ю. М. Козлов, Б. М. Лазарев, А. Е. Лунев и др. М., 1977.
  9. Финансы / под ред. А. П. Балакиной, И. И. Бабленковой. М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2012.
  10. Чалдаева Л. А., Блохина Т. К., Шемякин А. Б. Биржевое дело / под ред. Л. А. Чалдаевой. М. : Юрайт, 2013.

References

1. Adambekova A. A. *Central Bank as the megaregulator of the financial market* [Tsentral'nyi bank strany kak megaregulyator finansovogo rynka] // Money and credit [Den'gi i kredit]. 2012. N 10. P. 12–15. (rus)
2. Bakhrakh D. N. *The subject of administrative law of Russian Federation* [Predmet administrativnogo prava RF] // Administrative law of the Russian Federation: questions of the subject and administrative law system. Administrative process and administrative jurisdiction. The issues of state regulation in the sphere of economy (conference proceedings) [Administrativnoe pravo RF: voprosy predmeta i sistemy administrativnogo prava. Administrativnyi protsess i administrativnaya yurisdiksiya. Voprosy gosudarstvennogo regulirovaniya v sfere ekonomiki (po materialam konferentsii)] / ed. by N. G. Slideway. Veliky Novgorod : 1999. (rus)
3. Belsky K. S. *Phenomenology of administrative law* [Fenomenologiya administrativnogo prava]. Smolensk, 1995. (rus)
4. Burenin A. I. *The derivative Markets* [Rynki proizvodnykh finansovykh instrumentov]. M., 1996. (rus)
5. Kozlov Yu. M. *The Subject of Soviet administrative law* [Predmet sovetskogo administrativnogo prava]. M., 1967. P. 104–107. (rus)
6. Mikhailenko M. M. *Financial markets and institutions* [Finansovye rynki i instituty] / ed. by A. N. Zhilkin. M. : Yurait, 2014. (rus)
7. Petrov G. I. *The Essence of the Soviet administrative law* [Sushchnost' sovetskogo administrativnogo prava]. L. : 1959. (rus)
8. *Soviet administrative law. Methods and forms of public governance* [Sovetskoe administrativnoe pravo. Metody i formy gosudarstvennogo upravleniya] / Ed. Yu. M. Kozlov, B. M. Lazarev, A. E. Lu-nev etc. M., 1977. (rus)
9. *Finance* [Finansy] / ed. by A. P. Balakina, I. I. Babenkova. M. : Publishing and trading Corporation «Dashkov and Ko», 2012. (rus)
10. Chaldaeava L. A., Blokhina T. K., Shemyakin A. B. *Exchange business* [Birzhevoe delo] / ed. by L. A. Coldeway. M. : Yurait, 2013. (rus)

Проблемы участия малого и среднего бизнеса в государственных закупках

Переверзев Никита Анатольевич

Волгоградский филиал РАНХиГС
Аспирант кафедры экономики и финансов
kaktus.n@mail.ru

РЕФЕРАТ

Проблемы развития малого и среднего предпринимательства в России обусловлены отсутствием должной поддержки со стороны государства, в том числе и в процедурах государственного заказа. Реформирование нормативно-правовой базы госзакупок (заказов государственных и муниципальных органов на товары, услуги, работы) направлено на вовлечение субъектов малого и среднего бизнеса в конкурсы и аукционы на выполнение поставок для нужд государства. Принятие нового закона о контрактной системе 44-ФЗ частично решает накопившиеся проблемы организации госзакупок, системы мотивации участия малого бизнеса в тендерах, тем не менее ряд вопросов до сих пор остается нерешенным. Существенным шагом в повышении лояльности к малому и среднему бизнесу является требование с 2014 г. не менее 15% госзакупок совершать у данных субъектов. Вместе с тем возрастают требования к малому бизнесу в плане раскрытия достоверной финансовой информации о своей деятельности, предоставления обеспечения на весь период действия контракта. Данную проблему частично решают посредством привлечения банковских гарантий, банковского кредитования, заимствований через микрофинансовые организации, кредитных брокеров, что существенно увеличивает нагрузку на предпринимателей, которые в конечном итоге отказываются от участия в торгах. Вместе с тем предприниматели все же участвуют в торгах, выполняя достаточно жесткие требования контрактной системы, отвечая завышенным обязательствам финансовых организаций, что доказывает потенциал данного сектора экономики и его устойчивость. Последующие преобразования в этой сфере необходимо прежде всего направить на послабление требований к участникам торгов, упорядочивание процедуры привлечения залогового обеспечения контракта и снижение требований со стороны финансово-кредитных учреждений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

государственный заказ, малый и средний бизнес, контракт, обеспечение контракта, гарантия

Pereverzev N. A.

Problems of Participation of Small and Medium Enterprises in Public Procurement

Pereverzev Nikita Anatolyevich

Volgograd branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation)
Graduate student of the Chair of Economics and Finance
kaktus.n@mail.ru

ABSTRACT

Problems of development of small and average business in Russia due to the lack of support from the state, including in the procedures of the state order. Reforming the regulatory framework of public procurement (orders of state and municipal authorities on goods, services, works) will seek the involvement of small and medium-sized businesses in tenders and auctions for the procurement for the needs of the state. The adoption of a new law on contract system 44-FZ partially solves the problems of the organization of public procurement, the system of motivation of participation of SMEs in tenders, however, several questions still remains unresolved. A significant step in improving loyalty to small and medium-sized business is the requirement from 2014 at least 15% of government purchases be made through these entities. However increasing requirements for small businesses in terms of disclosure of reliable finan-

cial information about its activities, providing security for the entire period of the contracts. This partially solve the problem by attracting Bank guarantees, Bank lending, loans through microfinance organizations, credit brokers, which significantly increases the burden on entrepreneurs, which would ultimately refuse to participate in the auction. However, entrepreneurs still participate in bidding, performing the contract system, responding by the increased obligations of financial institutions, which proves the potentials of this sector of the economy and its stability. Subsequent conversions in this area should primarily be directed at easing the requirements for bidders, the ordering procedure involving collateral contract and reduce the demands from the financial institutions.

KEYWORDS

government contracts, small and medium business, contract, performance bond, warranty

---

Сложный доступ российского малого и среднего предпринимательства к государственным заказам и к закупкам государственных корпораций — одна из многих проблем, препятствующих развитию данного сегмента предпринимательства в России. Основные проблемы в организации государственных торгов вызваны нарушениями в процедурах проведения аукционов и конкурсов, предвзятым отношением со стороны заказчиков, некорректным подведением результатов торгов. В связи с чем, анализ существующей системы государственного заказа, с нашей точки зрения, является важным при исследовании развития малого и среднего предпринимательства в России.

В своем становлении и развитии институт государственного заказа прошел ряд ключевых периодов, связанных с законодательными нововведениями, начиная от Указа Президента РФ № 305 от 08.04.95 г. «О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупки продукции для государственных нужд», заканчивая Федеральным законом № 44-ФЗ от 05.04.13 г. «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и постановлением Правительства РФ от 11 декабря 2014 г. № 1352 «Об особенностях участия субъектов малого бизнеса в закупках государственных компаний и естественных монополий».

Со вступлением в силу 44-ФЗ изменились правила закупок для государственных нужд, согласно которым с 2014 г. заказчики должны не менее 15% (в 2018 г. не менее 25%) закупок совершать через малый и средний бизнес. Причем верхний предел объемов закупок не ограничен. Отменен перечень товаров, работ и услуг, которые необходимо закупать у представителей малого предпринимательства, что дает возможность покупать товары не из указанного перечня. Произошло увеличение порога начальной цены с 15 млн руб. до 20 млн руб. Не изменятся также формы осуществления закупок, поэтому проведение торгов и других процедур будет продолжено, в которых будут принимать участие рыночные субъекты любой организационно-правовой формы. Кроме того, отдельно будут устраиваться торги исключительно для субъектов МСП, в том числе в качестве субподрядчиков¹.

Основной сферой применения Федерального закона 44-ФЗ выступает регулирование таких вопросов, как: планирование закупок, осуществление закупок, проведение мониторинга, аудита и контроля закупок, решение и разрешение спорных ситуаций, проведение отдельных видов закупок. За пределами сферы влияния закона остаются следующие вопросы в силу их высокой специфики: международные закупки, закупки по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной

---

¹ Постановление Правительства РФ от 11 декабря 2014 г. № 1352 «Об особенностях участия субъектов малого бизнеса в закупках государственных компаний и естественных монополий» / СПС Гарант. [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/70819336/block_1005ixz3qOT3M1ZL (дата обращения: 22.10.2015).

защите, закупки драгоценных камней и металлов для пополнения Государственного фонда драгоценных металлов, назначение адвокатов в уголовном судопроизводстве и их привлечение для оказания бесплатной государственной юридической помощи, закупки избирательными комиссиями.

Термин «госзакупки» означает заказы государственных и муниципальных органов на товары, услуги, работы от производителей и поставщиков. Для определения поставщика таких закупок должен проводиться конкурсный отбор — тендер. Сегодня существует 5 видов форм проведения конкурса (тендера, размещения государственного заказа):

- 1) электронные аукционы — осуществляются на официальных федеральных электронных торговых площадках (ЭТП): Сбербанк-АСТ, ММВБ «Госзакупки», РТС-тендер, ЕЭТП, ZakazRF. Электронные аукционы дают возможность расширить границы существующего бизнеса, не привязывают поставки к какому-то одному региону или рынку;
- 2) открытые конкурсы — проводятся по критерию «лучшая цена», сроки, качество. Как правило, применяются в сделках, где сумма заказа более 500 тыс. руб.;
- 3) запросы котировок — проводятся по аналогичной схеме, но закупки достаточно дорогостоящие;
- 4) закупки у одного поставщика — достаточно сложно такой вид конкурса назвать торгами, так как закупки и конкурс проводятся для одного участника;
- 5) открытые аукционы — особенностью такого конкурса является размещение информации о заказе в СМИ¹. Данный вид уже утратил популярность.

Особенности проведения конкурсов для малого бизнеса и социально ориентированных некоммерческих организаций обусловлены наличием квоты на закупки у данных субъектов. Такие конкурсы публикуются со специальной меткой, заявка такого предприятия должна содержать документы, подтверждающие принадлежность к такому виду предприятий. Представим алгоритм участия в таком конкурсе.

Шаг 1. Необходимо выбрать вид конкурса.

На данном шаге нужно определиться со способом определения поставщика заказчиком. Для этого необходимо воспользоваться официальным сайтом закупок или сервисами (Контур.Закупки, Seldon, Bicotender). Основными способами определения поставщика являются запрос котировок, конкурс, аукцион. Победитель конкурса определяется на основе суммы баллов по критериям: цена, сроки, отзывы и т. д. Критерии и система их оценок устанавливаются самим заказчиком. В аукционе победитель определяется по самому выгодному предложению, для участия в таком аукционе необходимо наличие электронной подписи.

Шаг 2. Получение сертификата электронной подписи.

Для предпринимателей, принявших решение участвовать в электронных аукционах, необходима неквалифицированная электронная подпись, для участия в других формах конкурсов она не обязательна. Получить такую подпись можно в аккредитованном удостоверяющем центре. Каждая электронная торговая площадка определяет свой вид подписи.

Шаг 3. Участие в конкурсе.

Для участия нужно в указанные сроки подготовить и подать документы. Конкурсная комиссия определяет победителя и составляет итоговый протокол, с которым необходимо вовремя ознакомиться и подписать контракт.

При этом планируется, что закупки у субъектов МСП можно осуществить следующими способами: проведение торгов и иных способов закупки, предусмотренных положением о закупке, в которых участниками являются субъекты любой органи-

¹ Госзакупки у малых фирм [Электронный ресурс]. URL: <http://ipinform.ru/razvitie-biznesa/malyj-biznes/malyj-biznes-i-goszakazy.html> (дата обращения: 22.10.2015).

зационно-правовой формы либо физические лица, в том числе МСП; проведение торгов, иных способов закупки, предусмотренных положением о закупке, в которых участником являются только субъекты МСП; проведение торгов, иных способов закупки, предусмотренных положением о закупке, в которых устанавливается требование о привлечении к исполнению договора субподрядчиков (соисполнителей) из числа субъектов МСП.

Несмотря на достаточно простую и унифицированную процедуру, существуют определенные проблемы как в организации самих госзакупок, так и проблемы, связанные с особенностями субъектов МСП. Данные проблемы препятствуют развитию института государственного заказа и участия в нем малых предприятий. Статистика показывает, что процент участия в государственных закупках малого бизнеса достаточно невелик.

Так, согласно данным «ОПОРЫ России», в закупках государственных компаний сейчас участвуют примерно 24% субъектов МСП, только 30% из них считают, что аукционы проводятся честно. Данные Федеральной антимонопольной службы РФ демонстрируют показатель 90% закупок по результатам конкурса с одним поставщиком. Цифры Министерства экономического развития РФ доказывают, что общий объем закупок у единственного поставщика по закону 223-ФЗ составляет примерно 48%, а объем закупок иными способами (фактически это замаскированные закупки у единственного поставщика) — 46%.

Таким образом, в России всего 6% государственных контрактов можно считать заключенными на справедливых, прозрачных условиях в результате честной конкуренции подрядчиков. Эти цифры свидетельствуют о необходимости реформировать, оптимизировать, приводить систему закупок к «рабочему» виду, и делать это нужно, не расширяя сферу ее функционирования, а наводя порядок в тех сегментах, где она уже работает¹.

За последние несколько лет власти предприняли многочисленные попытки нормализовать работу системы государственного заказа. В 2013 г. Агентство стратегических инициатив приступило к реализации «дорожной карты» «Расширение доступа субъектов малого и среднего предпринимательства к закупкам инфраструктурных монополий и компаний с государственным участием». Были приняты постановления правительства и другие нормативно-правовые акты, направленные на то, чтобы малые и средние компании могли реально через систему торгов брать подряды госорганов, муниципальных структур, предприятий с госучастием и зарабатывать на этом.

В частности, государственные компании обязали закупать у представителей малого и среднего предпринимательства (МСП) 18% из всего количества приобретаемых товаров, услуг и работ. По данным сайта zakupki.gov.ru, по 223-ФЗ покупают более 77 000 организаций, которые за весь 2014 г. приобрели товаров, работ и услуг на 17,8 трлн, а с начала 2015 г. — на 14 трлн руб. Эти цифры впечатляют, но они никакого отношения не имеют к субъектам МСП, в противном случае отечественная экономика добилась бы показателя равного 50-процентному вкладу отечественных малых и средних компаний в ВВП. На практике данные бюджеты фактически сконцентрированы в руках крупных компаний.

Основные проблемы в рассматриваемой области объединены нами в две группы: системные и организационные проблемы организации государственных закупок; специфические проблемы малого бизнеса. Рассмотрим данные группы проблем подробнее.

¹ Алексей Петропольский, генеральный директор юридической компании URVISTA. «Российская Бизнес-газета» № 1022 (43). <http://www.rg.ru/2015/11/03/zakupki.html> (дата обращения: 22.10.2015).

Первая группа проблем — проблемы системы и организации государственных закупок:

- большая доля коррупционных схем в госзакупках (организация аукционов с необоснованно высокой начальной ценой контрактов, участие в конкурсах юридических лиц, аффилированных с организаторами конкурсов, подставных лиц, подтасовка котировок, невыполнимые условия тендера, демпинг цен и т. п.);
- отсутствие достаточной конкуренции в торгах. Как правило, среднее количество поставщиков колеблется от 2 до 3. Достаточно часты случаи проведения конкурса с одним участником, или подставными участниками для создания видимости конкуренции;
- отсутствие прозрачной и ясной информационной базы по закупкам. Достаточно часты случаи недостаточной информации и искажения достоверных сведений при проведении тендеров;
- отсутствие централизованного контроля и государственного аудита. Проверками системы госзакупок занимаются различные контролирующие структуры: правоохранительные органы, Счетная палата РФ, Федеральная антимонопольная служба, Росфиннадзор, Минэкономразвития. Отсутствие скоординированности и согласованности в работе данных ведомств дает возможность злоупотреблять существующими схемами и пробелами в законодательстве.

Перечисленные проблемы, с которыми сталкиваются поставщики, участвовавшие в тендерах, на будущее просто отбивают мотивацию для дальнейшего участия в подобных конкурсах. Часть из данных проблем решилась после вступления в силу 44-ФЗ, но тем не менее необходимо комплексно представить основные пробелы в законодательстве о закупках. Постараемся оценить возможности нового закона о контрактной системе:

- 1) расчет начальной цены контракта теперь четко регламентирован. Рекомендовано применение 5 методов определения цены, среди которых приоритетным признан метод сравнения с рыночной ценой;
- 2) в законе предусмотрены и введены антидемпинговые меры, участник конкурса должен экономически обосновать свою цену в заявке, предоставить обеспечение условий контракта;
- 3) введены дополнительные формы контроля: общественный контроль, аудит в сфере закупок, контрактный управляющий, обязательная экспертиза товаров, работ услуг со стороны заказчика;
- 4) установление равнозначных критериев, при определении поставщика выбирается два критерия, одним из которых является цена;
- 5) создание единой информационной системы на сайте www.zakupki.gov.ru с предоставлением широкого спектра информации (план закупок, ход исполнения контракта, сведения об аудите и контроле, статистика, справочные материалы и т. п.);
- 6) обязательное составление плана-графика будущих закупок. Ранее данное новшество должно было вводиться с 2015 г. и на 2016 г. необходимо заказчикам верстать планы на 2016 г. В связи с событиями весны 2014 г. — присоединением Крыма и Севастополя к России — законодатель перенес сроки вступления в силу планов, планов-графиков, нормирования, обоснования на 2016 г. (ст. 16–19, 21 44-ФЗ), общественного обсуждения на 2017 г. (ст. 20 44-ФЗ). Так как новые участники контрактной системы не успевают подготовиться к госзакупкам в полной мере по техническим, организационным причинам¹.

Таким образом, особенностями 44-ФЗ в области совершенствования механизма торгов являются, прежде всего, нацеленность на ограничение коррумпирован-

¹ Важные изменения в Контрактной системе с 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://school.kontur.ru/publications/44> (дата обращения: 29.10.2015).

ности в государственных закупках и возрастание функции контроля в системе торгов. Усилены требования к участникам конкурсного отбора. Тем не менее на практике установленная квота не соблюдается или соблюдается лишь формально. В торгах принимают участие «карманные», специально созданные под аукционы юридические лица, подпадающие под критерии малых и средних предприятий. Такие фиктивные компании с номинальными учредителями выводятся на торги, на которых и выигрывают.

Это легко проследить, если ознакомиться с документацией, которую предоставляют на конкурс участники: как правило, сроки существования таких компаний небольшие — они создаются под аукционы. Дело усложняется еще и тем, что торги госкорпораций до сих пор не переведены в электронный вид (хотя и к этой форме закупок есть много вопросов). Таким образом, реальные малые предприятия, которые, особенно в кризис и в период падения покупательского спроса, вынуждены искать новые, дополнительные источники финансирования и возможности заработать, не имеют доступа к закупкам госкорпораций.

Вторая группа проблем — специфические проблемы малого бизнеса, вызванные наличием организационных барьеров и несовершенством системы мотивации участия малого бизнеса в тендерах. Они также частично решаются 44-ФЗ:

1) увеличены минимальные квоты до 15% на осуществление закупок у малых предприятий и социально ориентированных некоммерческих организаций, отчет о выполнении квоты должен размещаться в единой информационной системе;

2) отменен перечень товаров, работ, услуг для закупок у малого бизнеса; в заявке на конкурс и аукцион при поставке товара участник должен указать страну происхождения товара (п. 1, ч. 3, ст. 66). Ранее участник указывал наименование производителя и наименование места происхождения товара;

3) обязательное требование обеспечения заявки. Для небольших лотов (менее 3 млн руб.) до 1% начальной минимальной цены контракта. Для конкурентных способов закупок обеспечение контракта в размере от 5 до 30% начальной минимальной цены контракта. При закупках у единственного поставщика обеспечение не требуется;

4) общий годовой объем закупок не более 5% от совокупного годового объема закупок (не более 50 млн руб.). Большая часть закупок у малых предприятий будет реализовываться путем проведения конкурсов и аукционов.

Помимо преимуществ у малого бизнеса также появляются новые обязанности:

- компании должны подтверждать свой статус, путем декларирования своей принадлежности к МСП;
- наличие обеспечения, которое не все малые предприятия могут себе позволить. Обеспечение должно быть предоставлено заказчику на весь период выполнения контракта и даже на гарантийный срок, в противном случае поставщик будет включен в реестр недобросовестных поставщиков, что в течение 2 лет не позволит ему участвовать в торгах. Если участник предоставил заказчику недостоверную информацию в заявке, то комиссия заказчика обязана его отстранить на любом этапе процедуры закупки. Теперь это законодательно закреплено в ч. 6.1 ст. 66 44-ФЗ.

Для преодоления данного экономического барьера многие фонды содействия кредитованию малого бизнеса выдают банковские гарантии для субъектов МСП, работающих по государственному заказу. Многие финансовые организации уже несколько лет используют данные инструменты поддержки. Так, к примеру, в Программе поддержки малого и среднего предпринимательства ОАО «Российский Банк поддержки малого и среднего предпринимательства» с августа 2013 г. появилось новое направление — предоставление гарантий по кредитам средних предприятий, выданных на инвестиционные цели. Смысл гарантий сводится к тому, что банк вы-

дает гарантию за средние предприятия, которые, в свою очередь, гарантирует Внешэкономбанк, а гарантию за него — государство в лице Минфина.

Основная цель введения гарантийного механизма — повышение доступности финансовых ресурсов для среднего бизнеса. Предоставление гарантий позволяет существенно минимизировать резервы, а также поддержать те предприятия, у которых нет достаточного обеспечения для получения долгосрочного кредита. Результаты 2013 г. свидетельствуют о востребованности этого продукта. С момента запуска гарантийного механизма Банк наладил процесс рассмотрения заявок и выдачи гарантий практически «с нуля». На текущий момент «МСП Банк» заключил рамочные соглашения с 24 банками на сумму почти 36 млрд руб. (кроме того, в работе еще 11 заявок от партнеров на сумму 9 млрд руб.). По соглашениям выдано 10 гарантий на сумму 1,1 млрд руб. в 2013 г., в 2014 г. до 8,54 млрд руб. [2, с. 26].

К сожалению, многие банки в соответствии с нормами Центробанка предъявляют завышенные требования к субъектам малого бизнеса, которых рассматривают как клиентов на получение банковской гарантии. Например, компания должна несколько лет существовать на рынке, иметь положительный баланс, поэтому начинающие компании не проходят по критериям кредитоспособности у кредитных организаций. Известны факты, когда собственники компаний идут в микрофинансовые организации и берут кредиты под высокие проценты как физические лица и при этом все равно выполняют условия контракта. Есть еще одно препятствие — отсутствие инфраструктуры по вовлечению предпринимателей в систему госзаказа, особенно в регионах.

Требования в рамках контрактной системы достаточно жесткие, срок выдачи гарантии очень короткий. Поэтому рынок принадлежит не столько банкам, сколько брокерам. Большинство предпринимателей работают через них. Банк требует залога, обеспечительных мер. Гарантия обходится конкурсантам в 3–4 % от суммы контракта, но возник серый рынок, где гарантии стоят 1–2 %, хотя не всегда подтверждены банками. По оценкам аналитиков, в регионах от 50 до 70% рынка охвачено серыми брокерами. А заказчики не всегда могут проверить легитимность гарантии. Фактов выявления серых гарантий крайне мало, так как они возможны только при невыполнении госзаказа. Дело просто не доходит до проверки, а клиент экономит деньги.

Контрактная система обязывает создать специальный реестр банковских гарантий, и банки будут обязаны на следующий день после их выдачи размещать соответствующую информацию. Сейчас есть несколько реестров, которые некоторые банки совместно с торговыми площадками ведут в добровольном порядке, однако этого недостаточно. Подтвержденная статистика свидетельствует: субъектам малого бизнеса тоже можно давать гарантии, хотя по ним есть свои специфические требования. Компании-интеграторы важны для банков, и не только крупных сетевых, так как они могут обеспечить поток клиентов. Издержки банков при этом существенно меньше, им поставляется уже готовый клиент. А следующий шаг — выдача ему кредита.

Помимо экономических барьеров существуют также психологические барьеры, связанные с недостаточным доверием к малым и средним формам бизнеса со стороны крупных корпоративных структур. Чтобы частные предприятия действительно пользовались потенциалом малого и среднего бизнеса, необходимо проработать механизм, в котором были бы учтены все факторы, препятствующие участию МСП в торгах госкорпораций. Необходимо создать систему профотбора компаний малого предпринимательства. Тогда, действительно, деньги могут дойти до реальных представителей МСП. Решающими критериями при отборе поставщиков работ, товаров и услуг должны стать их опыт работы в данной сфере, наличие

портфолио, технических мощностей, оборудования и других ресурсов, необходимых для исполнения подряда.

Однако не стоит забывать и о том, что подавляющее большинство компаний малого и среднего бизнеса в России — это непроемственные предприятия. Этот фактор тоже необходимо учитывать при «навязывании» квоты частным компаниям на закупки у МСП: а найдутся ли вообще те участники рынка среди малых предприятий, которые, объективно говоря, способны исполнить подряд на высоком уровне? Достаточно ли их количество? Располагают ли они технологиями, сопоставимыми по возможностям с теми, которыми обладают корпорации? Отсутствие доверия со стороны крупных компаний — как раз одна из причин того, что введенная квота на закупки госкорпораций у МСП не используется в максимальном объеме.

Литература

1. Алещенко В. В., Алещенко О. А., Карпов В. В. и др. Совершенствование механизма государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства: коллективная монография. Омск : ИЦ «Омский научный вестник», 2015.
2. Миссия МСП банка — финансовая поддержка малого и среднего предпринимательства (интервью с Председателем правления банка С. П. Крюковым) // Деньги и кредит. 2014. № 4. С. 25–27.
3. Савицкая Г. В. Анализ эффективности и рисков предпринимательской деятельности. Методологические аспекты. М. : ИНФРА-М, 2012.

References

1. Aleshchenko V.V., Aleshchenko O.A., Karpov V.V. etc. *Improvement of the mechanism of the state support of subjects of small and average business* [Sovershenstvovanie mekhanizma gosudarstvennoy podderzhki sub"ektov malogo i srednego predprinimatel'stva]: collective monograph. Omsk : Publishing Centre «Omsk Scientific Bulletin» [Omskii nauchnyi vestnik], 2015. (rus)
2. *Mission of SME bank — financial support of small and average business* (interview of the Chairman of the board of the bank S. P. Kryukov) [Missiya MSP banka — finansovaya podderzhka malogo i srednego predprinimatel'stva (interv'y u s Predsedatelem pravleniya banka S. P. Kryukovym)] // Money and the credit [Den'gi i kredit]. 2014. N 4. P. 25–27. (rus)
3. Savitskaya G.V. *Analysis of efficiency and risks of business activity. Methodological aspects* [Analiz effektivnosti i riskov predprinimatel'skoi deyatel'nosti. Metodologicheskie aspekty]. M. : INFRA-M, 2012. (rus)

Периодизация монетного обращения середины VIII — начала XI в. в Восточной Европе и динамика экономических связей древнейших русских дружин¹

Кулешов Вячеслав Сергеевич

Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)
 Научный сотрудник Отдела нумизматики
 Белорусский государственный университет (Минск, Республика Беларусь)
 Аспирант кафедры истории России
 viacheslav.kuleshov@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье вводится новая периодизация (хронологическая система) обращения исламских серебряных монет в Восточной Европе. Факты изменения типологического состава монетного обращения рассматриваются как источник для изучения динамики экономических связей древнейших русских военно-торговых и княжеских дружин середины VIII — начала XI в.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Восточная Европа, раннее средневековье, монетное обращение, внешнеэкономические связи, Древняя Русь

Kuleshov Viach. S.

A Periodization of Monetary Circulation of Mid-8th — Early 11th centuries in Eastern Europe and the Dynamics of Economic Relationships of the Oldest Russian Squads

Kuleshov Viacheslav Sergeevich

State Hermitage Museum (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Researcher at the Department of Numismatics
 Belarus State University (Minsk, Republic Of Belarus)
 Graduate Student of the Chair of Russian History
 viacheslav.kuleshov@gmail.com

ABSTRACT

In the article the author invents a new periodization (chronological system) of Islamic coins circulation in Early Medieval Eastern Europe. The data on changing patterns of typological composition in monetary circulation are considered as a source for investigating the dynamics of economic relationships of the oldest Russian military-trading and princely squads of mid-8th — early 11th centuries.

KEYWORDS

Eastern Europe, Early Medieval period, monetary circulation, external economic relationships, Old Rus²

В большинстве современных концепций и систем взглядов на образование и развитие древнейшей русской государственности основополагающее значение придается изучению внешних (военных, дипломатических и торговых) связей ранне-средневековых групп и правителей Руси [17; 18; 14; 23; 13; 24; 21]. Причина та-

¹ Расширенный вариант доклада «Islamic Coins in Russian Viking Age Hoards» на Международном конгрессе 2015 г. по изучению средневековья (International Medieval Congress 2015) в Лидсе, Англия (9 июля 2015 г.).

кого положения дел заключается, очевидно, в том, что в корпусе арабских, латинских и византийских письменных источников IX–X вв., привлекаемых для реконструкции событий и реалий начального периода русской истории, содержатся преимущественно (или даже исключительно) свидетельства именно этого рода. Вместе с тем, под рассматриваемым углом зрения историками до сих пор весьма мало исследован и почти не интерпретирован богатейший фонд памятников восточноевропейского монетного обращения — кладов с исламскими серебряными монетами (куфическими дирхамами). Еще 1840-х гг. П. С. Савельев [20] и В. В. Григорьев [4] обосновали программу источниковедческого изучения раннесредневековых восточноевропейских кладов в контексте древнейшей русской истории. В 1920–1930-х гг. эта проблематика была блистательно продолжена трудами Р. Р. Фасмера [22] и Н. П. Бауера [2], а в наши дни обрела новую жизнь в работах американского русиста Т. Нунана (см. специальный обзор: [32]) и московского нумизмата А. В. Фомина. Тем не менее результаты и достижения этих и некоторых других авторов (среди последних следует назвать В. Л. Янина, С. А. Янину, В. В. Кропоткина, Р. К. Ковалева) не оказали должного влияния на изучение проблем древнерусского политогенеза в историографии XX — начала XXI вв. и остаются малоизвестными широкому кругу историков.

В чем же состоит значение восточноевропейских кладов куфических монет как источника для истории и хронологии древнейшей русской внешней политики и экономики? Дело в том, что на протяжении второй половины VIII — первых десятилетий XI в. типологический состав массы серебряных монет, ввозимых в Восточную Европу из двух зон исламского мира — Закавказья и Южного Прикаспия с одной стороны и Средней Азии с другой — претерпел весьма заметные изменения и сдвиги, причины которых коренятся, в первую очередь, во внутривнутриполитической динамике стран Халифата, а также в частных эпизодах и «волнообразных» процессах эмиссии монетного серебра в отдельных его регионах; эти процессы сейчас неплохо изучены (хотя совершенно не объяснены). Благодаря точной датировке (дата чеканки указывалась в монетной легенде после номинала и названия монетного двора) выпускавшихся в Халифате и поступавших в Восточную Европу монет, наблюдаемые процессы и сдвиги могут быть узко датированы, а представленные в монетном обращении эмиссионные группы могут рассматриваться как хронологические индикаторы отдельных его этапов. Заключительным шагом на пути рассмотрения восточноевропейского монетного обращения является интерпретация его этапов в терминах экономических связей с конкретными регионами-экспортерами монетного серебра.

В статье ставится задача кратко суммировать основные сведения о динамике серебряных эмиссий в странах исламской цивилизации VIII–X вв. и изложить новую периодизацию (хронологическую систему) монетного обращения раннесредневековой Восточной Европы, основанную на наблюдениях над динамикой типологического состава кладов и результатах их сериации (см. сводки материала, составленные мною и А. А. Гомзиным [19, с. 387–393]; к первой из них имеются ценные эмендации А. С. Щавелёва и А. А. Фетисова [25]). Отдельные фрагменты этой системы уже предварительно публиковались в изданиях нумизматических конференций [9; 12].

Этапы нумизматической истории стран Халифата и основные группы исламских монет в восточноевропейских кладах

К сожалению, применительно к отечественной историографии сохраняет свою актуальность следующее заключение Н. П. Бауера: «Восточная нумизматика... еще не написана» [2, с. 84]. В то же время мировая историко-нумизматическая наука располагает серьезными достижениями в области описания и классификации ран-

неисламских монет. Таковы, в частности, типологические и региональные своды [31; 33; 34; 36; 37; 38; 39], а также обобщения аналитического [35; 30], справочного [26] и компилятивного типа [29]. Таким образом мы располагаем сейчас значительно более полной и надежной базой для изучения истории монетных эмиссий и денежного обращения в раннесредневековом исламском мире, нежели та, которой в свое время располагали Р. Р. Фасмер (сам много сделавший для ее расширения) и Н. П. Бауер.

Монетное дело стран раннесредневековой исламской цивилизации второй половины VII — первой половины XI вв. прошло ряд этапов развития, реконструируемых на основании типологического изучения куфических монет. Периодизация истории выпусков серебряных куфических монет основана на общей широко признанной в настоящее время схеме 'аббасидской нумизматической хронологии, принадлежащей М. Бэйтсу [27]. Согласно Бэйтсу, монетное дело халифата 'Аббасидов следует рассматривать в рамках трех периодов: от присяги ас-Саффаха до смерти ал-Ма'муна (750–833 гг.), от присяги ал-Му'тасим би-ллаха до смерти ал-Му'таmid 'ала-ллаха (833–892 гг.) и от присяги ал-Му'таmid би-ллаха до падения власти 'Аббасидов в Багдаде при ал-Мустакфи би-ллахе (892–945 гг.). Для этих периодов приняты и используются индексы EA (Early 'Abbasid, рус. PA, раннеаббасидский период), MA (Middle 'Abbasid, рус. CA, среднеаббасидский период) и LA (Later 'Abbasid, рус. ЛА, позднеаббасидский период). По типологическим и технологическим особенностям чеканки серебряных монет эти периоды сильно разнятся (известны дирхамы более чем 110 монетных дворов, расположенных на огромной территории от Северной Африки, Египта и Сирии до Средней Азии и Восточного Ирана и от Йемена до Закавказья), хотя при определении хронологических границ между ними приходится опираться также и на события политической истории.

В самом сжатом виде эта периодизация выглядит следующим образом [10]:

- доаббасидский этап (хронологическая группа): до 750 г. (вторая половина VII — первая половина VIII вв.) — драхмы Сасанидов, дирхамы умаййадских наместников Ирана [7], Умаййадов [31; 8, табл. 2] и приверженцев 'Аббасидов [40], спахбедов Табаристана (Дабвайхидов);
- раннеаббасидский этап (хронологическая группа): 750–833 гг. — дирхамы ранних 'Аббасидов, 'аббасидских наместников Северной Африки, 'аббасидских наместников Табаристана [34], Умаййадов Испании, Идрисидов и их современников, Аглабидов;
- среднеаббасидский этап (хронологическая группа): 833–892 гг. — дирхамы средних 'Аббасидов, Тулунидов Египта, Абу Дулафидов ал-Джибала, 'Алидов Табаристана, Саффаридов и их современников;
- позднеаббасидский этап (хронологическая группа): 892–945 гг. — дирхамы поздних 'Аббасидов и их вассалов в Ираке, Саджидов Закавказья, Саффаридов и их современников, Саманидов и их вассалов, ранних Бувайхидов (до 945 г.);
- постаббасидский этап (хронологическая группа): 945 г. — начало XI вв. — дирхамы Саманидов и их вассалов, Бувайхидов (после 945 г.), Хамданидов Сирии и Верхней Месопотамии, Салларидов Закавказья, Зийаридов, Саффаридов Сиджистана, хорезмшахов Афригидов, хорезмшахов Ма'мунидов, 'Укайлидов, Марванидов, Караханидов.

Для X в. основополагающее значение имеют серебряные эмиссии среднеазиатского государства Саманидов (см. о нем: [1; 15]), начало которых было положено группой переходных 'аббасидско-саманидских типов 279–281 гг. х. (892–895) и продолжившейся с 282 г. х. (895/896) чеканкой монет с именами правителей-Саманидов. Выделяется три периода истории серебряной монетной чеканки саманидского государства: *ранний* (282–332 гг. х. = 895–943, синхронен позднеаббасидскому периоду), *средний* (333–366 гг. х. = 944–976) и *поздний* (367–389 гг. х. = 977–999).

Для позднего этапа выделяется чекан саманидских наместников и вассалов — Симджуридов (см. об их монетах: [3]). Основные монетные дворы государства Саманидов располагались в крупнейших городских центрах (Самарканд, Бухара, Мерв, Нишапур, Балх) и при серебряных рудниках (аш-Шаш, Андараба, Ма'дин), а выпускавшиеся на них дирхамы ежегодно доставлялись караванным путем из Хорезма на товарные рынки Восточной Европы (в нижневолжскую Хазарию и средневожскую Булгарию).

В составе фонда нумизматических памятников Восточной Европы зафиксированы серебряные монеты всех эмиссионных групп, относящиеся к указанным этапам. Среди них наиболее полными сериями представлены дирхамы Умайядов, ранних 'Аббасидов, 'аббасидских наместников Северной Африки, 'аббасидских наместников Табаристана, средних 'Аббасидов, Саманидов и их вассалов, Бувайхидов (вторая половина X в.) и Зийаридов. Малыми, но систематически наблюдаемыми сериями представлены монеты Сасанидов и умайядских наместников Ирана, Идрисидов и их современников, Саффаридов, Баниджуридов и их современников, поздних 'Аббасидов, правителей Восточного Закавказья, 'Укайлидов, Марванидов и Караханидов, а также государств Восточной Европы — Хазарии (подражания 'аббасидским дирхамам) и Волжской Булгарии (подражания саманидским дирхамам, а также именные выпуски с именами и тамгами правителей болгарской и суварской династий).

Периодизация восточноевропейского монетного обращения середины VIII — начала XI в.

По данным, накопленным к настоящему времени, начало археологически ощутимого поступления куфических дирхамов в Восточную Европу датируется серединой — второй половиной VIII в. и маркируется четырьмя региональными зонами концентрации находок: Северный Кавказ (Дагестан, Чечня и Северная Осетия), верхнее течение Северского Донца (могильники Верхний Салтов и Нетайловка и ряд городищ славяно-хазарского пограничья), Нижнее Поволховье (староладожское Земляное городище) и более широкая и культурно дифференцированная средневожско-камская зона. Нормы монетного обращения первых двух зон, реконструируемая по данным десятка монетных кладов, генетически связана с регионами Закавказья, центральных и прикаспийских провинций Халифата. С монетным обращением Хазарии второй половины VIII — первых десятилетий IX вв., по нумизматическим данным, оказывается связано монетное обращение микрорегиона Старой Ладogi, Поволховья и, шире, Северной Руси [16; 6]. Что касается волжско-камской зоны, то туда монеты поступали, главным образом, караванными путями из Средней Азии [11]. (Диагностические различия в композиции монетных комплексов из обращения центральных и восточных провинций Халифата VIII — первой половины IX вв. касаются распределения сасанидских драхм и умайядских дирхамов ранних этапов чеканки.)

Все ранние монетные находки (750–790-х гг.) известны исключительно из погребений и культурных слоев поселений: эпоха массового депонирования монетных кладов (в Восточной и Северной Европе и на южном берегу Балтики) начинается в первых годах IX в. Наблюдения над динамикой типологического состава кладов IX в. и их сериация по процентному соотношению узко датированных эмиссионных групп и по младшим монетам позволяют выделить следующие ступени восточноевропейского монетного обращения второй половины VIII — IX вв.

Ступень А: ок. 750/760–780/790 (~30–35 лет), соответствует денежному обращению Халифата середины и третьей четверти VIII в. Типологические группы-маркеры: сасанидские драхмы, умайядские и первые 'аббасидские дирхамы.

Ступень В: ок. 780/790–800/810 (~20–25 лет), соответствует денежному обращению Халифата последней четверти VIII в. Типологические группы-маркеры: дирхамы 'аббасидских наместников Северной Африки и Табаристана.

Ступень С: ок. 800/810–850 (ок. ~40–45 лет), соответствует денежному обращению Халифата от рубежа VIII–IX вв. до конца правления ал-Васик би-ллаха (842–847). Для очень больших кладов, независимо датированных контекстов и комплексов с хазарскими подражаниями второй четверти IX в. эта ступень может быть подразделена на С1 (ок. 800/810 — 820-е гг.) и С2 (830–840-е гг.). Типологические группы-маркеры: раннеаббасидские дирхамы ар-Рашида, ал-Амина и ал-Ма'муна, хазарские подражания второй четверти IX в. (последние — только С2).

Ступень D: ок. 850–895/905 (ок. ~45–50 лет), соответствует денежному обращению Халифата от начала правления ал-Мутавакил 'ала-ллаха (847–861) до начала позднеаббасидского периода. Для очень больших кладов, независимо датированных контекстов и комплексов с саффаридами и баниджуридскими монетами может быть подразделена на D1 (850–870-е гг.) и D2 (880–900-е гг.). Типологические группы-маркеры: среднеаббасидские «слепые» дирхамы, хазарские подражания второй половины IX в., монеты поздних современников средних 'Аббасидов (только D2).

Наблюдения такого же рода над динамикой типологического состава кладов X в., в массе своей не имеющих ничего общего с кладами IX в., позволяют выделить следующие ступени.

Ступень E: ок. 895/905–945/955 (~50–55 лет), соответствует серебряному монетному обращению государства Саманидов времени Исма'ила ибн Ахмада, Ахмада ибн Исма'ила и Насра ибн Ахмада. Типологические группы-маркеры: ранние волжско-булгарские подражания, позднеаббасидские дирхамы 279–334 гг. х., дирхамы Саффаридов, Саджидов и ранних Бувайхидов (до 945 г.).

Ступень F: ок. 945/955–969/979 (~25–30 лет), соответствует серебряному монетному обращению ранней поры позднего («бухарского») этапа саманидской серебряной чеканки времени Нуха ибн Насра, 'Абд ал-Малика ибн Нуха и Мансура ибн Нуха. Типологические группы-маркеры: дирхамы Бувайхидов после 945 г., дирхамы правителей Волжской Булгарии (Мика'ила ибн Джа'фара, 'Абдаллаха ибн Мика'ила, Талиба ибн Ахмада), Хамданидов, Салларидов, поздних Ваджихидов (Мухаммада ибн Йусуфа и 'Умара ибн Йусуфа) и Джуландидов, хорезмшаха-Афригида Ахмада ибн Мухаммада (только тип 348 г. х.), саманидский вассальный чекан Тохаристана («большие дирхамы»), а также — за пределами комплекса исламских монет — индийский чекан Кабула (Охинда) и византийские милиарисии.

Ступень G: ок. 969/979–994/1004 (~25–30 лет), соответствует серебряному обращению государства Саманидов времени Мансура ибн Нуха и Нуха ибн Мансура (включая вассальный чекан Симжуридов и наместников Хорасана). Типологические группы-маркеры: дирхамы Зийаридов, Бавандидов Табаристана и поздних Бувайхидов, дирхамы и брактеаты правителей Волжской Булгарии (суварского Му'мина ибн Ахмада и булгарского Му'мина ибн ал-Хасана), а также византийские милиарисии Василия II и Константина VIII и европейские денарии.

Ступень H: ок. 994/1004–1015/1025 (~20–25 лет). Типологические группы-маркеры: дирхамы Марванидов, 'Укайлидов («тип А», представленный памятниками Руси и Прибалтики), поздних Зийаридов, хорезмшахов-Ма'мунидов («тип Б», представленный памятниками Волжской Булгарии) и Караханидов. В рамках этой ступени в структуре монетного обращения начинают доминировать византийские милиарисии Василия II и Константина VIII, выпускавшиеся до 1025 г., и европейские денарии.

Ступень J: ок. 1015/1025–1070-е гг. (~60 лет). В начале этой ступени полностью прекращается ввоз в Восточную Европу каких-либо исламских монет, но в обращении (в том числе во вторичной функции украшений-подвесок) сохраняются монеты

предшествующих хронологических ступеней и фрагменты куфических монет как весовое серебро в кладах европейских денариев; верхняя граница ступени размыта.

Отдельно следует остановиться на ступени *E*, которая представлена большим количеством монетных комплексов и насыщена событиями нумизматической истории саманидского государства и Восточной Европы. Может быть намечено более детальное ее членение.

Ступень E1a: ок. 895–908 (~14 лет) — младшая фракция монетного обращения представлена саманидскими дирхамами Исма'ила ибн Ахмада (чекан аш-Шаша и Самарканда), дирхамами Саффаридов и восточноевропейскими подражаниями клюковицко-погорельщинской серии.

Ступень E1b: ок. 909–914 (~6 лет) — младшая фракция денежного обращения представлена саманидскими дирхамами Ахмада ибн Исма'ила и его вассалов в Тохаристане и восточном Мавараннахре (чекан аш-Шаша, Самарканда, Андаробы, Балха и десятка второстепенных монетных дворов).

Ступень E1c: ок. 915–924 (~10 лет) — младшая фракция денежного обращения представлена саманидскими дирхамами Насра ибн Ахмада (чекан аш-Шаша, Самарканда и вассальных монетных дворов Тохаристана и восточного Мавараннахра).

Ступень E2: ок. 925–945 (~20 лет) — дирхамы Насра ибн Ахмада в качестве младшей фракции вытесняют монеты Исма'ила и Ахмада из обращения; хорошо представлены волжско-булгарские подражания Саманидам и волжско-булгарские именные монеты *ал-амира йалтавара* (Алмыша-Джа'фара) и Мика'ила ибн Джа'фара (последние — не ранее конца 930-х гг.).

Динамика экономических связей древнейших русских дружин

Прежде чем перейти от хронологической системы монетного обращения к хронологической системе экономических связей русских центров Восточной Европы, необходимо кратко остановиться на проблеме употребления термина «дружина» в рассматриваемом контексте. Дело в том, что в ходе развернувшейся в последние десятилетия разветвленной дискуссии об адекватности и допустимости применения термина «государство» к ранним стадиям политогенеза древнерусских обществ VIII–X вв. и об особенностях и формальных признаках древнейшей русской государственности, в специальной литературе на этот счет были высказаны полностью противоположные точки зрения — от апологии ранней Руси как феодального (или квазифеодального) государства до полного отрицания государственного статуса и решительной архаизации раннедревнерусского общества (в ряде отношений полезный, хотя и не лишенный стилистических недостатков обзор содержится в книге А. Ю. Дворниченко [5]). Вместе с тем, по-видимому, несколько большее единство взглядов исследователи сохраняют в оценке ключевой роли военно-купеческой (более ранней) и княжеской (более поздней) дружины в становлении и развитии экономики и политических (прото-, пред- и раннегосударственных) структур Руси. Кроме того, факты существования и облик материальной культуры именно таких ранних дружин самым ясным образом документированы фондом археологических источников IX–X вв. (см. новейшее их обобщение: [19]). Таким образом, для рассматриваемого времени точнее и правильнее будет говорить не об экономических связях (складывающегося) Древнерусского государства, а об экономических связях конкретных локальных дружин и центров власти.

Резюмируя данные о композиционной динамике, типологическом составе и топографии монетных находок [19, с. 387–393], связываемых с активностью восточноевропейских обществ VIII — начала XI вв., можно предложить следующую хро-

нологическую систему торговых связей и векторов экономических интересов русских дружин и поселенческих центров.

Этап 1: по ступеням монетного обращения А и В датируется второй половиной VIII — началом IX вв. Соответствует монетному обращению Ладожского поселения, Поволховья и центров древнейшей Северной Руси и ее соседей, связанных с монетным обращением Хазарии и славяно-хазарского пограничья, и документирует начало поступления исламских монет в Балтийский регион. На этом «ладожско-хазарском этапе» (750–800-е гг.) древнейшие русские дружины входят в систему торговых связей с регионами исламской цивилизации при посредничестве торговых элит Хазарского каганата.

Этап 2: по ступеням монетного обращения С и D датируется IX в. Соответствует монетному обращению сети военно-торговых поселений и стоянок на речных путях и волоках лесной зоны Восточной Европы — на территориях бассейнов Западной Двины, Верхнего Днепра, Немана, Мсты, Мологи, Верхней Волги, Верхней Оки. Это «этап расширения русского мира» (810–890-е гг.). Система торговых походов и водных путей пронизывает всю лесную зону и связывает русские поселенческие и дружинные центры с Хазарией, Волжской Булгарией, Прикамьем и далее (по данным памятников арабской географической литературы IX — начала X вв.) через Каспийское море — с Табаристаном и центральными провинциями Халифата.

Этап 3: по ступени монетного обращения Е датируется концом IX — первой половиной X вв. Соответствует монетному обращению эпохи Рюрика (конец IX в.), Олега и Игоря. Эталонными памятниками монетного обращения являются клады древнейшего русского Киева 900–940-х гг. Основным торговым контрагентом Русского государства, в котором в конце IX в. утверждается власть новой династии (Рюриковичей), становится Волжская Булгария. Роль прямых торговых контактов с центрами Халифата, как показывает отсутствие в кладах значимых партий позднеаббасидских дирхамов, на этом «киевско-булгарском этапе» резко падает.

Этап 4: по ступени монетного обращения F датируется 950–970-ми гг. Соответствует монетному обращению эпохи Ольги и Святослава Игоревича. Эталонными памятниками монетного обращения являются клады древнейшего Новгорода, новгородской округи и Гнездовского поселения («прото-Смоленска»). Как и на предшествующем этапе, основу торговых отношений составляют контакты с Волжской Булгарией, но по ряду инноваций в монетном обращении очевидны и новые векторы: византийский (после событий, связанных с русско-византийским договором 944 г. и состоявшимся в 957 г. крещением княгини Ольги) и каспийский (после устранения в конце 960-х гг. «хазарского препятствия» для прямой торговли с Южным Прикаспием, в чем позволительно усматривать важнейший фактор развернувшейся в 970-х гг. мощной эмиссии монетного серебра в государстве Зийридов).

Этап 5: по ступеням монетного обращения G и H датируется 980–1010-ми гг. Соответствует монетному обращению эпохи Владимира Святославича. На этом этапе складывается система самых широких и многовекторных связей русских дружин и ранних городских центров в рамках одновременно трех направлений: восточного (Волжская Булгария, Каспийский бассейн и Западное Закавказье), византийского и европейского (Центральная и Северная Европа). Первое направление наиболее отчетливо представлено монетами государств Верхней Месопотамии и Малой Азии — эмиратов Укайлидов и Марванидов: в торговых связях с этими государствами, предположительно, ключевую роль сыграло Тмутараканское княжество, подхватившее «наследие» хазарской Таматархи.

Таким образом, уточнение хронологии восточноевропейского монетного обращения эпохи раннего средневековья существенно для изучения динамики и реконструкции экономических связей народов и государств Восточной Европы. В рамках

предложенной системы можно более детально обрисовать внешнеэкономический фон, проследить географические привязки древнейшего русского политогенеза и (по крайней мере, отчасти) проиллюстрировать важнейшие векторы торговой активности ранних русских дружин.

Литература

1. *Бартольд В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. 2: Исследование. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1900.
2. *Бауер Н. П.* История древнерусских денежных систем IX в. — 1535 г. / Изд. Подготовил П. Г. Гайдуков. М. : ООО «Русское слово — учебник», 2014.
3. *Беговатов Е. А., Бугарчев А. И.* Монеты династии Симджуридов // Нумизматические чтения 2013 года. М., 2013. С. 42–47.
4. *Григорьев В.* О куфических монетах VIII, IX, X и отчасти VII и XI века, находимых в России и прибалтийских странах, как источниках для древнейшей отечественной истории : (Читано в годичном собрании Общества 24 марта 1842 года) // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. I. Одесса: в Городской типографии, 1844. С. 115–166.
5. *Дворниченко А. Ю.* Зеркала и химеры. О возникновении Древнерусского государства. СПб. : Евразия; М. : Клио, 2014.
6. *Кирпичников А. Н.* Ладога VIII–X вв. и ее международные связи // Древняя Русь: новые исследования. (Славяно-русские древности. Вып. 2.) СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1995. С. 28–53.
7. *Колесников А. И.* Денежное хозяйство в Иране в VII веке. М. : Восточная литература РАН, 1998.
8. *Кулешов Вяч. С.* Периодизация чеканки куфических дирхамов в Халифате Умаййадов (по данным нумизматических источников) // Материалы и исследования Отдела нумизматики. (Труды Гос. Эрмитажа. Т. XLVIII.) СПб., 2009. С. 86–97.
9. *Кулешов Вяч. С.* Хронология обращения монет Халифата в Восточной Европе (VIII–IX вв.) // XVI Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. и сообщ. СПб., 2011. С. 46–48.
10. *Кулешов Вяч.* Новые данные о композиции Козьянковского клада // *Studia Numismatica Albaruthenica. Vol. I.* Минск : Медысон, 2011. С. 79–93.
11. *Кулешов Вяч. С.* Комплекс умаййадских монет Элмедского клада и его выдающееся историко-культурное значение // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования проблемы сохранения и музеефикации. Пермь, 2012. С. 218–227.
12. *Кулешов Вяч. С.* Хронология обращения исламских монет в Восточной Европе (конец IX — XI в.) // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2015 года: Мат-лы докл. и сообщ. М., 2015. С. 73–76.
13. *Мачинский Д. А.* Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения русского государства в середине VIII — середине XI в. // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. (Труды Гос. Эрмитажа. Т. XLIX.) СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. С. 460–538.
14. *Мельникова Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды. М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2011.
15. *Негматов Н. Н.* Государство Саманидов. Мавераннахр и Хорасан в IX–X вв. Душанбе : Дониш, 1978.
16. *Носов Е. Н.* Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII — X в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VIII. Л. : Наука, 1976. С. 95–110.
17. *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск: Русич; М.: Гнозис, 1995.
18. *Петрухин В. Я.* Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. М. : ФОРУМ; Неолит, 2013.
19. *Русь в IX–X веках: археологическая панорама /* Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда : ООО НИЦ «Древности Севера», 2012.
20. *Савельев П. С.* Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. Ч. I. Топография кладов с восточными монетами и изделиями VII, VIII, IX, X и XI века в России и

- прибалтийских странах, объясненная историческими свидетельствами о торговле северо-востока Европы в эпоху основания и утверждения русского государства. СПб., 1846.
21. Толочко А. П. Очерки начальной руси. Киев; СПб. : Лаурус, 2015.
  22. Фасмер Р. Р. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе // Известия Академии наук СССР. Сер. 7. Отд. общественных наук. Л. : Изд-во АН СССР, 1933. № 6–7. С. 473–484.
  23. Франклин С., Шепард Дж. Начало Руси. 750–1200 / Авториз. пер. с англ. Д. М. Буланина и Н. Л. Лужецкой. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000 (второе издание: 2009).
  24. Шинаков Е. А. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. Издание второе, исправленное и дополненное. М. : «Восточная литература» РАН, 2009.
  25. Щавелев А. С., Фетисов А. А. К исторической географии Восточной Европы IX — начала X века. Карта кладов и конфигурация торговых путей // Историческая география. Т. 2 / Отв. ред. И. Г. Коновалова. М. : Аквилон, 2014. С. 7–53.
  26. *Album St.* Checklist of Islamic Coins. Third Edition, November 2011. Santa Rosa CA: Stephen Album Rare Coins, 2011.
  27. Bates M. L. The 'Abbasid Coinage System, 833–946: Unpublished paper presented at the Annual Meeting of The Middle East Studies Association, 1996.
  28. Busse H. Iran under the Būyids // The Cambridge History of Iran. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. Vol. 4: The Period from the Arab Invasion to the Saljuqs. P. 250–304.
  29. Diler Ö. Islamic mints. Islâm darp yerleri. Vol. 1–3. İstanbul, 2009.
  30. Heidemann S. Numismatics // The New Cambridge History of Islam / Ed. Ch. Robinson. Vol. 1: The Formation of the Islamic World, Sixth to Eleventh Centuries. Cambridge e. a.: Cambridge University Press, 2010. P. 648–663, 775–779.
  31. Klat M. G. Catalogue of the Post-Reform Dirhams. The Umayyad Dynasty. London : Spink & Son Ltd, 2002.
  32. Kovalev R. K., Rispling G. Thomas S. Noonan in memoriam (1938–2001) // Revue numismatique. Sér. 6. Paris : Société française de Numismatique, 2002. Vol. 158. P. 375–383.
  33. Lowick N. Early 'Abbāsid Coinage: A Type Corpus. 132–218 H / AD 750–833 / Ed. by E. Savage. London : British Museum Press, 1996.
  34. Malek H. M. The Dabuyid Ispahbads and early 'Abbasid governors of Tabaristan: history and numismatics. London : Royal Numismatic Society, 2004.
  35. Miles G. C. Numismatics // The Cambridge History of Iran. Cambridge : Cambridge University Press, 1975. Vol. 4: The Period from the Arab Invasion to the Saljuqs. P. 364–377.
  36. Shams Eshragh A. Silver Coinage of the Caliphs (a Fully Illustrated Catalogue). Second Edition. London : Spink & Son Ltd, 2010.
  37. Treadwell L. Buyid coinage. A die corpus (322–445 A.H.). Oxford : Ashmolean Museum, 2001.
  38. Vardanyan A. R. Islamic Coins Struck in Historic Armenia. I. Armīniya, Arrān (Madīnat Arrān), Barda'a, Dabīl, Hārūnābād / al-Hārūniya and Ma'dīn Bājunays. Early 'Abbāsid Period (142–277 AH / 759–891 AD). Yerevan : Tigran Mets, 2011.
  39. Vardanyan A. R. The Coins as Evidence for the History of Armenia and Adharbayjan in the Xth Century AD. (Arbeiten zur Islamischen Numismatik 2.) Tübingen, 2013.
  40. Wurtzel C. The Coinage of the Revolutionaries in the Late Umayyad Period // The American Numismatic Society Museum Notes. Vol. 23. New York : 1978. P. 161–199.

References

1. Barthold W. *Turkestan down the Mongol invasion. Part 2: A Survey.* [Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestvija. Ch. 2: Issledovanie]. SPb. : Tip. V. Kirshbauma, 1900. (rus)
2. Bauer N. P. *The History of Old Russian money systems. IX c. — 1535* / Ed. P. G. Gajdukov. [Istorija drevnerusskikh denezhnykh system.] M. : Russkoje slovo — uchebnik, 2014. (rus)
3. Begovatov E. A., Bugarchev A. I. *The Coinage of the Simjurid dynasty.* [Monety dinastii Simdzhuridov] // Numismatic session 2013. [Numizmaticheskie chtenija 2013 goda.] M., 2013. P. 42–47. (rus)
4. Grigoriev V. *On the Kufic coins of 8th, 9th, 10th and partly of 7th and 11th centuries found in Russia and in the Baltic countries, as evidence for the oldest Russian history.* [O kuficheskikh monetakh VIII, IX, X i otchasti VII i XI veka, nakhodimykh v Rossii i pribaltijskikh stranakh, kak istochnikakh dlia drevnejshej otechestvennoj istorii // Notes of Odessa society for Russian history and antiquities. Vol. I. [Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostej. T. I.] Odessa : v Gorodskoj tipografii, 1844. P. 115–166. (rus)

5. Dvornichenko A. Yu. *Mirrors and Chimaeras. On the origin of Old Russian state.* [Zerkala i khimery. O vozniknovenii Drevnerusskogo gosudarstva.] SPb. : Evrazija; M. : Clio, 2014. (rus)
6. Kirpichnikov A. N. *Ladoga in the 8th–10th Centuries and its international contacts.* [Ladoga VIII–X vv. i jeje mezhdunarodnyje sviazi] // *Old Rus: New Surveys.* [Drevniaya Rus': novyje issledovaniya.] (Slavic-Russian antiquities. Vol. 2. [Slaviano-russkije drevnosti. Vyp. 2.]) SPb. : St Petersburg University Press, 1995. P. 28–53. (rus)
7. Kolesnikov A. I. *The Monetary System of Iran in the 7th Century.* [Denezhnoje khozajstvo v Irane v VII veke.] M. : Vostochnaja literatura RAN, 1998. (rus)
8. Kuleshov Viach. S. *The Periodization of Kufic Dirhams Minting in the Umayyad Caliphate (in the Light of Numismatic Evidence).* [Periodizacija chekanki kuficheskikh dirhamov v Khalifate Umayyadov (po dannym numizmaticheskikh istochnikov)] // *Materials and Surveys of the Department of Numismatics.* [Materialy i issledovaniya Otdela numizmatiki.] (Transactions of the State Hermitage Museum. T. XLVIII.) SPb. : The State Hermitage Publishers, 2009. P. 86–97. (rus)
9. Kuleshov Viach. S. *The Chronology of Caliphate Coins Circulation in Eastern Europe (8th–9th Centuries).* [Khronologija obrashchenija monet Khalifata v Vostochnoj Evrope (VIII–IX vv.).] // *XVI All-Russian Numismatic Conference: Talks and Papers.* [XVI Vserossijskaja numizmaticheskaja konferencija]: Tezisy dokladov i soobshchenij. SPb., 2011. P. 46–48. (rus)
10. Kuleshov Viach. *New Data on the Composition of Koz'yanki Hoard.* [Novyje dannye o kompozicii Koz'yankovskogo klada] // *Studia Numismatica Albaruthenica.* Vol. I. Minsk : Medysont, 2011. P. 79–93. (rus)
11. Kuleshov Viach. S. *The Complex of Umayyad Coins of Elmed Hoard and its Extraordinary Historical-Cultural Importance.* [Kompleks umajjadskikh monet Elmedskogo klada I ego vada-jushchejesia istoriko-kul'turnoje znachenije] // *Transactions of Kama Archaeological-Ethnographical Expedition.* N 8: Archaeological Monuments of the Volga-Urals Region. [Trudy Kamskoj arkheologo-etnographicheskoj ekspedicii. Vyp. 8: Arkheologicheskie pamiatniki Povolzhja i Urala.] Perm, 2012. P. 218–227. (rus)
12. Kuleshov Viach. S. *The Chronology of Islamic Coins Circulation in Eastern Europe (the Later 9th–11th Centuries).* [Khronologija obrashchenija islamskikh monet v Vostochnoj Evrope (konec IX — XI v.).] // *Numismatic Readings at the State Historical Museum 2015.* [Numizmaticheskiye chteniya Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeja 2015 goda.] M., 2015. P. 73–76. (rus)
13. Machinskij D. A. *A Background, Drivers and Historical Context of the Formation of the Russian State in the mid-8th — mid-11th Centuries.* [Nekotoryje predposylki, dvizhushchie sily i istoricheskij kontekst slozhenija russkogo gosudarstva v seredine VIII — seredine XI veka] // *The Formation of Russian Statehood in the Context of Early Medieval History of the Old World.* [Slozhenije russkoj gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoj istorii Starogo Sveta.] (Transactions of the State Hermitage Museum. T. XLIX.) SPb. : The State Hermitage Publishers, 2009. P. 460–538. (rus)
14. Mel'nikova E. A. *Old Rus and Scandinavia: Selected Papers.* [Drevniaya Rus' i Skandinavija: Izbrannye trudy.] M. : Universitet Dmitrija Pozharskogo, 2011. (rus)
15. Negmatov N. N. *The State of the Samanids. Transoxiana and Khurasan in the 9th–10th centuries.* [Gosudarstvo Samanidov. Maverannakhr i Khorasan v IX–X vv.] Dushanbe : Donish, 1978. (rus)
16. Nosov E. N. *Numismatic Evidence for the Northernmost Part of the Baltic-Volgaic Route of the Later 8th — 10th Centuries* [Numizmaticheskie dannye o severnoj chasti baltijsko-volzhskogo puti konca VIII–X v.] // *Auxiliary Historical Disciplines.* [Vspomogatel'nyje istoricheskije discipliny.] Vol. VIII. L. : Nauka, 1976. P. 95–110. (rus)
17. Petrukhin V. Ya. *The Beginning of Ethno-Cultural History of Rus, 9th–10th Centuries.* [Nachalo etnokul'turnoj istorii Rusi IX–XI vv.] Smolensk : Rusich; M. : Gnozis, 1995. (rus)
18. Petrukhin V. Ya. *Rus in the 9th — 10th Centuries. From the Invitation of Varyags to the Choice of Faith.* [Rus' v IX–X vekakh. Ot prizvanija variagov do vybora very.] M. : FORUM; Neolit, 2013. (rus)
19. *Rus in the 9th–10th Centuries: An Archaeological Panorama.* [Rus' v IX–X vekakh: arkheologicheskaja panorama] / Ed. N. A. Makarov. M. : Vologda: Drevnosti Severa, 2012. (rus)
20. Saveliev P. S. *Islamic numismatics as regards Russian History. Part I. A Topography of the Hoards of Oriental Coins and Objects of the 7th, 8th, 9th, 10th and 11th Centuries in Russia and in the Baltic Countries, Explained with Historical Evidence for the Trade of North-Western Europe in the Time of Making and Validation of the Russian State.* [Mukhammedanskaja numizmatika v otnoshenii k russkoj istorii. Ch. I. Topografija kladov s vostochnymi monetami i

- izdelijami VII, VIII, IX, X i XI veka v Rossii i pribaltijskikh stranakh, objasnennaja istoricheskimi svidetel'stvami o trgovle severo-vostoka Evropy v epokhu osnovanija i utverzhenija russkogo gosudarstva.] SPb., 1846. (rus)
21. Tolochko A. P. *Outlines of primary rus'*. [Ocherki nachal'noj rusi.] Kiev; SPb. : Laurus, 2015. (rus)
  22. Fasmer R. R. *On the Publishing of a New Topography of Kufic Coins Finds in Eastern Europe*. [Ob izdanii novoj topografii nakhodok kuficheskikh monet v Vostochnoj Evrope] // Papers of the Academy of Sciences of the USSR. Ser. 7. Social sciences. [Izvestija Akademii nauk SSSR. Ser. Otd. Social'nykh nauk.] L. : 1933. N 6–7. P. 473–484. (rus)
  23. Franklin S., Shepard J. *The Origin of Rus. 750–1200*. [Nachalo Rusi. 750–1200.] SPb. : Dmitrij Bulanin, 2000 (2nd ed.: 2009). (rus)
  24. Shinakov E. A. *The Formation of the Old-Russian State: Comparative-Historical Aspect*. [Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva: sravnitel'no-istoricheskij aspekt.] 2nd ed. M. : Vostochnaja literature RAN, 2009. (rus)
  25. Shchaveliov A. S., Fetisov A. A. *On the Historical Geography of Eastern Europe, 9th —early 10th Centuries. A Map of Hoards and the Configuration of Trade Routes*. [K istoricheskoj geografii Vostochnoj Evropy IX — nachala X veka. Karta kladov i konfiguracija torgovykh putej] // Historical Geography. [Istoricheskaja geografija] / Ed. I. G. Konovalova. M. : Akvilon, 2014. P. 7–53. (rus)
  26. *Album St. Checklist of Islamic Coins*. Third Edition, November 2011. Santa Rosa CA: Stephen Album Rare Coins, 2011.
  27. Bates M. L. *The 'Abbasid Coinage System, 833–946*: Unpublished paper presented at the Annual Meeting of The Middle East Studies Association, 1996.
  28. Busse H. *Iran under the Būyids* // The Cambridge History of Iran. Cambridge : Cambridge University Press, 1975. Vol. 4: The Period from the Arab Invasion to the Saljuqs. P. 250–304.
  29. Diler Ö. *Islamic mints. Islām darp yerleri*. Vol. 1–3. İstanbul, 2009.
  30. Heidemann S. *Numismatics* // The New Cambridge History of Islam / Ed. Ch. Robinson. Vol. 1: The Formation of the Islamic World, Sixth to Eleventh Centuries. Cambridge e. a. : Cambridge University Press, 2010. P. 648–663, 775–779.
  31. Klat M. G. *Catalogue of the Post-Reform Dirhams*. The Umayyad Dynasty. London : Spink & Son Ltd, 2002.
  32. Kovalev R. K., Rispling G. *Thomas S. Noonan in memoriam (1938–2001)* // Revue numismatique. Sér. 6. Paris : Société française de Numismatique, 2002. Vol. 158. P. 375–383.
  33. Lowick N. *Early 'Abbāsīd Coinage: A Type Corpus*. 132–218 H / AD 750–833 / Ed. by E. Savage. London : British Museum Press, 1996.
  34. Malek H. M. *The Dabuyid Ispahbads and early 'Abbasid governors of Tabaristan: history and numismatics*. London : Royal Numismatic Society, 2004.
  35. Miles G. C. *Numismatics* // The Cambridge History of Iran. Cambridge : Cambridge University Press, 1975. Vol. 4: The Period from the Arab Invasion to the Saljuqs. P. 364–377.
  36. Shams Eshragh A. *Silver Coinage of the Caliphs (a Fully Illustrated Catalogue)*. Second Edition. London : Spink & Son Ltd, 2010.
  37. Treadwell L. *Buyid coinage. A die corpus (322–445 A.H.)*. Oxford : Ashmolean Museum, 2001.
  38. Vardanyan A. R. *Islamic Coins Struck in Historic Armenia*. I. Armīniya, Arrān (Madīnat Arrān), Barda'a, Dabīl, Hārūnābād / al-Hārūniya and Ma'din Bājunays. Early 'Abbāsīd Period (142–277 AH / 759–891 AD). Yerevan : Tigran Mets, 2011.
  39. Vardanyan A. R. *The Coins as Evidence for the History of Armenia and Adharbayjan in the Xth Century AD. (Arbeiten zur Islamischen Numismatik 2.)* Tübingen, 2013.
  40. Wurtzel C. *The Coinage of the Revolutionaries in the Late Umayyad Period* // The American Numismatic Society Museum Notes. Vol. 23. New York, 1978. P. 161–199.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем Вам разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в различных отраслях государственного управления, ученым и преподавателям.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей:

23.00.00. Политология;

07.00.00. Исторические науки и археология;

08.00.00. Экономические науки.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich’s Periodicals Directory” (<http://ulrichsweb.serialssolutions.com/login>). Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций ERIH PLUS (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>)

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией

В соответствии с рекомендациями ВАК, редакцией устанавливаются требования к содержанию и оформлению публикуемых в нем статей.

Для публикации в журнале Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ «Управленческое консультирование» принимаются оригинальные научные материалы, соответствующие основной направленности издания, преимущественно связанной с исследованием процессов управления социально-экономическими и политическими системами, актуальных проблем государственного и муниципального управления, экономики, общества и реформ.

Требования к направляемым в редакцию материалам

1. Автор представляет в редакцию:

- ♦ распечатанный экземпляр статьи, подписанный автором, а также электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному; в конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником, материал не содержит сведений ограниченного распространения»
- ♦ две рецензии — внешнюю и внутреннюю, заверенные печатью.

2. Все представленные статьи проходят научную экспертизу. В случае если по результатам экспертной оценки получена отрицательная рецензия (статья рекомендуется к доработке или отклоняется от опубликования), автору направляется аргументированный отказ или рекомендации по доработке.

3. Рецензии хранятся в архиве редакции в течение одного календарного года с момента их представления и могут быть представлены по запросу авторов и ВАК Министерства образования и науки РФ.
4. Плата с аспирантов за публикацию рукописей статей не взимается.

Требования к оформлению материалов

1. Каждая статья должна быть сопровождается:
  - **сведениями об авторах** (на русском и английском языках), которые указываются в первой подстрочной ссылке — сноске (для нее следует использовать символ *) и включают в себя фамилию, имя, отчество полностью; ученую степень; ученое звание; место работы; должность; адрес электронной почты. После указания места работы в скобках указывается город;
    - ◆ **кратким рефератом на русском и английском языках**, раскрывающим основное содержание статьи (≈ 200–300 слов);
    - ◆ **ключевыми словами на русском и английском языках.**
2. Технические требования к материалу:
  - поля — 2,5 см везде;
  - ◆ номера страниц — в низу страницы, выравнивание — справа, номер на первой странице не указывается;
  - ◆ шрифт — Times New Roman;
  - ◆ аннотации, ключевые слова — 12 кегль, межстрочный интервал — 1;
  - ◆ основной текст — 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5;
  - ◆ ссылки — затекстовые (вынесенные за текст документа и оформленные как список использованной литературы **в алфавитном порядке**), 12 кегль, межстрочный интервал — 1. **Ссылки на электронные ресурсы, правовые и законодательные акты, архивные материалы и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи!**
3. Порядок расположения материалов:
  - ◆ инициалы и фамилия автора(-ов). Расположение — по центру, кегль — 12. Ссылка на сведения об авторе(-ах);
  - ◆ название статьи (на русском и английском языках). Расположение — по центру, кегль — 14, полужирный шрифт;
  - ◆ краткий реферат на русском языке;
  - ◆ краткий реферат на английском языке (идентичный реферату на русском языке);
  - ◆ ключевые слова на русском языке;
  - ◆ ключевые слова на английском языке;
  - ◆ основной текст статьи.
4. Требования к оформлению:
  - ◆ абзацный отступ — 1,25 см (меню «Формат» → «Абзац». Табулятор «Tab» не используется);
  - ◆ расстановка переносов не применяется;
  - ◆ все примечания, в том числе сведения об авторе, оформляются как подстрочные ссылки, или сноски, вынесенные из текста в низ полосы документа;
  - ◆ все лишние пробелы убираются, между словами должен быть только один пробел; знаки препинания (за исключением тире) ставятся сразу же за предваряющим его словом без пробела;
  - ◆ выделения внутри текста набираются только курсивом (подчеркивания, слова, набранные прописными буквами, полужирным шрифтом, не допускаются);
  - ◆ нумерованный список пунктов дается в обычном порядке (1, 2, 3 и т. д.), причем каждый пункт начинается с нового абзаца;

- ◆ маркированный список пунктов оформляется только с помощью тире.
5. Оформление ссылок (**ВАЖНО!!!**):
- ◆ ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 (требования к кратким затекстовым ссылкам);
  - ◆ краткая затекстовая ссылка содержит следующие элементы: фамилия и инициалы автора (курсив) издания, основное заглавие, сведения об издании, место издания, издательство (если название издательства отсутствует хотя бы в одной публикации, то необходимо опустить названия издательств в других публикациях, либо указать название издательства во всех ссылках, т. е. привести к единообразию), год издания, сведения о местоположении объекта ссылки (если ссылка дается на часть документа), обозначение и порядковый номер тома или выпуска, физическая характеристика (полный объем издания либо конкретные страницы). Области библиографического описания разделяются точкой;
  - ◆ для связи с текстом порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке указывают в отсылке, которую приводят в квадратных скобках в строку с текстом. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста, в отсылке указывают порядковый номер источника и диапазон страниц, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком «точка с запятой»;
  - ◆ список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.
- Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в форматах *.tiff или *.jpg.

Примеры оформления материалов

1. Сведения об авторе

Иванов Иван Иванович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой

Доктор философских наук, профессор.

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки

В тексте:

«А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире : политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках

◆ *Монографии:*

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

◆ *Статьи в научных сборниках:*

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

◆ *Публикации в многотомных изданиях:*

Ирвинг В. Собр. соч. В 5 т. : пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского : в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

- ◆ *Статьи в научных журналах:*
  1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба: Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.
  2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.
- ◆ *Статьи в газетах:*

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.
- ◆ *Правовые акты:*

О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.
- ◆ *Архивные документы* (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.
- ◆ *Электронные ресурсы оформляются следующим образом:*
  1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: Сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2013).
  2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2012).

Ссылки на таблицы и рисунки приводятся внутри текста: (табл. 2, рис. 1). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

2016. № 2(86)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. В. АНТОНОВА

Сдано в набор 02.02.2016.
Подписано к печати 15.02.2016.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 14,8. Тираж 650 экз.
Заказ № 2/16.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Аннотации статей и перевод
на английский язык В. В. ПОЛЯХ

Корректор Н. Б. НЕНАХОВА
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по Объединенному каталогу «Пресса России» 82909, по каталогу
Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления – филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97